

18+

Татьяна

Ульянина-Васта

Прощённое Воскресенье

Татьяна Ульянина-Васта

**Прощённое Воскресенье.
Свидетельство о силе
Духа человека в самых
нечеловеческих условиях**

«Издательские решения»

Ульянина-Васта Т.

Прощённое Воскресенье. Свидетельство о силе Духа человека
в самых нечеловеческих условиях / Т. Ульянина-Васта —
«Издательские решения»,

Ошибка магов «Аненербе» на Синае в 1940 году запустила невидимый часовой механизм. Вспышка на Солнце, парализовавшая мировую систему связи, была лишь первым предупреждением, которому не вняли. Спустя полвека, в 1997 году, эхо катастрофы волной прокатилось по миру, ломая границы и судьбы: от России и Чечни до Украины, Грузии, Германии и Австрии. Осознав масштаб беды, маги ищут способ всё исправить. Но старые силы мертвы. Теперь нужны новые проводники — готовые стать камертонами великого финала.

Содержание

Глава 1. Поцелуев мост	8
Нам в Первом меде учиться повезло	8
Консилиум на четверых	10
Берега расправляют крылья	12
Бранзалеты	14
Ленинградцы — дети мои, ленинградцы — гордость моя...	16
Поля. Полина	19
Кружатся чайки над Финским заливом	21
Декабрьский ветер	22
Покидая родину	23
Благословение	25
«Зима в огне»	26
Стучите — и вам откроют	29
Глава 2. Маятник Фуко	31
Я — грузин	31
Будь кацы	33
Старая Русса	35
Крестовый поход	38
«Планетарий»	40
Шкура барса	42
Если я пойду долиной смертной тени	44
Звёздное небо	46
Правила Питерской подворотни	51
Глава 3. Медный всадник	58
В шумном зале ресторана	58
Медуза Горгона с доставкой на дом	62
У каждого Абрама своя программа	64
Хотели как лучше	65
Тяжело в учении — легко в бою	67
Из песни слов не выкинешь	69
Блудный сын	70
«Перуанский» бальзам	71
Глава 4. Каскад	72
Похоть от слова «охота»	72
Миром правит голод	73
Если ты не служил в армии — ты не мужчина	74
Грузинки с золотыми глазами	75
Меургело	76
Мы — дети интернационалистов	77
Лестница на полосе препятствий	78
Неразумные девы	79
Внук корабелов	81
Правду ли сказал Бог?	83
Глава 5. Чужие тут не ходят	85
Так само случилось вдруг	85
Выпускница школы народных танцев при доме офицеров	87

Свет факелов над Невой. И тьма не объяла его	88
Долгие проводы — лишние слёзы	89
Бабушка Ядя	90
Это сестра Руслана	92
Ратичи	94
Содействие армии и флоту	95
Глава 6. Не воюй с собственным сыном	99
Князь Леван	99
Два Давида	101
Каждый выбирает по себе	102
Единственный сын	103
Между двумя мостами	104
Где тот ребенок?	105
Сварга	107
По заветам Деда Мороза	109
Законы Рита	111
Женщина Багратиона	113
Бабочки многоцветницы	114
Глава 7. Легенды Суворовского госпиталя	116
Пруссия-44	116
Новороссия	118
Бытовая травма	121
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Прощённое Воскресенье Свидетельство о силе Духа человека в самых нечеловеческих условиях

Татьяна Ульянина-Васта

*Моим бабушкам — Васте, Адарке, Ульяне.
Без вас этой книги не было бы.*

© Татьяна Ульянина-Васта, 2026

ISBN 978-5-0070-7047-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
От автора.

Где-то в другом слое воображаемых миров всё это могло произойти на самом деле.
Но не в нашей плотной реальности.

События, имена и места в этой книге вымышлены. Любые совпадения — случайны, но, возможно, неслучайны в каком-то ином континууме. Эта книга — результат моего многолетнего труда. Все идеи, сюжет, персонажи и основная структура созданы автором. В процессе редактуры использованы инструменты на базе искусственного интеллекта для улучшения стиля и структуры текста в части технической документации и расчётов.

Техническая часть целиком, для возможности проверки, указанных в романе азимутов, расстояний, углов и координат будет издана отдельным документально-художественным произведением для любознательных читателей как роман «Квадра. Вторжение на Хорив».

Автор этого романа не ставит перед собой задачу что-то доказать академической науке, официальным историкам или государственным институтам. Им не нужны доказательства — у них есть регалии, параграфы и Системные коды для программирования миллионов.

Эта книга — не попытка спорить с теми, кто пытается спрятать концы реального Рейха в воду, списывая иррациональный ужас истории на сухой прагматизм машин и логистики.

Всё, что вы прочитаете ниже — от секретных досье СМЕРШ до частотных сдвигов субличностей и Крутящего Моменты Богов — построено на личном опыте автора.)))

Ошибка, допущенная магами оккультного ордена «Аненербе» в 1940 году среди песков Синая и в Долине Мёртвых Царей Египта, повредила саму ткань мироздания, заставив фальшивить фундаментальный Замысел. Вспышка на Солнце, парализовавшая тогда планету и погрузившая человечество в информационный хаос, была лишь первым беззвучным криком разорванной струны — глухим предупреждением о том, что золотая нитяная сетка, удерживающая мир над Бездной, дала трещину.

Спустя полвека, в 1997 году, разрушительное эхо этого святотатства тектонической волной прокатилось по Земле, искажая судьбы и стирая границы реальности. Дрожь поврежденного каркаса, берущая начало у подножия священной заснеженной Горы, пролегла через охваченный огнем Первомайск в Чечне, растерянную Россию с её Санкт-Петербургом и Старой Руссой, бурлящий Тбилиси, консервативную Германию и тихую Австрию. Сверхъестествен-

ный, пугающий резонанс связал в единый кровотокающий узел Киев, Львов, Ровно, Винницу, Сарны и древний Хорив.

Осознав масштаб надвигающейся катастрофы, маги прошлого отчаянно ищут способ исправить содеянное и восстановить разрушенные опоры. Но старые заветы бессильны, когда рвутся сами нити бытия. Теперь, чтобы соткать реальность заново и удержать её от падения в Бездну, им нужны новые проводники. Те, кто даже не подозревает о своей силе, — простые, чистые и открытые люди, способные настроить свои сердца в унисон с Логосом и стать живыми, сияющими камертонами в оркестре грядущего великого финала.

Глава 1. Поцелуев мост

«На другой день поутру я пошёл осматривать следствия стихийного разрушения.

Кашин и Поцелуев мосты были сдвинуты с места»

Александр Грибоедов. «Частные случаи петербургского наводнения»

Нам в Первом меде учиться повезло

Первый учебный год остался позади. Что могло быть круче.

Игорь откинулся на спинку скамейки, с наслаждением потянулся и широко улыбнулся. Вокруг шумела Петроградская набережная: где-то вдали гудел катер, а рядом смеялись дети, запускающие воздушного змея.

— Всё, ни одной книжки! — он зажмурился, подставляя лицо солнцу. — Только рыбалка и сон.

Марина подвинулась вплотную и лукаво прищурилась:

— Ну да, приехал из «города невест» в наш женский мед. Решил сменить обстановку? — она шутливо ткнула его в плечо, не сводя с однокурсника влюбленных глаз.

— Первым делом — самолеты! — Игорь, будто не заметив кокетства, вскочил и, расправив руки-крылья, закружил на месте. — Ну а девушки?

Анна и Катя, наблюдавшие за «пилотажем» неподалеку, синхронно закатили глаза.

— А девушки от вас отдыхают, — фыркнула Аня, тряхнув безупречным каре. — Проживем, Кать?

— Легко, — приснула подруга. — Пусть летает, санавиация ивановская.

Игорь уже не слушал их подначки, упоенно перечисляя перспективы:

— Никаких общажных клопов, никакой анатомички! Не жизнь, а крем-брюле!

В эту минуту он так походил на озорного ребенка, что Катя неожиданно заявила вполголоса:

— Всё. Решено: выхожу замуж за Морозова.

— Да он на тебя и не смотрит, — хмыкнула Аня. — Вон, Маринка-Мальвинка уже включила «фарфоровую куколку».

— Маринке такой ас не по зубам. Пусть даже не пытается крутить хвостом.

Катерина прищурилась. В меде, как и в стране, приличных парней разбирали ещё щенками — на первом курсе, пока они не успели оглядеться.

— Своего счастья Морозко еще не понял, — добавила она с профессиональным спокойствием будущего акушера и так уверенно качнула головой, что перехваченная сеточкой «шишечка» на затылке лопнула от напряжения. Локоны веселой волной рассыпались по плечам. Катя махнула рукой, и заколка оказалась в её кулачке. Девушка будто взвесила её на ладони, окончательно определяясь с выбором.

— Помучается — и родит... решение. Нам, Аня, в сроках ошибаться нельзя.

Между девочками-однорукими существовало негласное соревнование, чья «шишечка» — стянутая сеточкой гулька из волос — самая объемная. Катина давала фору большинству, так что ей было на что ставить. Но словно в насмешку над её планами, у исхудавшего за сессию Игоря из-за резкого движения из-под пояса джинсов выскользнул потрепанный конспект по биологии. Кто-то из парней ловко подхватил тетрадь и перебросил Маринке:

— Держи быка за рога!

Маринка тут же прижала трофей к груди и пропела, лукаво глядя на плюхнувшегося рядом парня:

— Верну, только за настоящий поцелуй!

Раскрасневшийся Игорь не заставил себя ждать: он сгреб девушку в охапку столь решительно, что за его широкими плечами только и остались видны яркие заколки — «порхающие бабочки».

— Что ты будешь делать... — Катя осеклась под ироничным взглядом подруги и негромко, только для Ани, добавила: — Этого я ей ни за что не спущу.

А совершенно счастливый Игорёк, ни сном ни духом не ведавший о сгущавшейся над ним грозе, выглядел как ухарь-купец, удалой молодец. Он ни единым нервом не чувствовал Катиного яростного взгляда. А она про себя кипела: «Ну, голубчики, не на ту напали! Я своего всё равно добьюсь».

Аня, прикинув шансы сторон, только плечами пожала:

— Мужчина мечты... Вот что в нем особенного? Ни связей, ни квартиры в Питере. Уедет потом в свою провинцию, а тебе следом бросать город ради какого-нибудь Иванова?

До сих пор в Первый мед многие поступали «по звонку». Несмотря на то, что советский строй приказал долго жить, старые привычки сдавать свои бастионы не собирались. Игорёк на этом фоне казался птицей залётной, не имеющей ни влиятельных родителей за спиной, ни финансов.

Вопреки здравому смыслу, трезвые доводы Ани не достигли цели.

— Каждому своё красиво... а что, если это любовь? — невпопад пробормотала Катя.

— А что, если это обычная зависть к Мальвинке? — Анюта кивнула на парочку, и дельфинчики в её ушках задорно поддержали предположение хозяйки.

Маринка уже по-хозяйски уселась к Игорю на колени и что-то упоённо щебетала юноше на ухо. Катя прикусила губу и оглянулась в растерянности. Сердце, ёкнувшее музыкальным «дзинь», когда Игорь кружился перед однокурсниками, теперь сжалось от несправедливости.

Кто говорит, что *он* тебя не слышит

Чтобы отвлечься, Катя обвела набережную глазами — её взгляд остановился на крупном сизаре. Птица, отделившись от стаи голубей, деловито собиравших крошки на асфальте, замерла, будто ожидая чего-то. Волна девичьего разочарования словно докатилась до птахи, и сизарь вскинул голову: взгляды скрестились, и в этот момент Катя с неожиданным внутренним отчаянием взмолилась: «Ну же, если ты и правда небесный вестник, сделай хоть что-нибудь!»

В эту минуту мимо «голубков» на скамейке промчалась компания подростков на сноубордах, спровоцировав переполох в птичьих рядах. В возникшей суматохе один из «небесных ангелов», Кате даже показалось именно тот — её сизарь, умудрился оставить на лифе Маринкиного светлого платья-комбинации расплывчатое безобразное пятно.

— Нуте! Наш человек! — Анна обрадовалась за двоих.

— Цыплят по осени считают, — Катя мысленно будто бы перекрестилась: судьба.

Маринка так расстроилась из-за отвратительной кляксы на кремовом шёлке, что была не в состоянии слушать ободряющие возгласы окружающих про голубя и скорую удачу. Она поспешно собрала вещи и умчалась домой.

Игорь растерянно проводил подружку взглядом и, к радости ревнивицы, вовсе не казался удрученным. Привстав, он потянулся, расправил плечи, одним движением заправил рубашку в джинсы и... широко, открыто улыбнулся голубям.

Едва Катин сизарь, сделав круг над набережной, снова возник неподалёку — девушка заговорщицки подмигнула своему ангелу-хранителю.

Консилиум на четверых

Наконец компания разбилась на группки и побрела в разные стороны.

Оставшись вчетвером, бывшие первокурсники Первого Питерского меда — в просторечии «Пашки» — перевели разговор в мужское русло. Свободного времени теперь было много, и парням хотелось прикинуть, на чём подзаработать за лето. Вариантов просматривалось несколько.

Марк Магер предложил срубить бабло у его отца, владельца небольшого массажного салона, расположившегося в бывшем красном уголке на Литейном. Молодым здоровым рукам, по словам Маркуса, всегда бы нашлось достойное применение в женском оздоровительном клубе.

Борис Евгеньевич, отец Марика, еще во время учебного года подыскивал среди подходящих приятелей сына кандидата на подработку — разумеется, в те мифические «свободные часы», о которых мечтают все студенты-медики.

Теперь лето, маячившее на горизонте, из окон тесной кафешки казалось бескрайним океаном времени. В нем вполне мог уместиться даже «Литейный салон» Магера-старшего.

Один Игорь, изморенный упомянутыми ранее клопами и тараканами, доставшимися в наследство от дореволюционной эпохи нынешним студентам университетских общежитий, не желал ничего, кроме родного, пусть и провинциального, но вовсе не кровожадного Иванова.

«Пашка»

— Теперь я знаю откуда Маяковский вытащил своего «Клопа». Из нашей Пашки. Видно, так его достали кровососы старорежимные.

— Игорьёк, ты полагаешь, что тебя сосали ещё те? Наследники Хабалова? — Марк Магер происходил из семьи дореволюционных петербургских врачей. Состязаться с ним в именах и улицах города на Неве было бесперспективно. Точнее никто из его приятелей вот так непридуманно не мог бы похвастаться своим коренным происхождением.

Компания приятелей подобралась контрастная, однако довольно близкая по духу.

Игорь приехал учиться в Питер из далёкого Иванова. Он чем-то напоминал Есенина, но был крепче сложен и не имел изнеженной мягкости в лице. Парни звали его Морэ (сокращение от Морозова), а девчонки-одгруппницы ласково величали Морозко. В их дружеском подначивании сквозило что-то по-настоящему сказочное: Игорь казался добрым экранным богатырем, увальнем с медвежьей статью и широкой душой.

У Стаса Пасечника, то ли поляка, то ли литовца, лишних имен не водилось. Они обходили его стороной. Стас будто стоял на ступеньку выше остальных, и любое панибратство разбивалось о его ледяное спокойствие. Единственное исключение он сделал сам, превратив собственную фамилию в шутивную кличку благодаря коронной поговорке.

— Пиявки и пчёлы — наша панацея от всех болезней человеческих, — заявлял Стас всякий раз, когда плыл на экзамене.

Семья Пасечника оказалась в Питере случайно, после расформирования Западной группы войск. Однако, несмотря на переезд, семейная традиция сохранялась: как и у Марка, медицина в роду Стаса наследовалась по прямой материнской линии.

По отцовской линии эстафету принял Леван Гиоргадзе, продолживший династию тбилисских хирургов: деда Шалвы и дяди Темури.

Когда первого сентября ребята встретились впервые, никто не принял Левана за грузина.

— О, у нас будет учиться португалец? Нет? Тогда, похоже, грек?

Сам же Леван уверял, что никогда, даже по фотографии, не спутает грузина ни с одной другой нацией:

— Грузины очень сильные! Нас ни с кем не спутаешь. Это особая отличительная черта наших мужчин, которую не скрыть даже на фото.

— Ты хотел сказать, что они выглядят сильными из-за своих крупных голов? — поддел кто-то из редких парней на курсе.

Леван растерялся: он не собирался задеть чьё-то самолюбие. На выручку неожиданно пришел парень с первой парты. Повернувшись тот резко отбрил нападавшего:

— Ты будущий судмедэксперт-патологоанатом? Только ваш брат описывает людей такими техническими оборотами.

Леван, не умеющий легко жонглировать словами на русском, благодарно кивнул. Он сразу почувствовал в темноволосом смуглом юноше родственную душу.

— На самом деле, — вполголоса, но твердо продолжил отстаивать свою правоту Леван, стараясь, чтобы его слова не показались пустой бравадой, — самые большие веса в тяжелой атлетике всегда брали грузины. Равны нам только армяне.

Марк поднялся со своего места, подошёл и ободряюще хлопнул Гиоргадзе по плечу:

— Какие между нами, горцами, могут быть счёты? Меня Марк Магер зовут.

Леван заметил, как этот рослый, худощавый парень во время разговора привычно вскидывает голову, отбрасывая назад бунтарскую шевелюру — словно выверяет позицию для броска. Впрочем, подобная оборонительная стойка сейчас не выглядела чрезмерной. Позже Марк и сам иронично бросит приятелям: «Взгляни на еврея, землёй полированного».¹

«Настоящий *армянин*, хотя и нефор», — улыбнулся наконец расслабившийся Леван, пожав протянутую руку:

— Леван Георгадзе².

Отчего-то с самого переезда в Петербург — в начале 1991-го ещё именовавшийся Ленинградом — Леван Гиоргадзе всегда с чувством внутреннего напряжения входил в любой новый коллектив.

Не то чтобы его, тринадцатилетнего подростка, неверно выговаривавшего русские слова (о чем в родном Тбилиси он, естественно, и не задумывался), кто-то встретил с открытой неприязнью. Совсем нет, в новом городе мальчика подавляла не столь явная для взрослых агрессия — иначе бы подросток так и не выбрался из комплекса неполноценности. Однако глухое отторжение явственно нарастало, как реакция на акцент, на внешность, на неумение правильно поставить себя в бурных молодежных компаниях начала девяностых, когда и в его родной стране, и здесь всё катилось в тартарары.

Почему-то не срасталось с близкими друзьями. Не было рядом любимых дедов и бабушек, привычной ватаги двоюродных и троюродных братьев. Мальчик, любивший горы и море, шумные застолья, обладавший прекрасным грузинским голосом — отчего на семейных праздниках его всегда просили спеть старые народные песни, — тот уверенный в себе Леван просто потерялся в вечно холодном северном городе. Тбилисцу даже представить себе было сложно, что солнца на земле может быть так мало — будто людей здесь наказали за что-то непонятное.

Как-то на уроке учительница записала на доске: «Незнание закона не освобождает от ответственности». Тема касалась хулиганских выходок нескольких ребят из их класса. «Братва» здесь называлась бригадой. И это была не сплоченная грузинская «братсха» — это была шайка во главе с бригадиром. В тот день Леван сделал для себя открытие, что его «незнание» заключалось в другом: кому солнце должно светить, а у кого его нужно отнять. И похоже никто из одноклассников не понял бы на тот момент его мысль, даже если бы Леван рискнул её озвучить перед классом.

¹ * Прим. автора. «Еврей: Товарищам из ОЗЕТа» В. В. Маяковский

² * Прим. автора. Окончание фамилий «-дзе» — сын (старогруз.)

Берега расправляют крылья

Удивительно, насколько на редкость солнечным выдался сегодняшний северный летний день — прямо как на заказ. Будущие второкурсники шумно праздновали окончание первого года из шести и с юношеским максимализмом были уверены: теперь-то солнце будет светить им всегда, а жизнь пойдёт по накатанной — легко и радостно.

— Шел я верхом, шел я низом, строил мост в социализм, не достроил и устал, и уселся у моста, — Марку часто приходили на ум стихи, и не всегда было ясно — не собственного ли они сочинения.

— У которого? — уточнил Морэ, любивший слушать про Ленинград: так парень из Иванова по старинке называл этот город.

— Это из «Клопа», — определил авторство Марк и добавил, — Странно, правда? Как будто Маяк это про сегодня написал.

— Строили мы строили — и, в конце концов, построили, — с недетской иронией, глубоко вздохнув, согласился Морэ. — У нас развалили всё. Родители подались в челноки: кругом в окрестностях все закрыто, работы нет. Как Мамай прошёл по городу.

— Не нужно столько невест, — сочувственно подвел черту Марк, — будут снова купчихами.

— А купчих столько нужно? — Игорь не разделил, как ему показалось, неуместной шутки. — У мамы от этих тяжелых баулов — вены на ногах и руках вздулись. Хорошо, еще что я последний. Два старших брата им помогают. А если бы были младшие? Кто бы мне дал учиться в Ленинграде?

— Ленин не достроил, Сталин не достроил, Хрущ не достроил, Брежнев и тот строил-строил и не достроил... — Маркус постарался перевести разговор в менее опасное русло, перейдя к глобальным обобщениям. — Может там вообще нет никакой репки? Так только — мираж пустыни...

— Нужно строить что-то другое, — разумно охладил общий пыл Стас. Он потер скромный черный браслет на запястье — амулет на успешную сдачу, как парень сам когда-то объяснил одногруппникам.

Салон красоты на Литейном

Магер, понимая, что с трудными вопросами «перестройки» лучше не шутить, тут же поддержал Пасечника:

— Вот мой отец и начал. Открыл свое дело — массажный салон. Записывайтесь — обещал платить.

— Кто только ходит по этим салонам? — вздохнул, сбавляя обороты, Морэ.

— Чайки братков. Бойцы — по спортивным клубам, а их шмары — по салонам красоты.

Сын ивановских ткачих в четвертом поколении, будущий врач, Игорь Морозов совсем не интеллигентно плюнул, с такой русской горечью, будто он из «Кому на Руси жить хорошо?» нарисовался в имперской столице.

— И вы туда пойдёте? Гладить этих выдр?

Парни переглянулись и промолчали. Салон Магера на Литейном явно остался без их крепких рук.

— Это тебе не кариатиды, — признал провал своей агитации Марк. Он поправил шелковый шарф с принтом «инь-ян», небрежно намотанный поверх идеально выглаженной рубашки.

В облике Марика элегантность уживалась с эпатажем: дорогой уличный стиль, где любая мелочь бросала скрытый вызов нормам. Родители давно сдались — спонсировать причуды сына оказалось легче, чем воевать с его экзотическим самовыражением.

— Это какая-то Венера Милосская... — подытожил он ситуацию.

— Плакат из кожвендиспансера «Остерегайтесь случайных связей», — Пасечник, получивший сегодня «отлично», окинул друзей снисходительно-ироничным взглядом.

Его настрой передался Игорю, закрывшему сессию на четверки:

— Вот когда Пасечник откроет с отцом производство браслетов из военного циркония — это будет честная работа. Продажа талисманов счастья хотя бы не вызывает у меня отвращения.

Стас совсем расплылся в улыбке, что сделало его обычно невозмутимое лицо по-мальчишески задорным:

— Возможно, и открою. На всякий товар найдется свой купец.

— «На Литейной улице я помню старый дом — с широкой чудной лестницей, с изящнейшим окном», — Марк, как всегда, красиво закруглил разговор. И добавил с убийственной авторитетностью: — Зря вы, конечно... Если что, это тоже из «Клопа».

Юноша мечтательно прищурился, будто предвидя будущий успех отцовского дела. Пройдет десяток лет, и Магеры действительно выкупят под офисы целую сеть массажных салонов — уже легальных и респектабельных.

— Ничего, — Морэ хлопнул себя по бедрам и поднялся. — Со второго курса берут санитаром на скорую. Надо с чего-то начинать.

— Тебе повезло, — Стас пожал другу руку на прощание. — Начал сегодня и просто, и сложно — с поцелуя прекрасной Мальвины

— Не будем завидовать — нас всех ждут великие дела и классные девушки. И главное! Поцелуев мост! — подмигнул любитель аллюзий Марк, наконец объяснив, под каким мостом уселся усталый Маяковский.

— Отлично! В СССР секса нет, а у нас — есть! — подхватил Стас. — Раз нет социализма, будем строить Любовь!

Наличие постоянной близкой девушки, Марты, создавало Пасечнику ореол мужского превосходства. Студенты «Пашки» звучали громко и свободно — так умеют только двадцатилетние, воспринимающие слова ректора о «творцах своего будущего» как прямую инструкцию к действию.

Бранзалеты

Шумный экзаменационный день подошёл к концу. Стас и Маркус, направились к метро, обходя лужи, поблескивавшие после короткого июньского ливня. Запах влажной травы смешивался с выхлопами старых авто, заполнявших вечерние улицы Питера.

Марк, всё это время поглядывавший на запястье друга, не выдержал:

— И что это у тебя за непрезентабельный браслет? Есть же бранзалетки³ поэффектнее.

Пасечник пожал плечами, пряча аксессуар под манжету рубашки:

— Ничего, мне сойдет.

— Чтобы что? — уточнил Марк, пиная камешек.

— Для памяти, — Стас усмехнулся. — Чтобы лучше экзамены сдавать.

— Да ну, — фыркнул Марк и чихнул. — Мои предки всю эту шумиху вокруг «прорывных технологий» считают тупой. Говорят, браслеты — очередная замануха от КГБ. Откуда они вообще взялись?

Стас замедлил ход, вглядевшись в отражение неба в луже:

— Листик надо прятать в лесу.

Марк пару минут обмозговывал услышанную шараду, пока не остановился как вкопанный:

— Отвал башки... Ты хочешь сказать, что «ваши» — особенные?

Стас не подтвердил догадку, но и не опроверг, лишь двусмысленно повел плечом, чего этого хватило, чтобы разбудить неуёмную фантазию друга.

— И что? Они посылают сигналы, как в кино про Шурика? «При нём билет, приём?»

Парни расхохотались так громко, что прохожие начали оборачиваться — кто с осуждением, а кто с завистью к их молодости.

— Наоборот, — Стас перестал прятать руку. — Они отсеивают лишний шум. Чтобы ты максимально сосредоточился — например на той же биологии.

— А если не сработает? — Марк намекнул на профессора с «лопухом» и бутоньеркой.

Стас внезапно посерьезнел:

— Тогда дурдом. Попадешь в эхолокацию всех каналов сразу — как приемник, который не может настроиться на одну волну и ловит весь эфир одновременно.

В задумчивости Марк пригляделся к браслету, затем кинул взор в небо на пробивающиеся сквозь тучи звезды:

— А черный... это чтобы как черный янтарь у Стругацких? Типа инопланетные технологии?

Стас неуверенно пожал плечами:

— Не могу сказать. Видимо, так незаметнее. К тому же он слегка меняет оттенки, как те «кольца настроения», что сейчас в моде у девчонок. Я на днях похожее Марте подарил.

Марк присвистнул:

— И кольца тоже «ваши» запустили?

Ваши прозвучало как *Пасечника и Ко*. Стас взял паузу, прищурившись на вывеску кафе, мигающую синим и красным, и уточнил:

— Не мои — *наши*!

Марк хмыкнул и хлопнул друга по плечу:

³ * Прим. автора. Бранзалет — наименование старинного славянского защитного обруча на запястье из бронзы, в современном языке — браслет

— Ладно, гений конспирации. Если ваш кагэбэшный флёр имеет ввиду в дальнейшем приносить реальный доход — я, как и Морэ, готов содействовать прогрессу. На взаимовыгодных *есественно* началах.

Стас многозначительно ухмыльнулся:

— Помнишь знаменитую рекламу: «А что это у нас граф Суворов ничего не ест?»

— Допустим, — согласился Марк. — Банк «Империял»...

— Именно! — Стас правдоподобно изобразил Суворова и искоса глянул на друга. — «Так ведь до первой звезды нельзя, матушка! Пост. Ждем-с». А потом она ему — звезду!

Образ Суворова отлично вписался в разговор, но Магер предчувствовал за этим ёрнича-нием скрытый пока от него подтекст.

Наслаждаясь моментом, Стас сделал театральную паузу и понизил голос:

— Но ты ведь понимаешь, что это не просто орден? Екатерина на самом деле подключила Суворова к Первой Звезде. К утренней Венере.

Начитанный Марк оценил шутку:

— Похоже, это была не реклама, а инструкция?

— Назревает что-то серьезное...

Молодые люди не сомневались, что стоят на пороге новых времён для целого поколения, и это добавляло в кровь адреналина. Мир вокруг менял главный спектр на «невидимый».

— Кого-то сломают, конечно, — Стас оглянувшись вокруг не сентиментальничал: ясно, что всем не выжить. — Важно помнить об ответственности перед теми, кого *мы приручим*.

Пасечник явно хотел быть правильно понятым, несмотря на все свои новомодные штучки.

Магер не стал ломать комедию и переходить на приятельские похлопывания по плечу.

— Есть ещё вариант: как бы потом не попасть в программу «спаси им лицо» любой ценой. Ведь может случиться, что *они* сами не захотят светиться перед прирученными?

Пасечник кивнул, не споря: «Буду иметь ввиду».

Юноши вновь двинулись вперёд, теперь уже более бодрым шагом. За спиной остался киоск с навязчивым логотипом «Кока-колы», а впереди дружелюбно мерцала буква «М». Стас на мгновение поднял голову: становясь всё ярче бледная луна равнодушно парила над крышами. «Нет ничего нового под луной», — мелькнуло в голове. Не исключено, и Венера — лишь допотопный сервер, хранящий чужие сны? И кто-то, возможно, уже расшифровал послание императрицы.

Ленинградцы — дети мои, ленинградцы — гордость моя...

Первые университетские каникулы обещали Левану то, чего у него не было все те шесть лет, что он прожил в Питере, — легальное, заслуженное счастье. Это лето он собирался до капли раздать книгам, прохладе музейных залов и — главное — приятелям, которые у него наконец-то появились. Чужой, холодный город будто капитулировал, и Леван больше не чувствовал себя робким чужаком с вечным комплексом неполноценности.

Но идеальную картину разрушила одноклассница Алла. Еще во время сессии она со свойственным ей жаром принялась агитировать его за волонтерство в фонде помощи бездомным, без конца рассказывая о людях, которых чёрные маклеры выбросили из жизни на обочину. Леван и представить не мог, что эта настойчивая девчонка заставит его свернуть с безопасного маршрута и окунуться в ту изнанку Питера, которую он всегда осторожно обходил стороной.

— Это же наши — ленинградцы. У них родители выжили в блокаду. Нам нельзя оставаться в стороне. За границей у них есть ночлежки и бесплатные столовые. У наших ничего нет. Нам, как будущим врачам, нельзя остаться в стороне. Эти люди нуждаются в медицинской помощи.

— Цитрамоном собралась накачать их? Чтоб головка не бо-бо? — идея Аллы мало кого вдохновляла.

В меде учились преимущественно дети из семей, сумевших как-то справиться с общей разрухой в стране. Теперь родители настойчиво учили их выживать в мире, где человек человеку — волк, а не тратить себя на спасение тех, кто опускается на дно. Обездоленных слишком много, всех не обогреешь. Старшее поколение твердо знало: выстоять в это время можно, лишь опираясь на собственные силы и ни на кого не рассчитывая.

— Вы не правы! — не сдавалась Алла.

Будучи на три года старше одноклассников, она пробилась в заветный медицинститут лишь с третьей попытки и теперь примеряла на себя роль старшей сестры.

— Хватит ребячиться! — отрезала Аллочка в ответ на крутящиеся у висков пальцы. — Мы что, не в состоянии измерить давление? Или распознать предынсультное состояние и симптомы отравления? Это же элементарные навыки!

— Скажи лучше — тяжелого похмелья, — раздалось в ответ.

В отличие от настроенной на абсолютную самоотдачу Аллочка, реалисты в компании трезво понимали: ее затея бесперспективна для подопечных и опасна для самих храбрецов-спасателей.

Столкнувшись со стойким сопротивлением, но не желая сдаваться без боя, Алла обратилась к Стасу. Этот обаятельный блондин со скрытым гусарским шармом притягивал к себе сокурсниц: в его сдержанности угадывался сильный внутренний огонь. Годы, прожитые с отцом в Восточной Германии, наложили на его характер особый отпечаток чужого, загадочного мира. Алла рассчитывала: если удастся перетащить на свою сторону Пасечника, остальные девчонки не исключено охотно потянутся за ним, как за магнитом.

— Станислав! Ты не хочешь мне помочь? Тебе не нравится моя идея?

— Идея, конечно, восхитительная. В первую мировую тебе, как сестре милосердия, цены бы не было. Только сегодня не 14-ый год, а 96-ой. И войны нет. И твои бомжи оказались на улице по собственной наивности или расхлябанности. Это взрослые дяденьки и тетеньки. которым надо уметь отвечать за свои ошибки.

— И если они погибнут без нас? — добавила Алла последний аргумент.

— С нами или без нас — они обречены. И как говорит татарин Фарит: «на все воля Аллаха», — Стас не оправдал надежд институтской Искры⁴, одержимой спасением бездомных.

— И ты, Леван, считаешь идею безнадежной? — вопрос был произнесен резко, с долей вызова.

Алле отчаянно хотелось опереться хотя бы на одно мужское плечо. Поймав взгляд стоявшего рядом с приятелем Левана, она тут же спросила, что думает по этому поводу Георгадзе. Девушка искренне не могла поверить в такое оголтелое безразличие будущих врачей.

Неожиданная атака возымела действие. Левану было глубоко плевать на призрачных и, честно говоря, дурно пахнущих бродяг. Но видеть Аллу, которая едва не плакала от циничного пренебрежения к её доброму сердцу, он не мог. Ситуация задела его за живое, и сам того не ожидая, Леван кивнул: ладно, говори, что делать.

Никому не должно быть больно

Алла, Светик и Леван, чей внушительный вид служил им надежным прикрытием, среди недели отправились в импровизированную ночлежку. Аллочка задумала устроить там пункт скорой помощи для местных обитателей.

Светик-семицветик, правда, быстро «смылась», сославшись на тошноту от одного вида контингента. Парень же честно продержался четыре часа. К своему удивлению, Леван обнаружил, что вблизи эти люди не вызывали такого омерзения, как в автобусах или метро, где пассажиры испуганно шарахались в другой конец салона от одного только запаха отверженных.

Сам он неженкой не был. Леван понимал, что поступил как мужчина и теперь просто не имеет права оставить Аллу одну. Местные «джентльмены», явно польщенные женским вниманием, вполне могли бы распустить руки. Их сдерживало лишь одно — внушительное телосложение смуглого кавказца с металлическим медицинским чемоданчиком в руках.

— Валерьяночкой не угостите? — хрипло канючили «спасаемые», не понимая сути происходящего.

— Молчите уже. С таким образом жизни вам от силы год-два осталось, — пыталась отрезвить их Алла.

Сами «погорельцы» (так называли себя коренные ленинградцы, лишившиеся жилья из-за «стихий», которую чаще именовали «кидалами»)⁵ охотно принимали помощь. Корвалол мог бы помочь Алле купировать симптомы алкогольного отравления у подопечных, но её предупредили: за спиртосодержащие лекарства в ночлежке могут и ограбить. Поэтому они с Леваном ограничились закупкой андипала. Через неделю оба были выжаты как лимоны.

— Им бы лучше в какой ЛТП, — прикидывала уставшая девушка, — жаль, что все ЛТП-эшки теперь закрыли.

— Мы больше к ним не пойдём? — уточнил на всякий случай Леван, старавшийся не показывать вид, что тоже умотался, ведь, он — мужчина. Ему полагается выдерживать больше, чем слабому полу.

Алла отрицательно помотала головой.

— Мне хочется отмыться. Это, наверное, нехорошо, что я так брезглива к собратьям по разуму.

Леван не уловил суть:

— Можем зайти в туалет на вокзале. Там ты помоешься.

⁴ * Прим. автора. Искра — имя нарицательное: способная «зажечь» окружающих идей или «обжечь» резким словом (по повести «Завтра была война» Б. Васильева)

⁵ * Прим. автора. Здесь чёрные маклеры, полукриминальные дельцы, отбирающие квартиры у собственников путём обмана.

— Отмыться — это другое. Это не про руки. Это про душу... Слушай, а давай пойдем к моей приятельнице в салон красоты. Там нас и постригут, и покрасят, и сбрызнут туалетной водой. Ты какую любишь?

Леван не совсем уловил хитросплетение смыслов глаголов, потому улыбнулся и пошел сопровождать Аллу в салон:

— Калис гули мтис каривитаа, — сама того не понимая, Алла за неделю помогла Левану пройти курс домашней психотерапии. Парень и сам осознавал, что его адаптация этому городу как-то затягивается.

— И? — остановилась Алла (отчего-то красивая грузинская речь, как в любимом мамин-ном Мимино, показалась признанием в любви).

— Так говорил Папуа Имеда, мой дедушка, — у Левана тепло на душе, когда было с кем поделиться своим прошлым, — Женское сердце подобно горному ветру.

— Жаль, что эта поговорка вообще про женщин, — поддела Аллочка, однако, подметив, что Леван вновь далёк от ситуативной тонкости перевода её слов, сменила тему:

— Твой дедушка — поэт?

— Нет, конечно. Это просто выражение, у нас так говорят.

— По-русски это звучит банальнее: «ветренная девчонка» — просто «ветер в голове».

— «В голове» — это не то же самое, что «в сердце», — уточнил Леван.

Алла как-то грустно вздохнула:

— У умных девочек был бы шанс, если бы не было столько ветреных красавиц.

Поля. Полина

Болтая о том о сём, молодые люди дошли до нужного салона. Как и большинство подобных заведений сферы услуг, он занимал пусть и цокольный, полуподвальный этаж, зато находился не на отшибе, а в самом центре города.

Как только потенциальные клиенты переступили порог, их тут же окружили мастера салона. Но Алла решительно вмешалась. Она препоручила Левана симпатичной девушке с копной светло-русых волос с перламутровым отливом, собранных в небрежный пучок на макушке. Неискушённому Левану могло показаться, что такая причёска — дело пяти минут, но подобная лёгкость требовала мастерства. Несколько тонких прядей, выбившихся у скул, подчёркивали их остроту и придавали облику юношескую романтичность.

Мастер Полина (её имя золотилось на воротничке халата) произвела на парня магнетическое впечатление. Обычно изводивший парикмахеров придирами, в этот раз молодой человек замер как загипнотизированный. Он послушно подставлял голову под порхающие руки девушки, позволяя делать с собой всё, что вздумается, и по-настоящему блаженствовал.

Под натиском чисто женской заботы сердце Левана, изрядно вымотанное за неделю общения с питерскими бомжами, таяло, как мороженое на солнце.

— Ты ливанец? — поинтересовалась Полина, стараясь разговорить мрачноватого клиента.

— Почему? Я похож на араба?

— Из-за имени. У тебя оно совсем нерусское.

— По-вашему это будет Лев, — уточнил Леван и непроизвольно улыбнулся. — Красиво звучит, да?

— Ага! Царь! Царь зверей, — Полина озорно сверкнула глазами на их отражение в зеркале. — А я решила, что тебя называли в честь страны.

— Ливан? — Он удивился: раньше его имя никогда не связывали с Ближним Востоком. — Ливан, кажется, означает «страна белых гор». И хотя у нас тоже есть седые пики, мы все же не Ливан.

— А «мы» — это где?

— Грузия. Кавказ.

— Так ты грузин? И что делаешь в Питере?

— Живу здесь, учусь в медицинском. Доктором буду, Полина-джан, — «джан» («дорогая») добавил он быстрее для самого себя, так всегда обращались грузинские парни к девушкам при знакомстве — для собственной храбрости, пытаясь не спасовать под напором женского очарования.

Тактика «мастера — золотые руки» приносила плоды. Леван, поражаясь самому себе, становился всё более раскованным — будто всегда вот так легко болтал с незнакомыми девушками. — Отлично! Когда выучишься, у меня будет свой врач. А то пока ни одного знакомого врача в городе. — Ты тоже приезжая? — почему-то обрадовался Леван, всё больше пленяясь этой щебетавшей «птичкой». Дома бабушка именно так называла внука: «чемо чито» — птичка моя.

Птицы

В процессе выяснилось, что Полина — старорусска. Леван поднял в удивлении свои широкие и живые брови, не поняв аналогии.

— Из Старой Руссы я! — усмехнулась девушка в ответ на его недоуменное: «Как это старая, если ты совсем молодая?».

Оказалось, есть такой городок, где с работой туго — впрочем, как и везде, кроме Питера. История ее переезда была классической: куда-то не поступила, с кем-то рассорилась, но вовремя уловила главное — в этом дорогом мегаполисе нужно либо иметь богатых родителей, либо вкалывать самой. Приятным открытием стало то, что выжить здесь можно и без диплома вуза. И вот она уже мастер в салоне, да еще в самом сердце города. Блестящее начало. Леван не стал возражать — друзей нужно поддерживать.

Спустя дней пять он снова пришел в смену Полины — «подровнять кончики», как она и советовала. Зачем ждать положенные три недели, если волосы у него, по его собственным заверениям, росли с невероятной скоростью?

— У нас говорят: как на дрожжах! — обрадовалась его появлению Полина. — Присаживайся, будем умирять твою гриву.

С этой встречи и завязался классический роман под названием «первая любовь». Самым забавным для Полины было то, что для Левана она и вправду была первой.

— Ты хочешь убедить, что тебе не нравилась ни одна школьная красавица?

— Не знаю. Я их почти не помню. Мне они казались на одно лицо. Как японцы: вроде разные, но суть одна — все одинаковые.

— А грузинки разве не одинаковые?

— Нет. У нас женщины разные. На востоке — темнее, на западе — бледнее.

— И все с орлиным взором! — подначивала Полина.

— Почему с орлиным?

— Потому что носы у них слишком «птичьи».

Тут Леван вспомнил и признался, что в первый же день знакомства подумал о Полине так же: «чемо чито» — «птичка моя».

— Может, бабушка и имела в виду, что её внучки — маленькие орлицы? — оказывается Леван умел смотреть на девушек с прищуром и даже подмигивать.

Догадывался бы смелеющий на глазах вчерашний мальчишка, что все в жизни так легко и просто, он бы еще год назад стал первым донжуаном на курсе.

— Предлагаю продолжить беседу о птичках ближе к предмету разговора, — выражение лица Полины приняло заговорщицкий вид.

— Поддерживаю, — кивнул Леван. — Куда мы отправимся?

— Тебе нужно только выбрать цвет!

— Твоего букета?

— Нет.

— Наряда?

— А-а, — отрицательно покачала головой Полина. — Выбор у тебя невелик: синий или фиолетовый.

— Не вижу разницы, — поднял в удивлении левую бровь Леван.

Кружатся чайки над Финским заливом

А разница была. Однако прояснилась она только следующим вечером. Полина будто специально старалась каждый раз представлять перед заинтригованным молодым человеком в новом образе. Сейчас золотые завитки в золотистых заколках-бабочках жили своей жизнью, вырываясь из пучка мягкими пружинками, а ветер делал их сияние игривым и задорным. Глядя на неё, у Левана с лица не сходила счастливая улыбка, словно это был ребенок, замороженный чудесной игрушкой.

Непринужденно болтая молодые люди незаметно миновали Александровский парк и вышли на Кронверкскую набережную. У стен Петропавловки Полина достала из пакетика батон и кусочек его подбросила, соблазняя выющуюся рядом чайку. Трюк удался — чайка отоварилась, как было принято говорить в нынешних реалиях, прямо на лету. Победный возглас птицы явно напоминал — ура! И тут же вся местная чаячья братва взяла Полину и Левана в плотное кольцо.

— Как с голодного края, — назойливости балтийским чайкам было не занимать. Хлопанье крыльев, победные крики ухвативших добычу, подхватили юношу и девушку в свой сумасбродный вихрь — и закружили в поцелуях с привкусом соленого ветра, смеха и теплого дыхания.

- Что бы было, если бы я выбрал другой цвет?
- Если бы ты выбрал фиолетовый, мы бы поехали к львам на Дворцовой набережной.
- Так это был цвет ветки! — осенило Левана.
- А ты решил — цвет волос?
- Разве девушки красят волосы в синий или фиолетовый?
- Ты даже не представляешь, на что мы способны!

Декабрьский ветер

Постепенно молодые люди дошли до стелы декабристам. «Товарищ, верь: взойдёт она, звезда пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена!» — прочла вслух Полина и спросила:

— Ты веришь, что наши имена тоже где-то напишут?

— Никогда не загадывал, — честно признался Леван. — Если напишут моё, это значит, что случилась какая-то катастрофа. Имена врачей редко высекают на обелисках, мы же не военные.

Полина улыбнулась:

— А имена женщин — если у таких мужчин есть женщины — заносят в историю, только если их выберут в жёны будущие декабристы.

Но для Левана тема декабристов оставалась за семью печатями, и Полина охотно вернулась к разговору о том, как современные девушки умеют заявить о себе.

Их следующее свидание на «Адмиралтейской» — станции синей ветки метро — пришлось на те дни, когда город уже плавился от редкого питерского зноя. И смелость современных девушек действительно дала о себе знать. Леван чуть не выронил букетик кремовых гвоздик, который ему подарил друг семьи, державший цветочный лоток неподалёку от места встречи.

Тёмно-русые локоны девушки перехватывала яркая повязка, вместо привычных скромных футболок соблазнительно поддувалась ветром короткая, почти невесомая вязаная кофточка-сеточка. Сквозь крупные петли вязки просвечивало солнце. В открытом пупке дерзко поблескивал маленький кристалл пирсинга.

К нескольким Полининым серёжкам на ушном хряще Леван как-то уже привык — в конце концов, это была лишь «архитектура» уха. Но, подбадриваемый июньским полуденным солнцем, крохотный гвоздик в центре её живота казался ему чем-то неестественно крикливым.

Покидая родину

Леван уже успел подметить привычку Полины: смотреть на собеседника чуть исподлобья. Взгляд получался одновременно скромным и вызывающим. К тому же девушка редко отводила глаза первой — грузинские девушки так себя вести совершенно не умели.

Полина лукаво приподняла бровь, поправляя сумку так, чтобы сеточка натянулась еще сильнее. Она точно знала, что делает. И знала, что Леван безоружен — у него просто не было опыта, чтобы распознать игру. В глубине души ей даже стало его жаль: он так старался сохранить невозмутимость, так упрямо держал спину, что это даже трогало.

— Скажешь, не нравится? — спросила она, чуть склонив голову.

Леван ответил не сразу. Он смотрел на неё прямо, но в этом взгляде читалось полное поражение.

— Нравится, — честно выдохнул он. Кровь прилила к щекам, но он не отвел глаз, хотя внутри всё натянулось, как струна.

— У тебя уши красные, как будто ты нашкодил в детском саду, — рассмеялась Полина. Ее голос зазвучал так мягко, что Леван непроизвольно подался вперед, ловя этот звук.

Он всё же не выдержал и коротко, резко взлохматил шевелюру — единственный жест, выдавший его растерянность. Леван не сомневался: его реакция на женское обаяние очевидна, но сладить с собой не мог. В груди билось непривычное, острое чувство — смесь азарта и опасности.

— Тахикардия, — пробормотал он, пытаясь вернуть голосу прежний низкий регистр. — Остановка сердца.

— Понарошку? — Полина шагнула в его личное пространство. В её глазах искрились смешинки, но за ними мелькнуло что-то по-женски теплое.

— Это потому, что я — мужчина, — глухо отозвался Леван, заставив себя стоять смирно. — Если бы нас видела моя бабушка, клянусь, всё было бы взаправду.

Полина счастливо улыбнулась, довольная своей силой притяжения. В полуприкрытых глазах читалось торжествующее: «Я так и знала». Но в следующий миг, словно боясь уколоть его гордость, девушка смягчила тон и как-то особенно, едва ощутимо коснулась его шеи:

— Ну, тогда будем считать, что твоя бабушка нас не видит.

Леван замер. От этого мимолётного жеста по спине побежала волна тепла, накрепко привязывая его к ней. Образ кокетки мгновенно испарился — сейчас Полина казалась беззащитной и невероятно женственной, и это притягивало сильнее любой игры. Вдруг пришло острое понимание: это всерьёз. Шестым чувством он ощутил — девушка видела его настоящего, со всеми неловкими порывами, и принимала именно таким, без оговорок. Скованность растаяла, окончательно разрушив барьер между ними. Больше не нужно было защищаться или кем-то казаться — их неодолимо тянуло друг к другу.

Солнце пригревало, ветер доносил аромат цветущих кустов, а где-то вдалеке смеялись дети. Полина поправила прядь волос, и пирсинг на животе блеснул в лучах света — как крошечный вызов, удерживающий на себе весь его взгляд. Это был символ мгновения, когда всё только начиналось.

Они двинулись в сторону Петропавловки. Леван шел рядом, инстинктивно сокращая дистанцию и стараясь держаться подчеркнуто берегающе. В его взгляде теперь смешались гордость от того, что эта смелая красавица идет с ним, — и чисто кавказское, вспыхнувшее изнутри желание разогнать всех встречных мужчин, смевших смотреть в сторону её сияющего пупка.

Всего несколько дней назад, прохладным дождливым вечером, когда над Питером висело низкое, ровное, как давно не беленный потолок небо, Леван обещал показать ей совсем другой

мир. Горную высь, где звезды такие крупные, что кажется — протяни руку и наберешь целую горсть. И сейчас, среди питерского зноя, это обещание связывало их сильнее любых клятв.

Сегодня Полина, уверенная в своей неотразимости, лукаво улыбнулась: — Если мы когда-нибудь поедem на Кавказ, я обещаю не пугать твоих бабушек.

Леван бросил на спутницу быстрый взгляд и окончательно осознал: дело уже давно не в бабушках. Сама Полина, со всей её дерзостью и уязвимостью, стала его главным притяжением.

— Давай ты мне расскажешь какую-нибудь легенду про горы, — попросила Полина. Ей нравилось слушать его истории. — Ваши сказки совсем не похожи на наши.

— Давай, — согласился Леван.

Благословение

В прошлом году, когда Леван ездил с семьей в Грузию, один из его братьев, сын дяди Корнели, возил мужчин в горный монастырь Атени Сиони. Когда-то именно там отец, Реваз, получал благословение перед тем, как навсегда покинуть родину.

— У вас в семье так и говорят: «покидая родину»? — не поняла Полина.

— Да. Когда отец уезжал сюда, никто не предполагал, что это навсегда. Позже к нам собирался перебраться дедушка Шалва. Он ведь тоже учился в моем «Первом меде», когда тот еще был просто институтом имени Павлова.

— Твой дедушка умер? — растерялась Полина. У неё самой в живых не осталось ни одного дедушки. «Перестройка съела мужчин», — вздыхали бабушки.

— Нет, — Леван покачал головой, и в его голосе прорезалась несвойственная ему глухая нота. — Дед не приехал, потому что дома началась война. Молодые мужчины ушли воевать, а за детьми и домом кто-то должен был присматривать. Дед остался там, на Руставели...

Он замер, глядя сквозь вечерние проспекты Петербурга, который принял его и заполнился их свиданиями, поцелуями и разговорами. Полина замолчала следом, чутко улавливая новые нотки в его голосе.

— Я почти не помню, как выглядела дедушкина квартира, — тихо сказал Леван, — хотя переехали мы, когда мне было двенадцать. Но я помню запах. Его мебель пахла как-то особенному, сладко. Помню, как красиво ложился свет на паркет. Дед воевал с коврами из-за пыли, и бабушка только к зиме кое-как уговаривала его сдать.

Он повернулся к ней. Полина посмотрела в его глаза и увидела в них отблеск теплого горного солнца. Пространство между ними исчезло. Его детство стало частью ее сегодняшнего дня.

Леван грустно усмехнулся своим мыслям.

— Ты даже представить себе не можешь, какие у них были теплые, ворсистые ковры. Очень, очень дорогие. Бабушка всегда говорила: будет жалко, если всё, на что потрачены деньги, станет просто обедом для моли. Я помню, как по ним каждый день скользили солнечные пятна — от одного угла комнаты к другому. Затем они взбирались на стеклянные дверцы буфета и играли в хрустале бокалов и вазочек. А потом всё сгорело. Зимой, в самом безумном огне войны. Теперь там, в чужих для меня стенах, живут совсем другие люди.

Полина заметила, с каким смешанным чувством гордости и отчаяния Леван произнес «Руставели», будто это было имя дорогого, но навсегда потерянного человека. Так говорят не про историю из газет или телевизора — так говорят про саму жизнь.

«Зима в огне»

— «Зима в огне» ... — Полина, сидя с Леваном в кафе на Васильевском острове, любовалась солнечными бликами на стылой глади Финского залива. — У вас, грузин, всё получается поэтично. Даже война.

Леван промолчал. На его родном языке «Цезхловани замтари»⁶ звучало совсем не поэтично. От таких слов веяло запахом гари и дыма. Это звучало горько — «Тбилисис оми».⁷

— Тбилисская война, — перевёл он Полине. — Тогда погибло несколько моих братьев. Мой дед называл такие конфликты «дзмоуклави оми», — тихо произнёс Леван, глядя куда-то мимо неё. — Это значит «братоубийственная война». Самая страшная, из которой никто не выходит победителем.

Полине захотелось как-то подбодрить друга, однако нужных слов не находилось. Произнести банальное «мне очень жаль» — язык у девушки не повернулся.

Когда юноша вернулся из своих воспоминаний, он заговорил уже обычным тоном:

— А дедушка к нам так и не перебрался. Он приехал в гости, посмотрел на город своей юности и заявил, что это больше не Ленинград. И что он не хочет сюда переселяться.

Леван на мгновение замолчал, глядя на серую воду залива.

— И ещё деньги. Всё, что они с бабушкой собирали на старость, — кончилось. Сгорело, как говорит дедушка.

— Зимой в огне? — предположила Полина.

— Да. Вклады в банках обнулились.

— У нас тоже обнулились. Мои дедушки этого беспредела не пережили.

— У вас в Старой Русе на счастье не было войны. И выжили твои братья. Мой дедушка и не вспомнил бы про вклады — пусть бы только его внуки остались живы. Нам грузинам не повезло так, как повезло вам — русским.

Полина, всё ещё далёкая от бед Грузии, так и не уловила, что и с чем он сравнивает. Много позже Леван поделится с ней болезненной историей о судьбе своих братьев, не вернувшихся с той войны живыми. А пока они говорили о другом — о счастливой Грузии. О том, как на рубеже девяностых, когда всё вокруг полетело вверх дном, отец повёз его, тринадцатилетнего мальчишку, за благословением в древний монастырь Самтавро. В те годы люди, потерянные и оглушённые крушением прежней жизни, отчаянно хотели верить. Искали то, что у них когда-то отняли или от чего они отказались сами. В монастыре как раз ещё был жив старец Гавриил, творивший чудеса, и к нему тянулись за спасением.

— Насколько я помню, старец жил в келье возле храма... Знаешь, в памяти то время слилось в одну картину — солнце, свет и золото, — негромко рассказывал Леван. — В ясный день стены собора сияют так, будто покрыты сусальным золотом. Говорят, в камне есть микроскопические частицы, создающие такой эффект. Но самое удивительное я заметил внутри: от древних фресок исходит мягкое, почти живое свечение. Дядя Тимури настаивал про эту Дорогу к Храму, про особый свет, и что теперь всё точно будет иначе.

Леван погрузился в свои мысли, и Поле не хотелось нарушать его молчание банальностями. Что-то дорогое, бесконечно далёкое от суматохи этого скромного кафе грело ему душу, и её неодолимо тянуло к этому теплу.

⁶ * Прим. автора. «Огненная зима». В грузинской истории метафорическое название относится к событиям зимы 1991—1992 годов, когда в Тбилиси произошел военный переворот.

⁷ * Прим. автора. Прямое, лишенное метафор название гражданской войны в Грузии. Для Полины война — это «картинка» и эпос, а для Левана — личная рана.

— Может быть, это благородное сияние и есть само благословение? — в конце концов предположил юноша. — Оно пропитывает тебя насквозь, и ты выходишь наружу совсем другим человеком.

Полина уже давно поняла, что они забыли про свои крошечные стаканчики. Остывший кофе стал невкусным, но до него им не было никакого дела. Воспоминания о золоте храмов — далёких и, возможно, бережно дорисованных ими сегодняшними для собственной защиты — окутали их невидимым коконом, отрезая от остального мира.

Полина подняла глаза, ловя его взгляд, и тихо произнесла:

— Знаешь, Леван... У нас в Руссе тоже есть такое место. Собор Воскресения Христова. Он стоит прямо над слиянием двух рек — Полисти и Перерытицы. Когда наступает вечер, собор отражается в воде так, будто в реку уронили огромный слиток розового золота.

Во взгляде девушки не было свойственной ей безбашенности. Сейчас она доверяла ему самое сокровенное, отвечая своим золотом на его сияние.

— Мама водила меня туда совсем маленькой. Там есть икона — Старорусская Божья Матерь. Говорят, она самая большая в мире из выносных. Огромная, строгая... Я стояла перед ней, задрав голову, и казалось, что её взгляд проходит сквозь меня насквозь. А пахло там не парфюмом из «Эгоиста», а старым потемневшим деревом, ладаном, воском и чем-то таким... вечным. Тогда, в детстве, мне казалось, что Христос — это такой волшебник из Изумрудного города, который пришёл исполнять наши желания. Стоит только попросить.

Полина грустно усмехнулась, коснувшись пальцем края своей модной кофточки в сеточку, и взгляд её на мгновение потемнел.

— А потом всё полетело к чертям, и стало ясно, что никакого волшебника нет. Я помню, как однажды попыталась пожаловаться своей дальней родственнице, Елене Корсаковой. Она у нас жутко набожная, воцерковлённая, каждые выходные водила маленькую внучку Соню молиться и ставить свечи. Я плакала, спрашивала её: «Почему же Бог меня не защитил? Почему всё так паршиво?» А она посмотрела на меня сухо так, холодно, и ответила строчками из той песни «Наутилуса», помнишь? *«Видишь, там на горе возвышается крест? Повиси-ка на нём, а когда надоест, возвращайся назад гулять по воде со мной...»* Понимаешь? Смысл был простой: ты же не страдала, с чего тебе вообще положены какие-то блага? С чего ты взяла, что имеешь право просить?

Полина чувствовала еще чуть-чуть и она не сдержится и слезы передадут её. Чтобы как-то обезопасить себя, девушка сделала пару глубоких вдохов — и те отступили.

— Наверное, поэтому я и рванула в Питер. На самом деле... я ведь искала тот же свет, только масштабнее, грандиознее. Думала, здесь-то соборов больше, здесь всё величественнее. И элементарно сбежала. Глупее не придумаешь, но наша Русса к тому времени стала такой серой, унылой — тоска смертная. А мне отчаянно хотелось шума, жизни, красок. Помню, давным-давно отец брал меня сюда на экскурсию от своей работы. Как раз только пришёл Горбачёв. Все вокруг были такие радостные, счастливые... Мне тогда, наверное, передался их задор. И спустя годы я решила этот восторг повторить. А в одну воду, как говорит бабушка, не войдёшь. В итоге я просто потерялась среди огромных колонн и сурового питерского гранита. Никто ведь больше не водил меня за руку... И вдруг — твои рассказы про Грузию.словно всё вернулось, как тогда. Странно, да? Где Старая Русса, а где твой монастырь Самтавро... Но, по моему, это одно и то же золото, которое способно согреть всю окружающую серость.

Леван смотрел на неё, не мигая, и чувствовал, как внутри всё переворачивается. Эта её внезапная, жёсткая честность притянула его с новой, непреодолимой силой. В этот миг расстояние между Руссой, Тбилиси и Питером окончательно стёрлось. Полина больше не была просто красивой, кокетливой девушкой из кафе — она стала родной, раненой тем же временем, что и он сам. Не выдержав этой пронзительной близости, Леван накрыл её ладонь своей.

— А давай больше не будем беречь душу, — девушке показалось, что из-за обилия слов они просто устанут друг от друга. — Начнем с чистого листа? Перестанем тащить тени прошлого в сегодняшний день.

Парень согласно кивнул: «готов!».

— Это правда, что по-вашему «мама» — «нана»? — припоминал что-то своё Полина.

Леван перевернул её руку — и поднес к губам, улыбка считывалась как «да».

— Смотри, — объяснила девушка, — мой дедушка Василь, мамин отец, еще когда я ходила в садик, разучил со мной к Восьмому марта для мам стишок: «по-русски „мама“, по-грузински „нана“, а по-аварски ласково — „баба“».

Счастливое лицо юноши выдавало: он почти не вникал в смысл милого щебета сидевшей рядом красавицы. Он просто наслаждался звуком её голоса, словно птичьим пением — тем самым грузинским «чито-чито»...

— Чито-гврито, чито-маргалито да... — бархатным голосом отозвался куплет из «Мимино».

— Леван, — Полина нежно потрепала Левана за ухо, — это значит, что в русском есть все эти берегини малыша: мама, бабушка и няня.

Дон-Жуан вновь расцвел улыбкой и поцеловал другую руку девушки.

— Всё будет хорошо, — перевела на «человеческий» язык смысл этого жеста Полина.

И Леван кивнул — серьезно, по-мужски.

Стучите — и вам откроют

— «Стучите — и вам откроют» — так говорят и в храмах Старой Руссы, и в горах Иберии. В Грузии служители подарили Левану медную иконку в потёртом кожаном чехле на шнурке — такие раньше носили на шее в долгом пути.

Сейчас он развязал шнурок и вытряхнул металлическую пластинку на ладонь. Полина ожидала увидеть на изящный образок, но на руке Левана лежал массивный медный прямоугольник размером с пол-ладони — с грубыми, наплывшими краями.

— Ого... какая тяжелая, — Полина взяла её, и рука непроизвольно дрогнула. Металл был толстым, миллиметра четыре. — У нас такие вещи называют оберегами.

— Амулеты, — поправил он.

Полина повела пальцем по острому рельефу. Вещь казалась вечной. Такую медь руками не согнуть — скорее треснет.

— А что тут написано? — она присмотрелась к забитым патиной буквам над фигурами. — И почему всадника два, а конь один? Так бывает?

— Надпись старая, кириллица, я сам не всё разобрал, — Леван коснулся пальцем центра пластины. — А конь один, потому что литье плотное. Мастер сэкономил место, сделал фигуры высокими — как ребра жесткости, чтобы пластина в походах не ломалась. Видишь, за спиной главного второй силуэт? Как призрак.

Полина всмотрелась. Из стертого металла действительно проступал второй контур.

— Монах в Самтавро поведал мне: это не просто чудо, — негромко пояснил Леван. — Смысл простой. Если ты конный — а брат твой пеший, посади его на своего коня, вдвоем вы доберётесь до ночлега, если в бою под твоим братом пал конь — сажай его к себе на круп. Иначе затопчут или добьют враги. Выжить можно только вдвоем на одном коне.

Полина подняла на него глаза. Кокетство исчезло. Она крепко сжала медь в ладони.

— Красивая легенда.

Медный конь

Её поразило, что в мире Левана вещи имеют такой вес — буквальный и символический. В её Питере всё было зыбким и переменчивым, а эта медь казалась железобетонной правдой.

Полина аккуратно вложила иконку в ладонь Левана и накрыла её своей:

— Теперь мы с тобой на одном коне. Ведь так?

Леван прищурился, в глазах мелькнула теплая усмешка:

— А ты сомневалась?

— Да нет, — Полина чуть приподняла ладонь, заглянув под руку: не исчезли всадники, что вполне могло случиться, сколько раз она пыталась купиться на какие исторические мифы — а они рассеивались, как дымка над озером при первых лучах солнца, — но легенды придуманы, чтобы людям было на что надеяться.

— Это не легенда, Полина, — он осторожно забрал иконку и спрятал в карман. Вес привычно оттянул куртку. — Это правило.

Девушка дождалась, пока он спрячет свой амулет, и вдруг просияла:

— У меня родилась мысль! Пошли! Пообещаешь мне это на Поцелуевом мосту. Чтобы наверняка.

Поля потянула его за собой, увлекая вглубь питерских улиц.

— Будем целоваться до мурашек! Как те двое на одной лошади.

Леван послушно встал, не отпуская её тонкие пальцы. Перехватил ладошку поудобнее, зафиксировал в своей тяжелой ладони.

— Пошли, — коротко кивнул он. — Раз надо на мосту — значит, на мосту.

Срезая углы через тихие, пахнувшие осенней сыростью дворы, они выскочили к Мойке и тут же были застигнуты резким порывом ветра.

— Ой, мамочка... — только и успела прошептать Полина, когда ветер безжалостно вывернул её заколотые назад локоны прямо на лоб.

Леван тут же обнял девушку за плечи, разворачивая спиной к стихии, чтобы защитить от порывов. Несколько секунд он смотрел на неё с искренним восхищением:

— Теперь ты похожа на доисторическую барышню. С топорщащимися во все стороны завитками-ежиками.

В подтверждение Полина забавно чихнула. Леван рассмеялся, вспомнив, что шли они сюда вообще-то целоваться, и наклонился к её губам. Но отдышавшаяся девушка успела грозно погрозить ему пальчиком:

— Мы же не дошли! Всего несколько шагов осталось!

— Несколько шагов не считается, — протестовал Леван, не желая останавливаться.

— Еще как считается! — возразила Полина, уворачиваясь. — В магии считается всё. Каждый шаг!

На ладони Исаака

Леван послушно подчинился. Через полминуты они оказались на самой середине переправы — прямо на ладони огромного Исаакиевского собора, чье величие проступало сквозь рябь темной воды.

— Вот, смотри! — Полина указала вниз, на их зыбкие силуэты поверх купола. — Мы там вместе. Теперь вода запомнит наш поцелуй.

— Куда она денется, — хмыкнул Леван.

В эту секунду ему действительно казалось, что они полностью управляют реальностью. Будто они сами решают, отражаться им в питерской воде или нет, вносить себя в память Поцелуева моста или в память парочки сфинксов на Академической набережной. Конь под ними точно был один на двоих, и этот конь уверенно держал дорогу.

— Как они все несчастны... — вдруг тихо засмеялась Полина.

— Кто? — удивился Леван, оглядываясь по сторонам. Вокруг не было ни души.

— Те, кому прямо сейчас не с кем целоваться в этом волшебном месте, — Полина потянула его за лацканы куртки к себе.

Леван больше не спорил. Он притянул её вплотную, чувствуя, как между ними, прямо у неё под ладонью, жестко и надежно упирается в ребра тяжелая монастырская медь. И поцеловал девушку с таким напором, что вода Мойки навсегда запечатлела их энергию!

Глава 2. Маятник Фуко

*«Мир может гореть в огне войн,
границы — стираться с карт, а люди — терять рассудок.
Но маятник продолжает свой мерный шаг, доказывая: в хаосе
есть точка опоры,
а у каждой трагедии — свой неминуемый ритм».
Офицер-маг позывной Гюнтер-Геродот*

Я — грузин

Сегодня, пока Леван по привычке поджидал Полину у входа в салон, рядом в проходной арке торчала шумная компашка — человек пять питерских нацболов. Ему было жарковато на обеденном солнце. Тень от железного козырька над «Эгоистом» не доставала до раскаленного асфальта и ничуть не спасала от прямых, жестких лучей. В возгласы, доносившиеся из подворотни, Леван не вслушивался: было ясно, что бритоголовые тоже кого-то ждут. Для этой шоблы он здесь был чужаком, пришельцем — точно не «земелей» на их питерской земле. Ни они, ни сам Леван еще не знали, что пересеклись они в этой точке ради одной и той же девушки.

Из-за жестяной двери салона наконец показались сотрудницы дневной смены. Вышедшая Полина моментально оказалась в объятиях Левана:

— Как прошел день?

Поцелуй девушки не дал договорить приветствие.

— Линка, не целуйся на сквозняке — губы обветрятся, — помахали ручками подружки «здравствуй—пока».

— Полина, ты, наверное, проголодалась за день? Давай, я тебе угощу в ресторане настоящей грузинской кухни?

Однако не успела Полина ответить «да» или «нет», как из—под купола полукруглой арки выдвинулся тот самый авангард местных нефоров.

— Полли, как неожиданная встреча, — чуть вперед подался крепкий, как и Леван, парень с длинным хайером на резинке, упакованный поверх черной майки Гражданская оборона в дедушкину рубашку с узлом и невзирая на теплую погоду в армейские «гады».

Непроизвольно Леван тут же попытался прикрыть Полину за спиной, вызвав на красивом лице непрошеного гостя легкую ухмылку.

— Ты нас не познакомишь с чуваком, Полли, — улыбка плохо сочеталась с твёрдостью глаз запевалы городских бойцов.

— Густав, займитесь своими делами ребята, — Полина поменяла дислокацию — встав между Леваном и Густавом.

— Залетка, ты с какого раёна такой нарисованный? Чё те здесь надо? — поддержали атаку за спиной у Густава.

К драке молодёжь явно не была расположена — что—то типа припугнуть чужого.

— Слыш, армяшка, с какого бодуна ты якоришься в русском городе? Мало было нам всяких своих гопников, так ваш брат подъехал.

— Я — грузин, — Леван понимал, что пять против одного — даже всей силы грузинских супер—тяжей ему не хватит устоять. Однако право быть человеком Леван давно научился отстаивать, если требуется кулаками, со времен, казалось бы, лояльной к нацменам школы.

— Слюшай, кент! Какая разница: армянин, грузин — абрек и точка. А Полли наша *гёрл*. Русская. Ты слышишь разницу? Ваших тут не стояло — не будет.

— А если будет? Ты, что ли нам указ? — Полина потихоньку отступала назад, тем самым вынуждая Левана увеличивать дистанцию. Лучше, осознавая местные нравы, стоило отойти от прохода во внутренний двор. Если бойцы Густава психанут и от угроз перейдут к делу — Левану вряд ли кто—то бросится на помощь, разнимать драку.

— Так. Мы вас обоих предупредили. Вы не похожи на дебилов, который русскую речь плохо понимают, — и группировка двинулась из Баскова переулка в сторону Литейного проспекта.

Полина, подхватив ещё красного от недавней перепалки Левана под локоть, повела его прочь.

— Тупая угроза, — как-то слишком уверенно заявила девушка. — Пошли в Таврический сад?

— Да, пойдём, — согласился ещё не пришедший в себя Леван. — Нужно поговорить.

Будь кацц

Разговор с самого начала не заладился. Леван и Полина в испорченном настроении пошли в сторону Таврического сада с испорченным настроением, внутри у парня всё все кипело. Напрямую спросить: «Кто они такие и почему ты их гёрл?» — Леван так и не смог, не нашел нужных слов. Полина же, твёрдо намерившись уйти от прямого вопроса, всю дорогу несла всякую чепуху, вспоминая самые незначительные детали сегодняшнего рабочего дня. На этой натянутой ноте они в итоге и расстались.

Леван несколько часов то ли возвращался к себе, то ли бесцельно бродил по чужой территории. Все пять лет, что он тут жил — ему хотелось домой, назад в Тбилиси. Мальчишке повезло, он не увидел новогодней войны, не успел выбрать за кого он в военном противостоянии, ничего не понял в правых и виноватых. Потому Тбилиси оставался светлым, залитым солнцем, родным городом без каменных, продуваемых зябким ветром, колодцев с милыми деревянными балкончиками и цветами, цветами, цветами.

В их роду в те военные дни погибли его старшие троюродные братья Тамаз и Андриа. Но по меркам Грузии — дзма⁸ в третьем колене — это то же самое, что и родной брат.

Однажды Леван попытался поделиться этой потерей с кем-то из школьных приятелей, но наткнулся на глухую стену непонимания. Для местных третье колено казалось седьмой водой на киселе. «Ты же с ними не был запанибрата, — пожали плечами пацаны. — Подумаешь... Жалко, конечно, но это совсем не то, что потерять родного брата». Леван тогда так и не нашёл слов, чтобы объяснить, что он чувствует. Как рассказать им про пустоту? О том, что у его рода будто отрезали живые, здоровые ветви лозы, способные дать прекрасный урожай. А ведь равного грузинскому винограду нет во всём мире! Но приятели его чувств не разделили, только подшутили напоследок, назвав Левана хвалькой.

В этом мире всё было по—другому. Всё. Клокотавший в душе протест не находил выхода наружу. Леван решил поехать в гости к дяде Гураму, обитавшему с многочисленным семейством на птичьих правах у метро «Гражданский проспект».

Будь Леван попроще, этот чужой город не напрягал бы его так сильно. Но он вырос в интеллигентной столичной семье, где ценили культуру, и теперь всю дорогу отчаянно пытался рассказать новым знакомым про настоящую Грузию. Только слушателей не находилось, никому было не интересно. Местным представлялась, что родина Левана располагалась где-то у черта на куличках, а из новостей лезла совсем другая Грузия — криминальная, чьи воровские бригады как раз в те дни насмерть сцепились на улицах со славянскими группировками. Нашла коса на камень. В глазах питерских пацанов Леван автоматически становился частью этого опасного чуждого мира, претендующего на их русский город. В ответ он замыкался в себе и упрямо ходил в Эрмитаж. Может, сам музей его сейчас и не радовал, но тут уже включился чистый принцип. Леван пытался как умел влиться в новый мир, чтобы доказать: он на этой земле не гость из подворотни, даже если его считают чужаком.

Идти в гости с пустыми руками в его семье считалось дурным тоном, поэтому Леван заглянул к полулегальным торговцам с лотков близ метро. Хотелось принести хоть что-то к столу. Крупных денег на карманные расходы родители ему никогда не давали — в доме не поощряли транжирство. И пока Леван стоял, прикидывая, на что ему хватит скудных запасов, со стороны его громко окликнул Сандро, старший сын дяди Гурама.

— Бедма мамартва⁹, — обрадовался Сандро брату, — отец уже месяц только и спрашивает: Леван не заходил, почему Леван не заглядывает? Волнуется, не случилось ли чего с тобой.

⁸ Брат (груз.)

⁹ Какое везение (груз.)

Братья слегка обнялись, затем Сандро быстренько сторговал подешевле для Левана крупный спелый арбуз, следом они купили «Метрополь» с изумительно вылепленными кремовыми розочками — и были с огромной радостью встречены в небольшой съемной квартирке Гурама.

— Все плохие дни, и, к сожалению, хорошие — имеют своё окончание, — дядя Гурам словно понимал Левана без всяких объяснений.

На прощание, когда уже тетя и сестры пообнимали и расцеловали Левана, дядя все же добавил затаённый совет:

— Главное будь *каци*, это самого главное.

Если бы Леван сумел объяснить дяде суть дела. Легко требовать — будь мужчиной.

Гёрл

Спустя пару дней Леван заглянул в салон — и не вовремя: до смены Полины, оказывается, было еще два часа. Парень бесцельно бродил по кварталу, при этом опасаясь встретить девушку в обществе тех самых нефоров. Однако тревожность была неоправданной — Полина в модной короткой кожаной юбке и облегающей майке, украшенной какими-то яркими булавками, летела на работу. Леван внутри скрипнул зубами — какая дурацкая мода, недаром они называли Полину — *гёрл*. У них бы в Тбилиси выразились и покруче.

Между тем девчонка, разглядев Левана, явно обрадовалась:

— Привет! Наконец-то ты появился.

— Привет! — Леван не решился поцеловать яркие теплые губы, как будто забыл, как это делается.

— Как же я тебе рада! Но у меня смена. Ты не испаришься к вечеру?

— Нет. Нам нужно поговорить.

— Давай. Я отпрошусь на часик — другой.

Леван не хотел вести разговор в спешке — потому условились, что он подойдет часикам к девяти, когда салон будет закрываться.

На этот раз Леван решил во что бы то ни стало понять ситуацию до конца — что происходит на самом деле.

А происходило что-то не сразу дошедшее до сознания юноши.

Старая Русса

Первое, что Леван и предполагал — Густав был не простым знакомым Полины, а первым её близким другом, когда она приехала в Питер. Познакомил их Полинин одноклассник Витёк, с которым ещё у себя в Старой Руссе, они вместе тусовались в клубе «Возрождение». Что-то наподобие инсценировки рыцарских времен. Девушки шили длинные платья, а — для роман Вальтера Скотта, а мальчишки были теми самыми Айвенго. Из дерева умельцы строили рыцарские мечи, из колец для подвешивания ковров мастерили кольчуги, воспроизводили рыцарские турниры на природе. Было весело. Заводилой всех походов представлял учитель истории. Вылазки в лес в ночь на Ивана Купалу сопровождалась прыжками через костер — для очищения от «силы нави». Денис Викторович называл это восстановлением исторической памяти. Возможно, он дошел бы и до поклонения Макоши, но в обычной советской школе безопаснее было играть в Айвенго, реконструируя классическое литературное наследие. За рыцарские романы — кто с тебя спросит? А вот за рунические татуировки — могли и подточнить: на чью мельницу льём воду?.

— Тем более, Айвенго — это Иван, записанный латинским буквами? — девушка вывела на скамье буквы — очень похожие на «Ivanhoe»...

— Сама догадалась? — растерялся Леван, и сам любивший фильм про «Айвенго» и даже не подозревавший, что это русский сказочный Иван, только на английский лад.

Полина отрицательно покачала головой и театрально вздохнула: «Не сама, к сожалению», — после чего продолжила рассказ. К концу школы скандинавскими рунами грешили уже не только подростки, но и силовики, мечтавшие вывести страну из-под глобального влияния «христианского эгрегора». Основная идея, как помнила Полина, походила на известное возмущение индейцев: «У нас была земля, а у них — Библия. Теперь у них земля, а у нас нет даже Библии, потому что их Библия — это их Закон».

— Не богохульствуй, — попросил Леван, чем неожиданно вызвал протест Полины.

— Почему ты считаешь, что всё в мире чётко и ясно? — с каким-то внутренним надлом уточнила девушка. — Почему ты не улавливаешь, что я родилась в непонятном для тебя мире: на стыке языческой Сварожьей Руси и христианской, принявшей крещение в Днепре? Вот даже есть легенда, объясняющая это...

Автопортрет Сварога

И она пересказала местную легенду про талантливого художника из Старой Руссы по фамилии Сварог. Леван недоумевал: пафосно и глупо присваивать себе имя Бога, пусть даже уже растерявшего силу.

— Он как бы низложенный Бог, — тихо продолжила Полина. — Который больше не Бог. Он неестественно красивый, внешне благородный, с глубоким взглядом — яркие глаза на утончённом лице. В романе Достоевского про бесов он такой — как Василий Сварог, тот наш художник, который нарисовал себя среди небесных светил... свой Лик. Но в глубине души — он Бес. Понимаешь, Достоевский — это же не про где-то там... Это про Старую Руссу, места у нас там такие, он, как человек не совсем в себе — всё это отлично считал.

Она заглянула Левану в глаза, и в её голосе промелькнуло что-то фанатичное:

— Когда мы писали сочинение про Ставрогина из этих самых «Бесов», в моей голове они намертво слились в одно триединое существо: Сварог-бог, Ставрогин-бес и Сварог-человек. Я ещё не знала главного, но уже чувствовала. Все писали, что его красота разрушительна, что она сжигает его изнутри, и всё, к чему он прикасается — выжигает, как неправильное Солнце. А потом, когда мы уже забыли про этих «Бесов», мне дали прочесть полную версию романа, там где Сварог изнасиловал маленькую девочку Матрёшку.

Леван вздрогнул. То, как обыденно и уменьшительно, будто о деревянной кукле, она назвала жертву, защищаясь от невыносимого ужаса этого преступления, резануло его слух.

— И? — уточнил он, когда Полина слишком долго молчала.

— И я испытала странное облегчение. Старая Русса меня защитила, словно сама земля отвела от меня его взгляд. Как настоящий герой романа. Именно ей я благодарна, что Сварог — или его тень — прошёл мимо. Я оказалась не в его вкусе.

Мир глазами художника

Леван остановился и сел на ближайшую скамейку. Теперь он погрузился в молчание. Школьником мальчишка без угрызений совести пропустил всю программу по Достоевскому, однако сейчас слова Полины запали ему в сердце. Наконец Леван произнёс:

— Я однажды тебе покажу нашего художника-легенду. У нас тоже есть свой Сварог. Только не падший, а восходящий. Его звали Нико Пиросмани. Он писал на клеёнке, рисовал вывески для духанов, но видел мир так, будто каждый миг — чудо. Он не искал славы, не гнался за деньгами, а просто дарил людям радость — через вино, шашлык, грузинский хлеб, через животных с человеческими глазами... Он был беден, но богат душой. Ты тоже будешь удивлена.

Сам Леван новомодных неоязыческих идей не разделял: его род веками стоял за православную Грузию. Полина поспешила заверить, что она целиком на его стороне, и в подтверждение произнесла фразу, которая для него была святой:

— Кацис ситква канониа!

— Слово мужчины — закон, — эхом повторил Леван. — Тем более что «канон» на обоих языках звучит одинаково.

— А «каци» и подавно, — девушка уже легонько накручивала длинные пряди волос молодого человека на пальцы.

— В русском есть слово «каци»? — Леван смотрел выжидательно.

— У нас говорят «кацапы», — Полина ответила совершенно серьёзно. — Так говорила о нас моя бабушка. Её бабушка, Секлетия, была старообрядкой из Ковно, повитухой — точнее, акушеркой, — и гордилась своим происхождением.

— Хочешь сказать, так у вас говорят про мужественных женщин? — уточнил Леван.

— В каком-то смысле, — улыбнулась Полина.

Леван припомнил, как Марк тоже нашёл звучание «каци» похожим на слово из своего языка. Там «кац» понималось как жрец или служитель.

— Чтобы быть настоящим жрецом, нужно сначала стать каци, — подвела итог Полина. — Мужчиной, который умеет защищать.

На этой примирительной волне Леван узнал остальные подробности вхождения его девушки во взрослую жизнь.

О мальчиках...

Уже в Питере Витёк, тот самый друг детства и школьный рыцарь Айвенго, на первых порах взял над Полиной шефство. Однако стоило на горизонте появиться Густаву, коренному ленинградцу, как Витёк просто исчез. Если у юноши и была к однокласснице любовь, то редкая, жертвенная. Такая, что молча признаёт: эта девушка достойна большего, чем он способен ей дать.

В компании Густава наследие предков восстанавливали куда радикальнее. Полине всё это было по душе, откликаясь в ней на уровне генокода: то, что знаешь с детства, знаешь на всю жизнь. Поначалу у Поли и мыслей не было становиться девушкой брутального авторитета, имевшего на их сходках весомое слово. Всё вышло само собой. Кто-то из приятельниц раздобыл пригласительные в «Планету» — самую модную пати-площадку города, и завертелось.

Что собой представляла эта питерская «Планета», Полина пообещала вернуться к истории как-нибудь позже. А пока молодые люди поехали к чайкам. Чайки постепенно стали их талисманом — крикливыми свидетелями, при которых ссориться Левану с Полей было так же неудобно, как при детях.

Крестовый поход

И вот уже в пределах видимости над свинцовой гладью Невы чайки чертили резкие, ломаные линии. Они то камнем падали к самой воде, почти касаясь крылом прохладной пены, то с истошным криком взмывали ввысь, словно дразня балтийский ветер. Полина вся ушла в музыку крика и ветра, и защиты от напастей, ощущая за своей спиной сосредоточенное молчание Левана. О чем думал в представлениях девушки Леван? — конечно, же о птицах, о свободе, о том, что рядом с ним такая красавица. Каково же было Полино удивление, когда она услышала не радостный, а грудной голос, рассказывающий как обычно какую-то легенду.

— Понимаешь, — голос юноши перекрывался плеском воды, отчего Полине приходилось вслушиваться, — монахи в Сиони верят, что Грузия возродится только под белым флагом с красными крестами. Как у крестоносцев. Белый — это чистота, красный — кровь, пролитая за землю...

Пока Леван мастерски рисовал что-то из истории его родины, девушка неожиданно почувствовала укол в сердце. Тот самый школьный кружок: девочки в длинных платьях, мальчики желающие непременно быть Айвенго или Рубин Гудами. И вечный спор и жребий на роль крестоносца Бриана де Буагильбера. В детском кино про Айвенго крестоносец в белом плаще с красным крестом был одновременно и величественен, и опасен. И теперь Леван говорил, что они все там в Грузии хотят стать такими же?

Она резко обернулась, едва не задев плечом его грудь.

— Леван, а ты видел фильм... ну, тот самый? С леди Ровеной и этим рыцарем в белом плаще? Бриан де Буагильбер.

— Видел, — коротко ответил он, удивившись её напору.

Полина подождала пока молодой человек хорошо вспомнит знакомый всем детям страны фильм. И вдруг напела своим тихим голосом: «если в спор не вступил с палачом, с подлецом — значит в жизни ты был не при чем, не при чем».

— Это гордыня, ты же согласен со мной, Леван, — прервала она сама себя.

— Достоинство, — как-то слишком хладнокровно парировал парень, хотя и с едва заметной улыбкой.

— Нет, жестокость, — упорствовала девушка, не отводя глаз.

— Суровые законы выживания, Полина, — Леван переключил свой взор на суетливых чаек, постоянного голодных и постоянно кричащих об этом, — Мир не всегда теплый кошачий дом.

— Фанатик, — это было самое неопровержимое доказательство, что плащ крестоносца приведет носящих его в огонь.

— Служение идеалу. Когда веришь по-настоящему, это требует жертв, — Леван все еще смотрел куда-то мимо, вдаль, в каике-то только ему открытые миры.

Полина не выдержала, сделала полшага вперед и разрушила даже ту крошечную дистанцию, что была между ними, попутно задав самый неловкий вопрос:

— А как он вел себя с Ровеной? Как завоеватель, а не рыцарь!

Леван замер, его уверенность на мгновение дрогнула, слившись с воспоминанием одного из бесов Достоевского.

— Сдаюсь, — он усмехнулся, разводя руками и глядя прямо в глаза девушки. — Похоже, женщины не вписываются в его картину мира. Или нужно держаться от них на расстоянии...

— Или... — подтолкнула Полина к второму варианту, и опять мысли Левана ускользнули как крошечные рыбки Перерытицы.

— Девушек нужно держать в строгости, — видя вспыхнувшее несогласие в глазах Полины, он закончил, чуть улыбаясь примирительным вопросом, — верно?

Однако усмешка не позволила скрыть истинную суть разговора, внезапно осознанную Полиной за разговорами о флагах и предках: смертельную усталость человека, так же как и она живущего на разломе двух миров. Здесь, в Питере, юноша ценил свободу целовать свою девушку на набережной, не опасаясь за её и свою репутацию, но внутри него продолжал нести стражу суровый монах грузинских условностей.

— Знаешь, в чем твоя беда? — голос Полины стал мягким, почти ласковым. — Ты не Айвенго. Мой одноклассник Виктор был Айвенго — он боялся даже за руку меня взять, хотя мы и поцеловались чисто по-детски несколько раз. Но ты и не Робин Гуд.

Здесь Полина на минуту запнулась — и Левана обдало жаром: роль Робин Гуда отводилась Густаву. Однако девушка быстро справилась с ситуацией и предложила более уверенным голосом:

— Ты — Бриан-крестоносец. Тот самый, который не успел дать обет безбрачия, потому что встретил женщину.

Полина практически прижалась к парню настолько, что стала одним целым с Леваном:

— Тебе не нужно бояться «пасть» в своих глазах, Леван. Тебе не нужно служить Высшему через одиночество. Тебе не нужно прятаться за плащом с красным крестом.

Полина медленно подняла и положила ему на грудь руку — ладонью вверх, предлагая ту самую «ниточку Ариадны», которой у настоящего Бриана не было ни в книге, ни в кино.

— Просто попроси меня стать твоей девушкой. И это примирит тебя с самим собой.

Миг был таким неповторимым для обоих, что для них замерли даже чайки над набережной. Настоящая леди Ровена не ждала спасения из огня — она сама шагнула в пламя, чтобы вывести оттуда рыцаря, который всю жизнь считал, что спасти его некому.

«Планетарий»

В новый ночной клуб в бывшем Планетарии, где тусовались только избранные, мажоры. Полину позвала с собой подружка по комнате в общежитии — Кристина. Там было классно. Звук шел не только из колонок — а будто бы из—под земли. Энергия была ключом. Воздух сам собой казалось электризовался — поднеси зажигалку и он вспыхнет. Полина успела сходить повеселиться в Планету два раза, когда на компанию девочек наехали быки. Колеса там крутились и раньше, но ни Полина, ни Кристина не хотели даже попробовать — и так срывало крышу от одной заполняющей не только уши, а как будто прямо солнечное сплетение музыки. В тот вечер они опять отказались от колёс, но что—то пошло не так, и местные завсегдатаи заявили, что играть тут нужно по их правилам — и девочкам придется уйти с ними по—плохому или по—хорошему — предпочтительнее выбрать второй вариант.

— Интим в обмен на продпайк...

Чтобы дать себе хотя бы небольшое время на поиск выхода из тупика, девчонки, сделав вид, что согласились, уговорили быкующих кавалеров отпустить их в туалет.

— Пусть сходят — небось все трусики уже мокрые, — согласился кто—то из наехавших.

Как они с Кристиной тогда выпутались, Полина не представляла до сих пор. Самоочевидно: все их хитрости лишь оттягивали неминуемый конец. Она не была домашней дурочкой и прекрасно понимала, что им светит.

Но горемыкам повезло. Пробираясь сквозь толпу, Поля наткнулась на парней Густава, и это стало их спасением. Пока Кристина отвлекала приставленного к ним «смотрящего», Полина в двух словах объяснила Густаву положение дел — больше здесь просить о помощи было некого. Густав коротко кивнул своим ребятам, и они двинулись за девчонками. Возле туалета как бы невзначай завязалась привычная для клуба драка. Пока шла разборка, девочки вылезли через окно уборной и сбежали.

Катакомбы Питера

Позже Густав заявил, что Полина легко отделалась. В этом заведении, помимо подземных ходов для хранения таблеток и кабинок для интима, имелись тайные склепы. Оказавшись там, они исчезли бы навсегда — поминай как звали.

Чувствуя себя обязанной за ту безумную ночь, Полина и подружилась с Густавом. В целом это была нормальная компания. Не без своих беспредельщиков, конечно, но *гёрл* Густава никто бы не посмел тронуть.

— И что в них хорошего? — Леван уже едва сдерживал себя.

Полина не останавливалась. Уверенная, что честность — её единственное спасение, она отчаянно пыталась доказать: она вовсе не та ветреная девчонка, какой он мог сгоряча её посчитать. Да, до появления Левана она почти девять месяцев, с самого открытия «Планеты» в октябре, считалась девушкой Густава. Близкой девушкой. Не какой-то там девицей по вызову, а постоянной — по меркам их компании это было в порядке вещей.

Полина не довела тему до конца: в свои восемнадцать девчонка искренне считала себя чистым, почти ангельским созданием. Разве могло ей по провинциальной наивности прийти в голову, что она уже как грипп подхватила за год работы в «Эгоисте» цинизм Литейного проспекта. Девушку ни капли не смущал азарт от игры коллег: кому удалось за неделю больше склеить парней. Избегающих негласных соревнований относили к обычным белым воронам, если они не были при этом страшненькими.

Леван ограничился услышанным. Так глубоко в истинный мир Литейного он заглянуть не смог бы. Как любой грузинский мужчина, юноша впитал с рождения: женский мир — это закрытая территория. В Грузии веками оберегали его тайны, и даже составителям словарей

никогда не удавалось зафиксировать сугубо женские темы и сленг — так наглухо они держались в секрете. В мир Левана неоткуда было проникнуть правде жизни. Он судил о Полине по её открытому взгляду, уверенному тихому голосу, по умению самостоятельно делать выбор — выбрала же она его, предпочтя бесстрашному Робин Гуду, от которого, наверное, полрайона без ума. Правда, то, что девушка сейчас защищала своего бывшего, ранило его эго.

— Они патриоты. Только патриотизм у них какой—то обреченный, что ли...

— Они националисты. Наши тоже так могут, — жестко не соглашался Леван.

— Нет, — Полина заглянула ему в глаза, но не рискнула, как обычно, поцеловать, чтобы замять спор.

Взгляд Левана говорил о том, что для него её прошлое — не пустяк, а серьёзное испытание, сути которого он сам ещё не до конца понимал.

— Они именно патриоты. Их лозунг «Гагарин—party» — русские первые в космосе! Никто не может это повторить. Это гордость, которую у них пытаются отнять...

— Грузины? — разозлился Леван.

— Да нет же! — попыталась отрезвить его Полина. — Все вокруг! Весь мир хочет всё у них забрать. Мне трудно объяснить... Они просто очень обижены, им всегда ввали. Нам всем ввали. Но кто—то перешагнул через это и пошёл дальше. А такие, как Густав — застряли там навсегда.

— Допустим, я проникся проблемами неформалов типа твоего Густава. И что теперь?

— Мы с ним больше не общаемся! — горячо воскликнула она. — Когда появился ты, мне больше никто стал не нужен. И я очень хочу, чтобы Густав это наконец понял и принял.

Леван на секунду замолчал, пытаясь переварить услышанное, но ревность и задетая гордость взяли верх:

— С чего вдруг Густав должен это понимать? С чего он должен решить, что его любимая девушка его не предала, а просто нашла вариант получше? Ты ведь сама говорила ему, что любишь? Гордилась, небось, что у тебя такой парень — гроза района?

— Нет! — Полина поймала себя на мысли, что весь разговор состоит из одних её «нет», как в детской игре «да и нет не говорить». — Но он ведь реально спас меня тогда.

— Лучше бы тебя спас я, — наконец глухо выдохнул Леван и заметно оттаял.

И они помирились. На этот раз окончательно.

Шкура барса

Леван любил читать. Вне дома, в отсутствие близких друзей, это занятие захватило его полностью. Чтение на русском оттачивало его речь, делало её богаче и благороднее. В начале девяностых смута ещё не успела окончательно выветрить дух классической литературы, хотя сами питерские библиотеки владели жалкое существование: фонды ветшали, ценные тома исчезали. На этом общем сером фоне домашнее собрание книг Магеров казалось настоящим золотым дном.

Сейчас Леван был в гостях у Маркуса. Он стоял у окна, рассеянно водя пальцем по запотевшему стеклу. За окном моросил совсем не по-июльски противный дождь, размывая очертания старых петербургских особняков. Погружённый в свои мысли, Леван глубоко вздохнул, словно набираясь сил, и тихо произнёс:

— Винца моквареса ара эдзებს, იგი თავის მტერია.

Он часто мысленно цитировал «Витязя» из школьной программы, стараясь не забывать родную речь. Его голос звучал мягко, с едва заметным акцентом, который он никогда не пытался скрывать.

Маркус, листавший потрепанный том на соседнем диване, поднял голову. Каким-то шестым чувством он догадался, что это из Руставели. Уголок его рта дрогнул в понимающей улыбке. Леван, отметив это, согласно кивнул и перевёл уже по-русски, снова поворачиваясь к окну:

— Кто не стремится найти себе друга — тот враг самому себе. Наша тбилисская бабушка всегда так говорила...

Маркус отложил книгу и откинулся на спинку дивана, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику:

— Грузины выживут, потому что вы — кошки, — жест юноши, подкрутившего несуществующий ус, красноречиво говорил: мотай на ус.

— Какие кошки? — Леван удивлённо приподнял бровь, так и не успев развить рассказ о бабушке. В его взгляде мелькнуло искреннее недоумение.

— Ну как же. Тигр, лев — это ведь кошачьи, — терпеливо пояснил Маркус, увлечённо жестикулируя. Глаза его блестели от азарта.

— У нас это не тигр, — мягко уточнил Леван. Он отошёл от окна к книжной полке и неспешно провёл рукой по корешкам. — В горах нет тигров, но русские переводчики этого не уловили. Шкура тигра — это тяжесть и подавляющая мощь, как немецкий танк. А шкура барса — это лёгкость и стремительность.

Маркус сам зачастую по-рыцарски защищал свои идеалы, а потому поднялся и подошёл к товарищу. Примирительно похлопав по плечу готового к интеллектуальному бою Левана, он предложил:

— Забудь. Любой перевод уступает оригиналу. Помни главное: это кошки! Которые гуляют сами по себе. Для нашего времени это лучшая тактика выживания.

Леван повернулся к нему. Его взгляд стал внимательным, почти испытующим:

— А какая не лучшая?

Леван всегда ценил в друге умение видеть больше других, а ещё — его способность аргументированно и страстно стоять на своём. Сейчас в его вопросе прозвучала искренняя заинтересованность.

Маркус на мгновение замер, лицо его стало серьёзным. Он сделал шаг к окну, словно ища вдохновения в сером дождевом пейзаже, и негромко произнёс:

— Мне на плечи кидается век-волкодав... — по своему обыкновению, он процитировал незнакомые Левану стихи.

Затем резко обернулся, и глаза его снова сверкнули:

— Однако волкодаву обломится, потому что он перепутал группу крови. Я не волк. И ты не волк. Нас убьёт только равный.

Леван молча смотрел на друга. В комнате повисла густая, поэтическая тишина, нарушаемая лишь глухим стуком капель по стеклу. Наконец он спросил:

— Ты сам это придумал?

Маркус усмехнулся, его плечи расслабились:

— Нет. Мандельштам.

Если я пойду долиной смертной тени

И Леван дорассказал случай из мирного Тбилиси. Когда в городе только назревало противостояние с советской властью, к ним в гости пришла возбуждённая бабушка Натела, сестра дедушки Шалвы. Она жила «на горе» — в милом районе из небольших краснокрыших домиков, тесно прижавшихся друг к другу среди садов и виноградников. Узенькие улочки, позволявшие соседям видеть чужой двор невооружённым глазом, не считались неудобством. Казалось что все соседи — это твоя большая семья. И каким приключением в детстве для Левана было само путешествие из гостеприимного дома бабушки вниз, в город, на пофыркивающем ПАЗике!

Спустившись в долину в один из первых солнечных мартовских дней, бабушка Натела поведала о крупной ссоре с соседкой Мириам, которую в сердцах назвала «кудиани».

— Ты можешь смеяться, но старые люди у нас свято верят в потусторонние силы — в этих «куди». И заметь, не только в глухих горах, но даже в Тбилиси, — Леван будто извинялся за суеверия старушки.

— Успокойся, дружище. Наши верят не меньше. И не только бабушки, но и дедушки. По крайней мере, мой, — Маркус улыбнулся. Его дед по материнской линии был выдающимся хирургом с мировым именем, и Леван в глубине души его немного побаивался.

— Тогда ты поймёшь, — Леван вернулся к окну и попытался нарисовать нечто пальцем на запотевшем стекле, комментируя свои наброски: — Куд — это, если по-русски, такой особенный хвостатый невидимка.

Маркус, внимательно наблюдая за его рисунком, жестом остановил: минуточку! Он быстро пробежал пальцами по книжным полкам и вытянул увесистый альбом репродукций. Нужная страница нашлась почти сразу — именно так в представлении Маркуса выглядело то, о чём шептались грузинские старики.

Леван внимательно всмотрелся в гравюру Альбрехта Дюрера:

— Рыцарь на коне — это ясно. А вот этот... за ним... летит как бы по косой... точно! прямо с горы стремительно... Нечто среднее между волком и свиньёй...

Маркуса заинтриговало такое описание. В классической трактовке дюреровский дьявол шёл по земле, замыкая шествие, и лишь длинный, тянущийся по камням хвост создавал иллюзию того, что он «скатывается» вниз. Однако спорить он не стал: кто решил, что на классику не может быть иного взгляда?

— Значит, бабушка увидела «этого»? — Маркус ткнул мизинцем в хвостатую тварь на рисунке.

— Почти, — улыбнулся Леван, вспоминая не на шутку встревоженную Нателу. — Она уличила свою соседку Мириам в чёрном колдовстве — в каком-то тайном обряде с этим невидимым духом. А Мириам в ответ пригрозила: мол, не суй нос не в своё дело, скоро война, и в твоём роду погибнут все молодые мужчины.

— И что в итоге?

— А в итоге случилась та бойня на Руставели. Совсем рядом с домом дедушки Шалвы. Только погибло там много женщин. Точнее там убили больше женщин, чем мужчин, хотя женщин там ночью было в разы меньше. И бабушка Натела как раз и говорила, что убивать будут не русские, а потом скажут: русские. И русских захотят прогнать из Грузии.

Прясть Куделю

В комнате снова на мгновение повисла тяжёлая тишина. Маркус задумчиво перелистнул страницу альбома:

— Да твоя бабушка — мисс Марпл.

— Кто это? — не понял Леван.

— Это одна английская леди, которая умела тайное делать явным.

Соревноваться с Маркусом в эрудиции, истории или литературе было бессмысленно, и Леван лишь понимающе кивнул.

Итак, из бабушкиных предположений следовало, что турки знали о беспорядках заранее. Кроме того, кого бы расследование не назвало виновным, дедушка Шалва, поверив сестре, отправил почти сразу Реваза в Ленинград, чтобы семья сына оказалась в безопасности. Второй его сын, Темури, не поверил старой тетушке: мало ли из—за чего ссорятся соседки от нечего делать. С Темури ничего не случилось во время Тбилисской войны. А вот два внука бабушки Нателы погибли. Причем они воевали по разные стороны фронта. Оттого бабушка как истая христианка не любит теперь мусульман вообще.

Звёздное небо

Такова предыстория дня сегодняшнего, когда Леван зашел в гости: посидеть—поболтать и взять что—то новенькое почитать на досуге.

— Ты слышал: что это за «Планетарий», — у Маркуса про Питер можно было узнать всё, или почти всё, как считал Леван.

— Почему «слышал»? Я и видел. Звёздное небо. Нас туда водили иногда от школы на уроки по астрономии. Когда в Советском Союзе появился Первый Искусственный спутник — то в Железном зале построили наш ленинградский планетарий.

— Что там еще за Железный зал?

— Это архитектура такая. Николашка еще построил — разнообразить досуг бессословного народа.

— Бедноты?

— В общем, да. Точнее, не сам Николашка додумался. У него был какой—то там родственник — принц Ольденбургский. Это рассчитал он. Нанял архитектора — и вот тебе железное чудо. Типа Эйфелевой башни — только не вверх, а вширь.

Второй дед Маркуса — Евгений — занимался архитектурой, Леван уже успел ознакомиться не только с ценнейшими книгами с картинками из библиотеки Магеров, но и узнать, что есть такое учение, где миром правит великий Архитектор.

— Там еще тогда висел крутейший маятник Фуко. Если ничего не путаю — самый большой на Земле.

Леван пожалел, что никогда не видел какой—то там классный маятник, парню все время казалось, что он чего—то такого важного не успевает увидеть, как оно уже ломается, умирает, забывается всеми.

— Да я не про школу, — махнул рукой Леван, — я про ночной клуб «Планетарий».

Маркус присвистнул:

— Ты ходил в «Планету»?

И на этом вопросе Левана прорвало. Пусть и сбивчиво, тем не менее довольно подробно он объяснил, как в его жизни появился этот сумасшедший дом.

— Класс, вот это я понимаю — наверстывание упущенного, — Маркус хлопнул себя по колену, его глаза блестели, орлиный профиль горел атакой. — То есть ты нашёл себе девушку для приключений?

— Никаких приключений, — Леван покачал головой, избегая взгляда друга. — Полина была там всего пару раз.

— И оттуда притащила ваш пресловутый *куди*, — Маркус поднял большой палец вверх, изображая одобрение. — Отлично!

— Ничего не притащила! — голос Левана дрогнул. — Девчонки успели сбежать.

Маркус откинулся на спинку дивана, скрестил руки на груди и прищурился:

— Ты уверен, что твои подружки не приобщались к таблеткам? Там это что-то типа перекрута для зарядки.

— Она заявила — «нет», — твёрдо произнёс Леван, глядя прямо в глаза другу. Его пальцы всё ещё сжимали подлокотник, да так, что тот в итоге даже жалобно скрипнул.

Пауза повисла в воздухе. За окном послышался отдалённый гул проезжающего трамвая, нарушивший тишину.

«Чтобы чаще Господь замечал»

Про «Планету» выяснилось следующее: все купольные здания во всём мире — это Храмы. Типа житниц. Куда люди приходят за кайфом — а по-настоящему, чтобы подпитывать сущностей мира невидимого, который и управляют тут всем.

— Бога? — Леван нахмурился. — Разве Богу нужно это сумасшествие?

Маркус только усмехнулся, провёл рукой по волосам и лениво потянулся:

— Кто их знает, этих богов... Храм райва¹⁰. Почему нет? Основная мысль тех, кто ходит туда за философией: Бога нет — есть Космос. Потому что Бога никто не видел, а Космос видели все. По меньшей мере туда люди могут попасть. Короче: свято место пусто не бывает.

— Откуда тогда запрещённые таблетки, если они за Гагарина? — Леван подался вперёд, в его голосе звучало искреннее недоумение.

Маркус вздохнул:

— Старшая сестрица моя, обитающая нынче где-то в районе Хайфы, ходила на эти Гагарин-квесты ещё пять лет назад. Они были не только в Питере, но и на ВДНХ, — парень минуту задумался, будто припоминая компанию сестры, и уверенно заключил. — Не все для общения с НЛЮ накачивались химией. При определённой акустике контакт с пришельцами возможен без всяких примочек.

Маркус подхватил с двух сторон ближе к макушке две пряди волос и, усиленно закрутив их пальцами, превратился в подобие потустороннего бесёнка. Затем он скорчил рожицу, став до смешного похожим на Чертёнка «Тринадцатого» из старого мультика.

Этот трюк мальчишка натренировался исполнять моментально ещё с детства.

Когда дедушка Женя отчитывал его за неуёмное безобразничанье, то обычно называл внуком Лилит, переиначивая имя жены — Лилианы — в каббалистическую Лилит. Лилит была какой-то вавилонской ночной повелительницей бури.

— Для чего им пришельцы? — Леван растерянно провёл рукой по лицу, окончательно запутавшись. — Что за бред?

Маркус с сожалением пригладил волосы обратно — его попытка разрядить обстановку и развеселить друга явно не помогла, и он посерьёзнел:

— Следи за мыслью. В их мире у каждого человека есть астральное тело. И этими телами можно общаться. Моей Нелли просто до безумия хотелось познать неземную любовь. Космическую.

Он вернулся к дивану, сел напротив Левана и заговорщически понизил голос:

— Понимаешь, Лёва, они ведь искренне верят, что через эти купола, через Храмы идёт постоянный обмен с чем-то иным. Люди отдают туда свою энергию, а взамен получают... не знаю, может, иллюзию контакта. Но некоторые действительно что-то чувствуют. Видят вспышки, слышат голоса.

Леван внимательно посмотрел на друга.

— И Полина, по-твоему, ходила туда, — он неопределённо кивнул куда-то в сторону окна, — за этим же...

В комнате стало совсем тихо, только глухо тикали часы на стене. Наконец он глухо произнёс:

— Но это же опасно. Играть с такими вещами...

Маркус пожал плечами:

— А разве вся наша жизнь — не игра? Просто у каждого свои правила.

— И что твоя сестра теперь? — задал Леван тревожащий его вопрос.

Теперь Нелли была замужем за Эли, из какой-то правильной французской еврейской семьи. Муж держал ветклинику для домашних животных.

— Она проболталась ему про Космос и НЛЮ?

¹⁰ * Прим. автора. «Храм райва» (от англ. rave — бред, бессвязная речь; неистовство) (субкультура)

Маркус пожал плечами: зачем? Разве французский ветеринарный врач поймет широту русской души?

Я пришёл вам дать свободу

— То есть Космос для них только прикрытие? — Леван вспомнил пафосную майку «Гражданская оборона» на Густаве.

— Давай начнем с того, что твой Густав быстрее всего какой Дима или Олег. И Гагарин там скорее не ширма, а идея! Как у Нелли космическая любовь. Выросли такие идейные мальчишки — а идея тю—тю на Воркутю. И нет ничего. Ты же сам говоришь, что публика там пестрая.

— Это говорит Полина, — Левану на имя Густва сморщился как на внезапно дернувшийся нерв больного зуба.

— И вот, — приятель в поддержку хлопнул друга по плечу. — Жили—были нормальные советские малыцы, хотели себе варёнку или кроссовки. А з/п отца — рублей 150. А кроссы — рублей 200. Подались в фарцовку. Там их пригрели ушлые дяди — и в валютчики. Органы раз — и семерик. Тут страна и рухнула, как тот спиленный маятник Фуко в Планетарии. И все, что было незаконно — стало легально! Отменили статью и фарцовки, и валюты — а пацаны так и сидели за свои плёвые делишки от звонка до звонка, когда это все здесь у нас уже стало можно. Не бесит это их?

У Левана кроссовок таких никогда не было — потому до «Планетария» он так и не дошёл, как получалось со слов Маркуса.

— Забей ты на них. Урок не усвоен, туда тебе лучше не соваться. Я бы, конечно, и с девушкой этой их расстался, — однако, заметив, как заблестели глаза Левана, закончил иначе, — но тебе виднее.

Чтобы окончательно не травмировать и без того раскачанную психику друга, Маркус предложил:

— А хочешь настоящего «Распутина»? У отца в баре стоит бутылка — подмигивает с этикетки, как живая. Оживший мистик...

Леван к водке был равнодушен, тем более в компании с ожившими колдунами.

Тогда хозяин дома не стал больше расспрашивать в духе «будешь — не будешь» и просто принёс из кухни две пивные кружки тёмной «Балтики-4».

— Предлагаю, поправить здоровье...

Леван и к пиву дышал ровно, но отказываться не стал — ему явно не хватало чего-то эдакого, какой-то завершающей, кульминационной точки в этом странном дне.

Сыновья света

Пока они молча тянули хмельной напиток, Маркусу пришла в голову свежая мысль:

— Слушай, ты ведь понимаешь, что никакого Космоса — точнее того, который нам показывают в телескопы — на самом деле нет?

Леван шутки не уловил:

— И куда же он подевался?

Маркус расхохотался, довольный скепсисом товарища:

— А он исчез! Натурально — был и моментально испарился!

Даже лёгкий алкоголь быстро делал своё дело, поэтому гипотетическое исчезновение вселенной уже не казалось Левану критичным.

— Смотри, — Маркус радовался, что гость наконец «оттаял». — Звёзды — это же просто свет. То, что мы сейчас видим как какой-нибудь Альдебаран, возможно, уже давно схлопнувшийся кусок космического железа.

Леван удивлённо приподнял бровь — а ведь верно. Весь их космос — сплошная иллюзия. Примерно, как инопланетяне. В советское время любили повторять: «Гагарин летал — Бога не видел». А сам космос они видели? Настоящий, живой космос, а не этот добравшийся наконец до телескопов древний свет?

— Так и с этими пришельцами... — продолжал увлечённо Маркус. — Может, они когда-то и были ярким светом, как тот Альдебаран, а пока человечество до них дожило — превратились в чёрные пятна мёртвого эфира.

Захмелевшему Левану становилось окончательно всё равно. Раз с Нелли до сих пор ничего страшного не случилось, то почему что-то должно произойти с Полиной? С чего он вообще взял, что его девушка в опасности? Просто не будет больше ходить по этим злачным «Планетам», и всё окончательно встанет на свои места.

Провожая гостя, Маркус вдогонку к книге о прожектах принца Ольденбургского, именуемого демиургом, всучил ему ещё одну — про связь маятника Фуко с энергетическими каналами планеты.

— Видишь ли, — наставительно поднял палец Маркус, — этот маятник не просто доказывает вращение Земли. Он, будучи синхронизирован с геомагнитными линиями, создаёт резонанс в тонких телах. Ну, или что-то в этом духе. В книге всё расписано!

Уже пройдя пару пролётов, Леван услышал долетевший вдогонку экспромт:

«Поверить в плоский мир безумцам

совсем, мой друг, не трудно!

Качался Маятник Фуко зимой, весной, под утро...

Он набирался новых сил — и вновь качал планету.

Но сняли с тросика его. Прощай, Фуко... Карету!»

«Карету» — это из «Горя от ума». Отчего-то Леван сразу вспомнил финал Грибоедова, где героя тоже объявили сумасшедшим.

Люди на блюде плоской Земли

Дома книга про маятник Фуко пошла в ход первой. Люди оказывается не просто забыли о неудобном им маятнике, когда растащили шары на переплавку. У них пропал ориентир, поскольку больше не нужно беспокоиться: «она всё таки вертится». Исчезла реальная сложность Вселенной, и теперь её можно заменить «Планетой» с таблетками. Леван буквально ошалел от своего нового понимания мира: выходило, что, убрав маятник, ночные шоумены в той же «Планете» попросту разрушили заземление. Тем самым они превратили огромный железный купол здания в сферу первозданного хаоса, подогреваемого бешеными децибелами и мощным мужским стриптизом на сцене.

Про стриптиз, к слову, Леван узнал от самой Полины, когда опрометчиво попытался рассказать ей про маятник.

— Там что, голые мужики зажигают? — опешил он.

— Ну, не такие уж они и голые, — пожал плечами Полина. — Наверное, это для чего-то нужно. Для раскочки толпы.

«Зачем всё это нужно?» — переживал Леван, уже далеко не так равнодушно глядя на целую «архитектуру» из серёжек на хрящиках ушей Полины.

Ответом при следующей встрече поделился Маркус, привычно процитировав классику:

— Если звёзды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно?

— И можно узнать, кому именно?

— Этот Планетарий открыл один весьма представительный чел, — охотно пояснил Маркус. — Его фамилия переводится с идиш как «Я пришел дать вам свободу».

— Освободитель, значит, — подытожил Леван.

— Точно. Выпускающий джинна из бутылки, — Маркусу явно нравилась эта конспирологическая идея. — Настоящий Аладдин. А место-то какое! Там ведь рядом Соборная мечеть и Петропавловка. Почитай на досуге про мистические градусы нашего мюзик—холла и его собратьев в лондонском Альберт—холле или Берлинском планетарии. А если хочешь узнать подробности про дела Густава — обратиться к Пасечнику.

— Стас тоже там бывает? — поразился Леван.

Полина явно ворвалась в его зашоренную, правильную жизнь, чтобы открыть для него Жизнь настоящую, опасную и бурлящую. Как пел когда-то на кассете Высоцкий: «Она пришла, чтоб пригласить меня на жизнь...».

— Не могу быть уверенным за самого Стаса, а вот его отец... — Маркус на секунду заколебался, словно решая, стоит ли распространяться перед Леваном о чужих секретах, но всё же закруглил мысль. — Надо думать, его контора не пустила всё на самотёк. Не в их интересах оставлять такое место без присмотра.

После этого разговора Леван твёрдо решил, что обязательно сходит с ребятами в ресторан своего отца — поговорить по—братски, лицом к лицу.

Правила Питерской подворотни

Новая встреча Левана и Густава по всем правилам пацанских разборок была неизбежна. Не то чтобы Леван опасался группового избиения — Полина внушила ему веру в некий «мужской кодекс чести» своего бывшего. Само слово «бывший» вызывало у Левана протест, но что поделать: у каждого есть биография, старые друзья и старые враги. Ещё в тбилисской школе Леван ходил в секцию тяжелой атлетики. Их тренер, КМС, ушедший в учителя после травмы, всегда твердил: грузины — лучшие борцы—тяжеловесы.

Теперь Леван тренировался сам: по утрам дома или на школьном стадионе неподалеку тягал небольшие гири. Вставать приходилось ни свет ни заря, чтобы не наткнуться на местных задир. Свою форму он считал вполне достойной. Поэтому, когда у салона Полины из—под арки показался Густав, Леван сразу понял: драки не миновать.

Одного он не учитывал: махаться со сверстниками—хулиганами и сойтись с двадцатилетним парнем, чей закон прост — «кто сильнее, тот и прав», — это не одно и то же.

— Ты по—хорошему не понимаешь, Мцыри? Тебе всё на пальцах объяснять?

— У тебя нет прав на Полину. «Она тебе не невеста», — Леван заявил ровно то, что чувствовал в ту секунду.

Густав как—то странно посмотрел на него и даже присвистнул:

— Сигнал не усвоен! Ты, мамкин пупс, решил навалить сопернику за «гёрл»? Таблеток для храбрости наглотался? Тебя же по косточкам будут собирать в местной Мариинке. Или ты про такую не слышал?

Драка в подворотне, несмотря на спортивную подготовку Левана, больше походила на показательное избиение. Густав, понимая свое превосходство в опыте, не собирался калечить «грузинчика». Но для него всё было просто: пацан сказал — пацан сделал. Он был здесь хозяином, девчонка была русской, а такие, как он — качки, считали себя «гражданской обороной» от приезжих.

Трудно предположить, чем бы всё закончилось, если бы не прохожие. Случайные свидетели начали возмущаться: «Где милиция? От хулиганья прохода нет!» — и в итоге попросили девушек из «Эгоиста» вызвать наряд.

Полина сразу поняла, в чем дело, и бросилась к арке. Леван стоял у распахнутых ворот, прижавшись спиной к кирпичной стене. Густав, услышав шум, задерживаться не стал: если вызвали ментов — пора рвать когти.

На лице Левана почти не осталось следов — только чуть рассечена губа; так бьют профессионалы, знающие, как причинить боль, не оставляя лишних улик. Однако идти он почти не мог. Полина плакала и порывалась вызвать скорую, но Леван её удерживал: «Ничего, очухаюсь». Больше всего он боялся переполоха в семье — если в больницу примчатся отец и мать, проблем не оберешься.

Хороший парень на углу не валяется

Девушки завели Левана в салон. Обработали ушибы перекисью, стерли кровь, напоили горячим чаем.

— Красиво он тебя отделал, — резюмировала администратор Элина, глядя на парня. — Лови—ка ты мотор, дорогая, сам он вряд ли доберется.

С Леваном и Полиной в машину села Кристина: у Левана в доме не было лифта, и девушки не знали, справятся ли вдвоем. К счастью, дома никого из родных не оказалось. Отперев дверь ключами Левана, они довели его до комнаты, уложили на диван в зале и в тишине начали собираться.

— Ничего себе тихоня! — в дверях одной из комнат коммуналки всё это время застыл изваянием старик Вилли. Человек интеллигентных кровей, он, тем не менее, уже подхвативший, как вирус, общую подозрительность к посторонним в доме.

— Вы его сосед? — девушки попросили Вилли приглядеть за Леваном и, не дожидаясь родителей, ретировались.

Вилли как сумел объяснил ситуацию вернувшейся чуть позже Ие. Леван же как-то непривычно тяжело спал, и мать решила отложить расспросы до прихода Реваза.

— Да, попросили понаблюдать за вашим мальчиком и откланялись, — Вилли не умел объяснять детали, поэтому ограничился самым важным в его представлении.

До как обычно позднего возвращения Резо Ия успела задействовать компрессы из арсенала бабушки Нуцы: пчелиный воск, перетопленный с древесной смолой и сливочным маслом, напоить оклемавшегося сына обезболивающими и горячим чаем.

Леван явно повеселел, глаза прояснились, речь, хотя и отдавала хрипотцой, однако постепенно обретала четкость. Тем не менее, отвечать на главный вопрос: что случилось? Сын не желал. Он ничего не объяснил и мрачному от произошедшего отцу. Кроме того, стойко отказывался ехать в больницу, видите ли: могли занести в медицинскую карту координаты и вызвать наряд милиции. Явная хулиганка.

— Но не ты же напал! — кипятилась Ия — Пусть отвечают.

— Мама, я тебя прошу, — устало отворачивался от неё к стенке Леван.

— Здесь замешана девушка, — понял отец.

Реваз вышел на кухню, где соседи обсуждали новость.

— Вилен Фёдорович, вы видели тех, кто привел Левана?

Вилли в который раз попытался передать подробности: кто был, во что одеты, что говорили — и ничего стоящего добавить не умел.

Реваз Шалвович как горный орел наблюдал за растерянными взмахами рук старика — все произошло так неожиданно, не успел вникнуть.

— Так кто же эти девушки? — прикидывал Реваз: случайные отзывчивые свидетельницы, виновницы — его сын вполне мог бы затупиться за обижаемых девочек, или все же соучастницы, отправленные проводить домой избитого этими негодяями.

— Декабристки, — вполне серьезно ни с того, ни с сего определился Вилли.

— Что? — не понял Реваз.

— Самоотверженные женщины, — перевела туманное замечание старика на общепонятный язык одна из соседок, Ольга, бывшая учительница русского языка.

Реваз в полном недоумении пожал плечами и возвратился к себе.

В подобном случае Вилен Фёдорович мог, разумеется, показаться слабоумным стариком, если не учитывать подноготную словарного запаса пожилого историка. Находясь на заслуженном отдыхе, старик писал труд всей своей жизни — монографию о декабристах. Дело в современной России малопонятное и совсем не доходное. Напротив, Вилен тратил крохи пенсии на покупку на блошиных рынках и у букинистов каких-то материалов для его работы. Питаясь не то, что скромно, просто впроголодь.

— Я привычен. Считаешь, в войну лучше кормили? — эвакуацию старик Вилли, тогда еще десятилетний мальчишка, провел в татарском селе Олы Менгер, в достаточно спартанских условиях.

То суровое время действительно могло отрезвить кого хочешь: в окрестностях весной не распускались листья на деревьях, потому что дети объедали их ещё почками. Не удивительно, что Вилен научился вспоминать о еде в последнюю очередь, отвлекая себя интеллектуальными занятиями.

Теперь у него были декабристы, потому что раньше он писал для кого-то, а теперь позову души. Для удовольствия. И совсем забывал о еде. Раздосадованный гневными взглядами

горца, будто именно Вилли в чем-то виноват перед соседями, хронолог прошлого вернулся к себе.

— Давай-ка я полюбуюсь на мою милую шкатулку! Шкатулочка моя... ¹¹ — прошептал Вилен Фёдорович, осторожно доставая из-под кровати деревянный ларец.

Прекрасно, что никто не видел старика со стороны, а то горя не оберёшься: «Опять чудачит, старый!» Вилли старался не прислушиваться к колкостям в свой адрес. Он не чувствовал себя «странненьким», как припечатывала по-соседски под горячую руку рыжая бестия Ленка.

Вилли было чем гордиться. Лаковая миниатюра Трёхмостья у Спаса на Крови на крышке шкатулки поблёскивала в свете тусклой настольной лампочки. Внутри, на выцветшем бархате, лежали его сокровища.

Проще всего было подцепить со дна пуговицу с выпуклой литерой «М» и цифрами «1820». Такие носили на мундирах Лейб-гвардии Московского полка — сия вещьца вполне могла быть неммым свидетелем событий на Сенатской площади в тот декабрьский день.

Рядом покоились два самодельных железных кольца — точные копии тех, что ковал декабрист Николай Бестужев в Чите. Одно — с выгравированными инициалами «Н.В.», другое — с крестом и надписью по кругу: «Возьми свой крест и иди». Старик Вилли мысленно приписывал эти кольца Волконским.

Серебряный гривенник 1825 года, потертый до блеска, извлечь из коробочки оказалось сложнее всего. Пришлось перевернуть ларец, монетка покатилась и чуть не соскользнула на пол. Коллекционер беззлобно отругал её: «Ползай потом за тобой...»

Однако вершиной коллекции были часы-«луковица», которые показывали не время, а тайный портрет, запрещенных к какому бы то ни было копированию самим Николаем I государственных преступников. Нажав на заводную головку, что приводило к откидыванию верхней крышечки, любой и каждый был бы поражен — на него смотрела Мария Волконская, писанная по слоновой кости вероятнее всего Николаем Бестужевым. Это был знаменитый на сегодня список с работы Карла Мазера¹².

На самом дне шкатулки лежала дореволюционная открытка — из тех самых простых, серых, на которые никто бы и не позарился. Невзрачный бланк из грубого картона с блёклым, едва различимым штемпелем Тобольска, но без адреса — её явно передавали из рук в руки, минуя официальную почту, от одного ссыльного к другому. На лицевой стороне витиеватым текстом с «ятями» было отпечатано: «Петровский заводъ. Церковь, гдѣ похоронены декабристы». На обороте аккуратным почерком был выписан эпиграф из дневника Кюхельбекера: «Je prends mon bien où je le trouve. Molière».

Но старый коллекционер знал, что у этой карточки есть второе дно. Поддев лезвием истончившийся от времени бумажный задник, намертво приклеенный когда-то к основе, старик дрожащими пальцами извлёк на свет скрытую внутри полоску папиросной бумаги.

Он взял со стола тяжёлую советскую лупу в треснувшей роговой оправе, приблизил её к глазам и прочитал торопливую приписку на французском, сделанную чернилами другого оттенка: «Pardon, cher ami, mais j'ai oublié ton nom...»

Старик перевёл дыхание. Это была цитата из рокового письма декабриста Вадковского к предателю Шервуду, написанного за два месяца до восстания. В Сибири, среди выживших, эта невинная фраза превратилась в страшный шифр. Когда один ссыльный посылал другому весть и прятал внутри эту строчку, адресат понимал без лишних слов: «Берегись. Рядом с тобой Шервуд. Рядом предатель».

«Беру своё добро там, где нахожу... — перевёл Вилен про себя. — И я так же».

¹¹ * Прим. автора. Слегка изменённая реплика Гарпагона из пьесы «Скупой» Ж.-Б. Мольера

¹² * Прим. автора. Дагеротипы декабристов швед Мазер умудрился тайно вывезти из России, запав в воск и превратив в зеркала в оправе. Это был огромный риск. НО охранка еще мало понимала в подобных технологиях — и он ушел.

Убрав всю «музыку» обратно и закрыв ларец, старик Вилли погрузился в размышления — как это обыкновенно и случалось с ним перед сном. Засыпалось тяжело, был бы помоложе бегал бы по парадной лестнице вниз — напиться кислородом, глядишь, усталость бы и смо-рила. Вот только ноги наливались к вечеру будто каменные. Только что про них окаянных думать? Было о чём беспокоиться посерьёзнее.

— Как так вышло, что в девяносто первом и девяносто третьем ни один полк не вышел на Сенатскую? Что-то пошло наперекосяк в этой стране. Вот только что?..

Мысли мало-помалу захватили в себя события сегодняшнего вечера. В доме тоже не все было ладно. Избили этого соседского юношу — грузинчика Левана. Родители теперь места себе не находили. Ко всему на общей кухне шептались: похоже драку устроили какие-то городские нацболы. Слово «нацболы» отдавало архаикой. Раньше подумал бы: «национал-большевики», а сегодня так именовали «национальное большинство» в противовес нацменам. Надвигались новые, сумеречные времена, где публика в коммуналке смотрела на разборки чужого народа с полным безразличием, занятая лишь собственным выживанием.

«Почему я ничего не уточнил у девочек, которые притащили Левана? — устало досадо-вал между тем на свою невнимательность добросердечный Вилли. — Сейчас бы всё уже было ясно...»

Возраст, вот что. Возраст давал о себе знать. Как-то подрастерялся в суматохе. И сооб-разил про свою оплошность, только когда горец-коршун налетел с вопросами.

— Хорош, нечего сказать! — вслух выговорил себе Вилен Фёдорович.

От расстройства зачесались руки. Чтобы унять их, нашел занятие: решительно открыл пухлую папку-скоросшиватель, продолжить давно начатую работу и наконец высказать всё, что понял даже в свете сегодняшних событий об этом Великом мистификаторе Льве Толстом с его фигой в кармане: «непротивление злу насилием». Увлечённый своими доводами литератор не услышал, как громко хлопнула входная дверь в квартиру — это грузинский темперамент играл с обычно уважительным к окружающим Ревазом злую шутку, мужчина не очень хорошо контролировал свои резкие движения.

Вторично дверь уже щёлкнула вполне аккуратно, чтобы не будить спящую квартиру. Реваз с сыном вернулись от врачей, бывших однокурсников отца Шалвы.

— Жить будет, — успокоил Резо Ию: ничего не сломано, ничего не отбито. На сей раз повезло. Мама перекрестилась: «Мáдлоба гмертс. Спасибо Богу».

А юноша уяснил одно: надо учиться драться, а не таскать как дурачок гантели.

Ничего на свете лучше нету

Через пару дней у Левана был день рождения. Разумеется, отец мечтал собрать всех род-ных и накрыть богатый стол, но мальчику было всё еще тяжело долго сидеть — начинала болеть голова. И поскольку именинник оказался в свое восемнадцатилетие не в лучшей форме — засто-лье вышло по-домашнему тихим. С утра Реваз сам выбрал на рынке мясо для шашлыка, бакла-жаны для пхали и лучший сулугуни для хачапури. Он достал канистру настоящего грузинского вина, переданного родными через третьи руки из Тбилиси, и сегодня вечером выглядел не просто счастливым — за этим столом он буквально сиял.

И всё-таки к концу августа молодой организм мобилизовал ресурсы — Леван восстано-вился. На радостях отец разрешил сыну собрать друзей в семейном ресторане: ясно что маль-чику очень хотелось поддержать товарищеские отношения и заодно удивить своих друзей кав-казским гостеприимством. Реваз старался для компании Леванико ничуть не меньше, чем для своих гостей, тем самым лишний раз укрепляя отцовский авторитет, и как бы напоминая, как сильно родители перенервничали из-за безобразной драки.

Стас и Маркус каждый по-своему одарили именинника: в небольшой плоской коробке оказался кожаный ремень с тяжелой чеканной пряжкой — львиной головой, удерживающей в

зубах кольцо, а в белую папиросную бумагу Магер бережно упаковал редкую книгу по архитектуре Грузии. Кто-то станет спорить, что иметь настоящих друзей — счастье?

Приятеля уже прослышали о драке, поэтому вечер начался с обсуждения наезда бригады с Литейного, потом переключился на основную тему — клуб «Планета». Как и догадался Маркус, Стасу было что порассказать об этом модном заведении: клуб в реале оказался непростым пати, и не только из-за быкования привычных «малиновых пиджаков». Мажоры перестреляли друг друга в борьбе за привилегированное место, идеально годившееся под казино, еще до появления рейв-клуба. На сегодняшний день в игру вступили куда более крутые силы.

Железный поток

По специально рассчитанным параметрам структура Железного зала идеально вписывалась в неясный сторонним наблюдателям масштабный проект. По версии Пасечника в стране зрела не просто криминальная революция, а глобальный передел. Развал промышленности парадоксальным образом не затронул спаянную десятилетиями воровскую иерархию Союза, и спецслужбы решили бить врага его же оружием.

Для этого и сгодились «малины». По хорошему слово обрело новый смысл: прежние воровские притоны и традиции становились идеальной площадкой для разжигания войны между авторитетами старой закалки и «новыми» бригадами. План был изыщен и жесток: сравить поколения криминала, чтобы, встав над схваткой, зачистить Питер, а следом и всю страну.

— Почему бы не внедрить туда агентов, как в фильмах про Джеймса Бонда? — предложил Маркус.

— Ага, внедрить. Как в «Место встречи изменить нельзя», — усмехнулся Стас. — Поймать одну «Черную кошку», дав остальным разбежаться...

Стасу привиделись перепуганные горластые кошки, шныряющие по пустырю. Было бы забавно, не окажись ситуация куда масштабнее. В понимании Магера на подобные игры с криминалом требовалось невероятное количество денег, чтобы купить воров в законе и заставить их уничтожать друг друга.

Однако оказалось, что покупать никого не нужно.

— «Синие» в «Планетарий» ни ногой, — Стас объяснялся почти одними губами, едва приметно кивнув на стены ресторана, будто они могли иметь уши. — Для авторитетов там «бесовщина», зашквар. А вот отморозки, типа быков, с которыми столкнулась твоя Полина, этим — старый закон не писан, такой контингент себя в Железном гроте чувствует как в утробе. Их кровь — адреналин. И его, как выяснилось, можно модулировать.

Новые представления о «Малиновой Планете» Стас почерпнул в каком-то НИИ с невнятным названием, где теперь числился его отец. Леван с трудом осознавал о каких людях у них речь — личности сии не просто не мелькали «на виду», они даже не были «на слуху». По сути своей выходило: военные исследователи ранга Пасечника-старшего включились в какую-то программу из фантастики пера Роберта Шекли. «Поединок разумов» в чистом виде: когда противник и не догадывается, что его мысли больше ему не принадлежат.

Маркус, чей дед-врач еще в застойные годы таким же шепотом рассказывал о «спецпсихиатрии», уловил суть мгновенно. Можно было понимать, что в их городе открылся полигон, где человеческий материал переплавляют в нечто подконтрольное, даже более того, подчиняющееся внешнему управлению.

— Значит, купол — это резонатор? — Маркус будто прорисовывал в уме схему из обрывков услышанного. — Как гиперболоид Гарина, только быющий не по плоти, а по сознанию?

— Вроде того. Настройка на частоту зверя, — Стас был непривычно серьезен.

Леван молчал. Для его искренней натуры, привыкшей к честному бою — глаза в глаза, — эта бесплотная война, где человека могут сломать без единого удара, представлялась за гранью понимания.

Попасть в цвет

— Тебя надо так понимать, что они пытаются поставить в стойло каких-то тупых быков? — наконец уточнил Лёва. — Зарядить их на бега, как в Испании с тореадорами?

— Святая простота: не просто «каких-то тупых», — возразил Стас. — Это спортсмены, подготовленные бойцы, часто накачанные веществами. Гремучая смесь: физическая мощь плюс измененное сознание. Кстати, посмотри на свой ремень, — Стас указал на подарок, который Леван уже успел вдеть в свои модные джинсы. — Там лев. Но если присмотреться — это Медуза Горгона. Своеобразное зеркало. Этим ремнем ты её «зеркалишь».

— Ему только медузы не хватало, — не выдержал Маркус. — Персей из Тбилисо, чёслово.

Под тост «за дружбу с Медузой» Маркус в паре емких фраз пересказал известный миф, напоминая, что смотреть на Горгону можно только через отражение в щите, иначе — окаменеешь.

— Нет, не Персей, — усмехнулся захмелевший Стас. — Скорее Монтекки и Капулетти.

Резюме являлось отголоском на признание Левана по поводу причин драки. «Если не по пьяни — то из-за баб» — рассмеялись парни, когда расчувствовавшийся именинник признался, что ввязался в драку на Литейном из-за девушки.

«Русская? Да, русская — разве это важно?»

И тем не менее, Ия уже несколько дней пыталась сосватать сыну «свою» девушку, из проверенных семей, лишь бы мальчика оградить от дурного влияния «плохой» компании.

— И это твои предки еще не слышали про «Планету», — Маркус задумчиво разглядывал друга сквозь стекло бокала с алым как кровь грузинским вином.

Леван, не уловив иронии, согласно кивнул:

— Не слышали. Я про Полину ничего не рассказывал, мама и так вся на нервах.

Он на секунду замолчал, вспоминая неотразимую в его глазах «старорусску» — с ее зелёно-голубыми ясными глазами и россыпью сережек на ушном хрящике:

— Вот разве мне нужна девушка из наших? Запуганная, как я сам когда-то...

— Классика, — кивнул Стас. — Вражда родов: Монтекки с Куплетами на новом витке истории.

— А я бы взял круче, — не согласился Маркус. Парень чуть пригубил вино, прицокнул языком, смакуя терпкий вкус, и прищурился на друга:

— Ты — Орфей. Ты вознамерился вывести с «того света» — или с того звука — свою Эвридику. Теперь тебе нужна лира, чтобы перебить гул подземных тоннелей Петропавловки.

В ответ Стасу вспомнилось несколько анекдотов про разбушевавшегося Фантомаса и Карабаса-Барабаса с его бас-трубой.

— Это просто праздник какой-то! — хохотнул парень.

Молодо-зелено

Ребятам стало весело. Стас, окинув внимательным взглядом периметр зала, предложил пригласить на танец какую из красоток, скучавших в такой чудный вечер. И заметив, что сын наконец приходит в себя, Реваз поставил «Сулико». Иина дипломатия дала свои плоды: мама тайком попросила дальнюю родственницу «вывести в люди» дочь.

Как истинная грузинка женщина была уверена: что умеют эти русские? Разве они умеют по-настоящему прочувствовать «Сулико»?

Так, ничего не подозревающий о семейном заговоре, Леван вдвоём с очаровательной Анной вначале станцевали медленный танец в общем кругу. А затем под аплодисменты гостей дуэтом исполнили «Ачарули».

У Ии отлегло бы на сердце, если бы жена могла видеть сияние в глазах Реваза, когда Леван гордо парил рядом с волнующейся, но не поддающейся своему смущению, легко плывущей по небольшому островку для танцев девушкой.

— Я решил: после меда пойду в пчеловоды, — сообщил Стас, когда ребята уже прощались неподалеку от ресторана Реваза.

— Иди-иди, оправдывай фамилию, — идея вызвала у приятелей вполне естественные смешки.

— Вы ничего не поняли, — Стас не желал сдавать позиций и продолжал огорошивать их новыми смыслами. — Те, кто управляют пчело-человеками, в своем снобизме убеждены, что мы не догадаемся сами.

Маркус уже принял свою привычную позу для «интеллектуальной атаки», собираясь прочесть что-то поэтическое в тему, но Стас приложил палец к губам: «Не перебивай».

— Мы когда живем? На рубеже! Время на исходе — у нас на носу конец века! — слово «конец» он пророкотал с каким-то зловещим надрывом: «ко-о-нец».

Полунамеки и шепот сделали свое дело — Левану и Маркусу стало по-настоящему не по себе. Любопытство пересилило: «Да колись уже! Кто они такие?»

— Кто? — Стас обвел друзей тяжелым взглядом. — Вы бы пошли, прогулялись в окрестностях Железного Дома. Там прямо перед вами стоит Мечеть с куполом в форме сот.

Он горько ухмыльнулся.

— Еще одни пчеловоды? — прищурился Марк. Как и многие из старых питерских семей, он с настороженностью наблюдал за тем, как меняется лицо города с наплывом новых людей.

— Эх вы, архитекторы вселенной... — Стас явно намекал, что пора бы им оторваться от книг и взглянуть на мир «в натуре», каков он есть.

— «Умом Россию не понять», — всё же не утерпел Марк, напоследок блеснув эрудицией.

— Ну, так будем верить! — Стас широко улыбнулся и крепко, по-мужски обнял друзей на прощание.

Когда подвыпивший Стас уехал, Леван отчего-то припомнил, что Полина говорила о чувстве будто из—за купола в «Планете» за ней следил кто-то.

— Считаешь, он не все тут придумал, чтобы покрасоваться своими знакомствами?

— Кто его знает. Но если они глушат мечеть — то, видимо, это связано с Чечнёй, — предположил Маркус, — чтобы воины Аллаха в Питере не поддержали своих в Грозном.

— Чувства добрые я лирой пробуждал, — Маркус хлопнул друга по плечу, — бывай, Орфей, и не отдавай им свою Эвридику.

Глава 3. Медный всадник

*«Твой конь попирает с беспощадностью звенья,
Бессильно под ним — изогнутой змеи.»
Валерий Брюсов*

В шумном зале ресторана

Конец августа в Санкт—Петербурге мало напоминал привычное Левану лето. Двадцать градусов здесь — это как начало марта в Грузии: время, когда случайный снегопад бессильно перед первым весенним солнцем. Грузинский август — это зенит жары и изобилие фруктов, а в Питере уже начинался сезон дождей.

— Погода оплакивает наше безумное лето, — Полина сильнее укуталась в плащ, прячась под зонтом за широкой спиной Левана от балтийского ветра, который кружил палую листву.

— Ты озябла, — с сочувствием произнес парень. Время их вечерних свиданий под открытым небом неумолимо сокращалось. — Знаешь что, у меня есть отличная мысль: я приглашаю тебя в ресторан!

Воодушевленный внезапной идеей, Леван признался, что давно хотел сводить ее в настоящее грузинское заведение. Место он уже выбрал — его земляк держал небольшой ресторанчик, нечто среднее между уютным кафе и классическим залом. Там отлично готовили, да и публика собиралась приличная.

— И там танцуют? Что это за место? — оживилась Полина. Они еще ни разу не танцевали вместе.

— Название — секрет. Но если там никто не будет танцевать, мы будем первыми. Музыка там точно есть.

Девушка и не догадывалась, что под скромным «ресторанчиком земляка» Леван подразумевал «Пиросмани» — самый статусный на тот момент грузинский семейный ресторан в городе. Втайне от Поли молодой человек уже заехал туда, чтобы забронировать лучший столик.

Местный администратор сразу узнала сына батона Реваза. Едва приняв заказ у молодого человека, она тут же созвонилась со своей коллегой, Ирмой Габелия, работавшей у Гиоргадзе, чтобы доложить о планах юного наследника.

— Столик на двоих... Ты будешь с девушкой или с другом? — вкрадчиво поинтересовалась внимательная сотрудница у Левана.

— С девушкой.

— Из наших?

Леван коротко качнул головой:

— Нет.

Отметив, как потемнели глаза администратора, всегда умевшей скрывать эмоции, юноша понял: отступать некуда. Выбирая «Пиросмани», он открыто заявлял, что отказывается от роли «послушного ребёнка». Отныне он не собирается прятать свои чувства на набережной, угощая понравившуюся девушку кофе и мороженым среди чаек и туристов.

Разумеется, можно было выбрать неприметный подвальчик и провести дивный вечер. Но само слово «какой-то» казалось *крестonosцу* грошовым и трусливым. Леван ломал барьеры, решив начать бунт против давящих на него устоев. Мысленно он даже прокрутил тяжелый диалог с дядей Гурамом, который обязательно напомним: родители ждут для него «свою» невесту — из хорошей грузинской семьи, с понятным прошлым. Спонтанный аргумент родился сам собой: «Никто не имеет права наступать на горло моей песне». Если он — тот самый свободный

от внутренних конфликтов Бриан, каким его видит Полина, то именно она достойна лучшего в этом мире. Не фанатично, а с яростной, упрямой влюбленностью Леван готовился защищать свой выбор перед отцом, дядями и всем грузинским Петербургом. Ему хотелось убедить всех считаться с его чувством.

Взрослеющий сын

Телефонное радио сработало мгновенно. В тот же вечер Реваз, мрачнее обычного, поделился новостью с Ией:

— Наш сын идет в «Пиросмани» со своей русской девушкой. И почему-то решил нам об этом не говорить.

Дружба их мальчика с «чужой» и прежде приносила немало тревог в спокойную жизнь семьи. Теперь родители сошлись в одном: пришло время понять что к чему, увидеть избранницу Левана. Раз уж им донесли о планах сына, делать вид, будто его судьба им безразлична — верх глупости.

Пока в семье Гиоргадзе зрел план знакомства, Полина на следующий же день на работе решила посоветоваться с подругами, в чем пойти на свидание в «грузинскую точку». Ответ коллег застал ее врасплох. «Пиросмани» оказался вовсе не уютным кафе для своих, а статусным местом, где питерская богема ужинала бок о бок с криминальными авторитетами.

— Но Леван говорил, что там просто заведение его земляка... — растерянno лепетала она.

— Твой грузин либо влюблен в тебя до безумия, либо собирается на тебе жениться! — наперебой стрекотали коллеги в обеденной комнате «Эгоиста».

Наблюдавшая за этим шумом администратор салона, Элина Дмитриевна, мягко разогнала девушек по рабочим местам и кивнула Полине на дверь своего кабинета.

Элина всегда держалась с провинциальной девочкой как старшая сестра — ненавязчиво, искренне и по-дружески.

— Девочки правы, — заметила она, когда они остались одни. По праву той, кто понимал в жизни куда больше, Элина добавила: — У кавказских семей всегда всё расписано на несколько союзов вперед, тем более в чужом городе. И если твой парень приглашает тебя в свой круг — это не просто про потанцевать при свечах. Это бунт против родни. Будь выше их средневекового ханжества.

— Тогда я не смогу пойти туда одна... — совсем растерялась Полина.

— И не нужно, — согласилась Элина. — Возьми с собой кого из подруг. Ты ведь в своем городе, тебе есть с кем выйти в свет. Это кавказских девушек должны сопровождать братья, а современная женщина в праве сама выбирать себе опору.

Ветер в сердце

Чтобы побороть нахлынувшее чувство неуверенности, Полина попросила поддержки у Кристины, и та моментально приняла приглашение. Леван не возражал и для компании позвал своего вернувшегося с летних каникул приятеля — Игоря Морэ.

Выбранный ресторан действительно оказался местом своеобразным. Он полностью оправдывал свое название обилием репродукций картин и вывесок Нико Пиросмани. Как выяснилось чуть позже, Леван знал не только названия полотен, но и истории их создания.

— Помнишь, я обещал тебя удивить грузинским художником? Это тоже про простую жизнь... но без жертвоприношений... — Полина, искренне улыбнувшись, кивнула.

Едва компания вошла, администратор, не подав вида, молча распорядилась добавить к заказанному столу два стула и приборы. Семья Реваза пользовалась бесспорным уважением: его сын мог привести за свой стол столько гостей, сколько считал нужным, без лишних вопросов.

— Какая у тебя странная фамилия — Морэ? — Кристине явно был симпатичен новый знакомый.

— Это не совсем фамилия, — Игорь чуть подмигнул девушке. — Точнее, совсем не фамилия.

— погоди, — Кристина грациозно взмахнула рукой, так чтобы послышался мелодичный звон серебряных браслетов на запястье, — я угадаю. Ты морской романтик! Море?

Игорь качнул: нет. Когда парень проделал это трижды Девушка сдалась: «колись».

— Это марка сигарет, — в голосе звучали заговорщицкие нотки.

— погоди, у тебя кличка в честь курева? — прыснули девчонки.

— По созвучию, — пояснил он. — Морозов... отсюда и Морэ.

Недоумение в глазах девочек: как *мороз* трансформировался в *морэ* — было столь искренним, что Игорь продемонстрировал пачку любимых сигарет:

— Гурман! — сам себя похвалил молодой человек. — Люблю крепкий табак в длинных гильзах. Профаны мои сигареты по ошибке принимают за дамские.

На курсе Игорь обожал травить байки по теме своего неоднозначного выбора. Он уверял парней, что за одну такую «сигу» в общаге можно выторговать не только поцелуй, но и кое-что погорячее. Скептики, не умевшие подкатывать к девушкам без лишних церемоний, лишь хмыкали: «Прямо-таки за одну?». В такие моменты Игорь делал театрально-строгое лицо и цитировал классика:

— «Я достаю из широких штанин...» Выдержав эффектную паузу под девичьи смешки, он ловко подбрасывал на ладони пачку More 120: — ... и девушки сразу становятся сговорчивее.

— Amore, amore, amore, amore, amore, amore по...¹³ — звукоподражательно к оригиналу в исполнении Челентано напел Игорёк, девочки пришли в полный восторг.

На самом деле Игорь бабником не был. Весь этот пацанский пафос с импортным табаком служил лишь броней. В дорогом Питере девяностых он слишком хорошо помнил, какой ценой семье дается его учеба. В перерывах между шутками Морозов налегал на учебники куда усерднее, чем на соблазны большого города.

За гранью суеты сует

К радости Левана, Морэ быстро переключился на любимую философию. Он увлеченно доказывал девчонкам, что курить начал не «на слабо», а ради чистого эстетства. Неприлично длинные сигареты не терпели суеты за углом — они требовали ритуала, почти медитации.

— Ну любят же люди хороший кофе или шоколад? — Игорь пожал плечами. — Почему я должен отказывать себе в дорогом дыме? Главное — ловить момент. А то ведь бывает: лежишь после бессонной сессии, в голове гудит, и кажется, будто по комнате прыгают орангутанги с молотками... А затынешься — и мир снова в порядке.

— Это тебя так с табака вставляет? — поддела Кристина, явно подозревая, что в сигаретах Игоря скрыто нечто большее, чем виргинский лист.

— Натурально. У нас в общаге по ночам крутят сериал «Хроники пикирующего бомбардировщика», — подмигнул ей Игорь. — В главных ролях — клопы. Метод борьбы радикальный: соседи вооружаются тапками и сшибают с потолка остатки дореволюционной лепнины. Леван у нас ценитель архитектуры, он подтвердит: наш «клоповник» — памятник истории, хоть и осыпающийся.

Баснями про охоту на насекомых под кольца элитного дыма утонченных петербурженков было не пронять, но Кристина с Полиной и не строили из себя неженков. В их общежитии от полуразваленного завода нравы царили еще суровее.

¹³ Любовь, любовь, любовь, любовь, любовь, ее здесь нет, ее здесь нет (ит.)

Кристина в тему вспомнила ночной клуб «Планетарий». Там ее приятель, перебрав с запрещенными веществами, вдруг рассмотрел, как шрамы на лице сидящего рядом бандита ожили и поползли гусеницами. Парень забился в истерике от смеха, а браток чуть не пришиб бедолагу на месте. Объяснить «быку», что хохочут не над ним, а над ожившей галлюцинацией, так и не удалось.

Леван не разделил общего веселья от истории про незадачливого нарика, тревожно взглянув на девочек.

Произвести впечатление

Вечер в ресторане катился как по маслу. Меню было заранее обговорено с администратором, Игорь докинул за себя — в итоге вышло по-божески, без лишних трат и ресторанных накруток.

Леван, что называется, не сводил глаз со своей спутницы. И не он один. Высоко собранные волосы Полины открывали изящную шею, придавая осанке почти балетную грацию. Густые локоны, уложенные в объемный узел, мягко поблескивали в полумраке зала. Прическа казалась сплавом высокой классики и современного искусства — особенно те две длинные кудряшки, что кокетливо подпрыгивали в такт движениям хозяйки.

Когда заиграла музыка, девчонки потащили парней на танцпол. Привыкшие к клубной моде девяностых, ребята не видели ничего вызывающего в экстрамальном мини и открытых пупках, мелькавших в танце. Но грузинская девушка никогда не посмела бы вести себя так свободно. И это «свободно» — а для старшего поколения однозначно «бесстыже» — стало роковым приговором в глазах родителей Левана, как бы невзначай заглянувших в «Пиромани».

Реваз не зря взял с собой Ию: присутствие жены действовало как громоотвод, сдерживая его буйный нрав. До последнего момента он надеялся, что сплетни преувеличены, а подружка сына — не безнравственная девица из Шушар. Посчитав ниже своего достоинства устраивать громкий скандал на людях, Гиоргадзе-старший молча увел жену из зала. Разговор перенесли за закрытые двери семейного дома.

Лето кончалось здесь и сейчас. Едва Леван переступил порог комнаты, он встретился с разгневанными глазами отца.

— Если я еще раз увижу тебя в кабаке с этими полуголыми девками, — жестко начал Реваз, — ты забудешь, что такое друзья. До самого диплома будешь ходить строго по маршруту «дом — институт».

— Отец, вы всё не так поняли! — вспыхнул Леван. Он и представить не мог, что обычный веселый ужин в глазах родителей превратится в вертеп.

— Я всё видел сам, — отрезал Реваз, и в его голосе звякнул металл. — Это не обсуждается. Иди спать. Завтра первое сентября, вы теперь второкурсники — вот об учебе и думай.

Медуза Горгона с доставкой на дом

— Считается, что «микробиология» и «фармацевтика» главные преграды на пути к ЗАГСу, «выжившие» вполне могут чувствовать себя готовыми к семейной жизни, — этим откровением поделился со студентами второкурсниками на первой лекции преподаватель микробиологии.

— Бросим все силы на *фарму*, а потом на *микру*... С таким походом, быть нам старыми девами, — вздохнули всё еще мечтающие побыстрее выскочить замуж девчонки-второкурсницы.

— Когда на вас из чашки Петри поднимает голову Медуза Горгона — а именно так, уважаемые будущие коллеги, выглядят колонии сибирской язвы — шутки про Персея заканчиваются, вы, не понимая с чем столкнулись, рискуете не только семейным счастьем, но и собственной жизнью.

— Каждой Горгоне по Персею — и дело с концом! — отмахнулись студентки. Было ясно: мифами Древней Греции будущих врачей не пронять.

Тогда лектор, решив выбить из красивых, но легкомысленных голов остатки скепсиса, заговорил о событиях в закрытом городке «Свердловск» номер 19. Он рассказал о Фаине Абрамовой — заведующей патологоанатомическим отделением обычной городской больницы. В 1979 году тихий номерной городок на Урале накрыло ЧП — вспышка сибирской язвы, масштаб которого скрывали десятилетиями.

— Здесь каждый день ЧП, то трубу прорвет, то з/п выдадут итальянскими туфлями на картоне, как раз для покойников. И при первом дожде придешь домой босиком, — явно насмотревшись на прелести жизни девочки не боялись уже никаких ЧП в уральских военных городках, давно расформированных за отсутствием в стране денег.

— Тогда я предлагаю вам проявить смекалку. Имеем растущее количество смертельных случаев от возбудителя сибирской язвы. Имеем вводную государственной машины: вспышка вызвана зараженным мясом, — преподаватель облокотился на кафедру, понизив голос. — Но мы, глазами Фаины Аркадьевны, вскрывая тела, видим иную картину: лимфоузлы в легких превратились в «вишневое желе». Вы, как профессионалы, уже знакомые с анатомией, сопоставляете факты. О чем говорит поражение органов дыхания при отсутствии изменений в кишечнике?

Наиболее смелые с мест выкрикнули:

— Аэрозоль!

— Вдох!

— Легочная форма!

— Отлично. В вас говорят знания, а не методички, — кивнул лектор. — Как и в Фаине Абрамовой. И тут закономерен вопрос: если не мясо, если заражен сам воздух — откуда принесло смерть в жилые кварталы Свердловска?

Оружие прорывных технологий

Студенты молчали. Это было поколение детей, которых уже не убеждали на уроках политинформации, что любое ЧП в Союзе — дело рук иностранных диверсантов. Они ждали другой правды.

Преподаватель поднял указательный палец, призывая к тишине:

— Мы с вами в девяносто шестом можем только гадать о «начинке» закрытых городов. А вот врачи местных больниц тогда быстро сообразили: суeta офицеров КГБ и изъятие историй болезни говорят громче их директив. Предвестник смерти, та самая «Медуза Горгона», вырвалась не из подполья шпионов, а из пробирок секретной военной лаборатории.

— Очередное «дело врачей»? — с задних рядов уже не смеялись. — Решили всё списать на медиков?

— На нее давили, КГБ требовал уничтожить протоколы, — кивнул лектор. — Но она совершила в нашем сегодняшнем понимании подвиг. Убежденная, что улики при обнаружении сожгут, Абрамова тайно сохранила фрагменты органов погибших.

— Спрятала в морге? — шепотом спросил кто-то.

— Она их законсервировала. Запаяла в парафин. Эти маленькие кубики ткани, распределённые среди тысяч других аналогичных стекол, годами хранили в себе ДНК «воскресшей Горгоны». Спустя тринадцать лет именно они, разгерметизированные парафиновые блоки, доказали всему миру: в Свердловске было применено биологическое оружие.

Аудитория, еще минуту назад мечтавшая о ЗАГСе и новых туфлях, замерла. Студенты наконец поняли: микробиология — это не картинки в учебнике, а невидимый фронт, где за правду иногда приходится платить жизнью.

Преподаватель подождал пока шум уляжется, чтобы добавить подробностей.

— Наш Президент, тогда еще не был президентом, он был первой величиной в Свердловске, и, когда в городе случилась эпидемия сибирской язвы, то, как истый парт—аппаратчик действовал в интересах государства.

Продолжение истории тянуло на отличный американский боевик. Оказывается, когда Президент занял свою высокую должность, он объявил медовый месяц между военными вирусологами России и Америки. И тогда было разрешено приехать в нашу страну выдающимся вирусологами — один был американец, второй — американец—эмигрант, из первой волны российской послереволюционной эмиграции через Харбин. Президент уже во всеуслышанье признал, что при советской власти партия, точнее Комитет, скрыли от народа величайшую трагедию — случайный выброс в атмосферу 1 грамма штамма боевой сибирской язвы. До сих пор никто не может ответить: каков смертельный выход этой страшной истории.

У каждого Абрама своя программа

В целом прошло 13 лет. Никто бы и никогда не раскопал детали, если бы не Абрамова и её подчиненные, умудрившиеся в силу знаний и опыта спрятать под носом у шныряющих по кабинетам—коридорам «смотрящих» гистологические «стекла» и парафиновые блоки. Русского-ворящий Шелоков (тот самый второй американец) сумел убедить Фаину Аркадьевну отдать ему архив, хранившийся в обшарпанных шкафах её кабинета и частично в архивном блоке. Добытые материалы были переправлены в Штаты. И послужили ценнейшим сырьем для изучения возможностей боевого оружия русских.

— Как они смогли вывезти? Это же не реально!

Все оказалось просто, как и бывает в настоящей жизни: без погонь и перестрелки. Президент дал им дипломатический зонтик — это раз. Ткани вывозились не в пробирках с жидкостью, а в виде парафиновых блоков (кусочки органов, залитые в твердый воск) — это два. В таком виде биоматериал считается биологически безопасным и неактивным, так как возбудитель «замурован» и убит химикатами в процессе фиксации. Таможня в начале девяностых была завалена нелегальным трафиком. Но если профессионалы осознавали, что передача штаммов «Горгоны» сопоставима с выдачей государственных секретов стратегического значения, то ресурсов для контроля у них просто не было.

— Боже! «Храни Америку!» — присягнул сам зачинщик операции «Горгона» в тамошнем Конгрессе.

— Теперь философию сдать — с закрытыми глазами, — вторым зимним экзаменом была темная для медиков наука — философия, переобувавшаяся от веяний времени как Золушка на балу.

— Наших привлекли за разработки генномодифицированных вирусов? — уточнил Магер, который относился как раз к категории студентов, знавших про дело еще тех, сталинских врачей, из первых, можно сказать, рук.

— Фантастика. Но нет. Они обошли Конвенцию 72-го года. Кио отдыхает. Наши военные сподобились создать эталонное биологическое оружие — не генно—модифицированное. Боевая способность советской Горгоны была уникальна. И потому как раз и удалось их через 13 лет изучить до кончиков волос. Точнее ДНК. Бактерия в своих контейнерах явила собой спящую принцессу. Один поцелуй — и чудо ожило.

Лекция закончилась. Девочки сошлись во мнении: если они эту Горгону научатся распознавать, то никакие Персеи им уже не будут нужны. Американские гранты, которым как они решили эти засланные казачки и соблазнили врачей в Свердловске, вполне могут сделать твою жизнь интересной и без какого слюня рядом.

Хотели как лучше

— Мы живем в удивительное время, — оценил историю Стас, — то, за что десять лет назад бы расстреляли, как за страшную военную тайну Мальчиша—Кибальчиша, сегодня лишь предмет купли—продажи. Когда-нибудь и нас самих станут продавать как негров в штате Аризона.

— Похоже свердловские патологоанатомы спасли американским исследователем сотни долларов и десятки лет поиска русской стратагемы... — Игорь понял, на что намекает Пасечник.

— Заметь, — оценив поддержку друга отозвался Стас, — и еще вилами по воде писано: нашли ли они бы этот путь.

Левану из обсуждения было неясно: продать чертежи *советской атомной бомбы* разведчикам Штатов, чтобы доказать виновность Советской военной доктрины — это хорошо, или не очень.

— Крошка сын к отцу пришёл... — Маркусу одному было всё как на ладони: евреи всего мира живут по своим законам и менять их не собираются.

— Вам проще, — согласился Морэ, — у вас есть Израиль.

— У меня тоже есть Грузия, — обиделся не уловивший тонкости замечания Леван.

Игорь намекал, что один из врачей, успел вовремя соскочить на настоящую родину, где его офицерам из «*смерть шпионам*» — не достать. Хорошо иметь ключик, как в детской игре: «чик—чик, я в домике». У русских домика не было.

И тут Леван припомнил горскую монастырскую легенду по поводу символики медной лошади с двумя всадниками.

— Медальона? — уточнил Стас.

— Да. Медальон.

Ребята уже вышли из студенческой столовой — впереди была следующая лекция. Погода стояла сентябрьская, располагавшая к тому, чтобы развеяться на свежем воздухе.

В легенде говорилось, что жизнь человеческой цивилизации — это цикл. Вначале бывает золотой век. Когда все живут легко и счастливо, как всемогущие боги. Потом золото мутирует в серебро.

— Трансформируется, — кивнул Маркус.

Это немного хуже, но еще ничего. Гордость делает их уязвимыми.

— Точно. Кто—то возьми и выпусти вирус сибирской язвы, забыв поставить на место фильтр. И все дело — труба! — мрачно пошутил Морэ.

Леван, чуть призадумавшись, кивнул «возможно»:

— Дальше еще хуже. Наступает медный век. Люди безумствуют и вооружаются медными доспехами и копьями — убивать друг друга. Выжившие так рады, что кто—то уцелеет: седлают своих медных коней и вывозят братьев в безопасные места — медные жилища.

— Так скажу: зачем мне орден? Я согласен на медаль, — легенда представала довольно складной и Стас попросил принести показать медный амулет горцев, — хочется представлять ваши древние знаки.

После медных труб наступал последний — четвёртый век.

— Почему последний? А потом что?

— А потом четвёртый всадник вострубил, — подвел черту Маркус.

— Да. Потом окончание фазы, — согласился Леван, — наступает железный век. Как в Железном зале бывшего Планетария.

— Точно! У меня дома есть барельеф: Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин. Сталь — четвертый. Ленин — уже железный век, то—то они хотели город Медного всадника переименовать в его революционную кличку.

— А Сталин? Сталинград — это как?

— Магнитка, — догадался Стас.

Случай показать друзьям старинную вещицу «Два всадника на одном коне» Левану представился не сразу. После череды неожиданных событий эта мелочь и вовсе выветрилась у парня из головы.

Тяжело в учении — легко в бою

Группа отправлялась на практику в армейский госпиталь. Малообеспеченная гражданская медицина не давала нужного объема наглядного материала, в то время как военная, при всем ее скромном финансировании, позволяла отточить навыки качественного ухода. Именно поэтому санитарное дело преподавали на базе Суворовского госпиталя.

Леван уже почти дошел до чугунной ограды и собирался свернуть с проспекта во внутренний двор, когда его окликнули. Голос доносился со стороны стайки «нефоров» — тех самых парней, что вечно ошивались на улицах в поношенных кожанках и спортивных костюмах «Adidas Bundes».

— Тебе че, жить охренело? До сих пор с горизонта не слинял? — пацаны явно нагтели, хотя в открытую драку пока не лезли.

Леван присмотрелся: кажется, один из них был с Густавом у «Эгоиста» за пару дней до памятной стычки. Точнее, конкретного мордобоя, после которого «мамкин пупс» еще долго приходил в себя.

Ввязываться в историю прямо у стен больницы в центре города, да еще перед самой парой, было явной дуростью, поэтому Леван попытался обойти неожиданное препятствие. Не тут—то было. В среде, где он вращался, неумение «отвечать за базар» при грубом наезде расценивалось как трусость и ничего хорошего не сулило.

— Ты че, еще не оттянулся у своей мочалки? — проверка на слабо сработала мгновенно: Леван непроизвольно сжал кулаки и шагнул к крикуну.

Тот, почуяв внимание толпы, нагло устоялся Левану в глаза и добавил, что салончик у его пассии — «системный». Мол, там для своих оказывают весьма специфические услуги строго по прейскуранту. Под улюлюканье и сальные смешки покрасневший от ярости Леван развернулся и зашагал к главному входу. На удивление, путь ему преграждать не стали. Казалось, на сегодня акта публичного унижения «абрека» было достаточно.

Но стоило Левану войти в фойе, как по лестнице, словно финальный аккорд в этой травле, начал спускаться Густав с каким—то *кентухой* из своих. Леван замер. Юношу намертво переключило на этих наглых стеклянных глазах, точь—в—точь как у той «адидасной гниды» на улице, и тонких губах в скользкой улыбочке победителя.

Едва Густав, двигавший напролом ради демонстрации превосходства, по принципу: «Посторонись, быдло», встал на линию огня, как Леван, сам того не ожидая, врезал волкодаву по физиономии. Однако сработала отточенная подготовка Густава, умевшего «ловить» удар даже в самых неожиданных обстоятельствах, поэтому кулак нападавшего лишь скользнул по его четко очерченной скуле.

Ответка же за атаку прилетела мгновенно. Сложно предугадать, чем бы закончился этот раунд игры без правил, не случись потасовка в главном корпусе на глазах у персонала. Рядом практически моментально оказались Игорь и Стас, которым не нужно было дважды бросать клич: «наших быют» — друзья вписались в драку, не раздумывая, кто ее начал. Когда пятерку парней наконец разняли, вердикт главврача был суров: Левана, как зачинщика, отстранили от практики до принятия дисциплинарных мер деканатом.

Разгоряченный Леван, оказавшись на проспекте, не чувствовал ни капли раскаяния — он был убежден в своей правоте. Однако уязвленному достоинству этого казалось мало. Ноги сами несли его к «Эгоисту». Он хотел своими глазами увидеть эти «подвальные комнаты для своих». Не то чтобы он замышлял месть, но ситуация требовала немедленной ясности.

Полины на месте не оказалось. Точнее, ее не было в верхнем зале, что теперь, в свете грязных слухов, Леван не считал простым совпадением или выходным. С дебошем «горячего

горца» в клубе справились не сразу: администратор Элина вызвала наряд, и в итоге Леван загремел в «аквариум» с протоколом на руках.

— Идешь по взрослой, — устало бросил одутловатый мент.

«Малява» от славянского глагола малевать

Леван сидел в камере в компании таких же «хулиганов». Под их рассказы он уже вовсю рисовал в воображении небо в клеточку и друзей в полосочку, когда его снова вызвали к следователю.

В кабинете ждал Реваз.

— Распишись и свободен, иди с отцом, — приказал гражданин начальник.

Леван молча выполнил указание. Он даже хотел было по привычке бросить «до свидания», но вовремя осекся, вспомнив, где находится.

Всю дорогу до дома отец не проронил ни слова. Несмотря на гнетущую тишину, у Левана на душе становилось легче — «затмение» постепенно отступало. Дома все тоже оказалось не так страшно, как он себе малевал.

«Малевал — что—то новое», — заметил про себя Леван, явно делавший успехи в русском блатном: «ботали по фене про маляву».

Знали бы раздосадованные родители, чем занята голова их отпрыска в ту минуту, когда коротко отрезали:

— На сегодня с нас хватит. Ложись спать.

Из песни слов не выкинешь

Однако «сегодня» закончилось, а следом выяснилось: Левана всерьёз грозятся отчислить из меда. Драка в военном госпитале и привод в милицию не прошли бесследно. Органы, хоть и отпустили его под поручительство, бумагу в университет направили незамедлительно — чтобы жизнь «распоясавшимся мажорам» медом не казалась.

И тогда в доме грянул небывалый скандал. Леван уже успел повидаться с Полиной, которая только и твердила:

— Тебя же просто взяли на понт!

Однако из песни слов не выкинешь — Левана с треском отчислили «в назидание остальным бездельникам». Подобные выходки иногда сходили с рук, но не в этот раз. Реваз в отчаянье пытался замять дело деньгами, но ничего из затеи не вышло. И разумеется, они с Ией быстро нашли виноватую: на вчера еще нормального и послушного мальчика «тлетворно повлияла эта полуголая шушарская бабочка». Столь грубых выражений в семье Гиоргадзе на памяти Левана не звучало никогда.

— Если вы не замолчите — я уйду из дома! — Леван впервые в жизни не просто перечил отцу, а откровенно дерзил.

Скандал не прошел мимо соседей по коммуналке. Те во всеуслышание обсуждали, что «от этих абреков с кинжалами всего можно ожидать».

Блудный сын

Спустя пару часов, ежась на питерском ветру, Леван пытался сообразить, что делать дальше. Вариант с дядей Гурамом или другими родственниками отпал сразу — и не только из-за нежелания объясняться. Стоило им узнать о побеге, как его тут же с позором спровадили бы обратно к отцу. Близких друзей, кроме одноклассников, у него не было. Самым верным решением казалось поехать к Игорю — в общежитии всегда найдется свободная койка.

Леван не ошибся. Игорь, зная об итогах драки в госпитале, не стал лезть в душу. Про «Эгоист» Леван благообразно молчал. Соседи по комнате потеснились, выделили место, и ночь прошла на удивление спокойно. Леван даже не обратил внимания на атаки пресловутых медовских клопов.

Утром народ разбрелся по делам. Левану было не по себе: непривычная пустота давила. Сначала в руки попался какой-то потрёпанный роман — полистал и бросил. Потом открыл толстый атлас по анатомии. Не зная, пригодятся ли ему эти знания теперь, он всё же погрузился в знакомые схемы и латинские термины, пытаясь зацепиться за остатки прежней жизни.

Вечером ребята скромно поужинали и угостили Левана. Только сейчас до юноши начал доходить истинный статус его положения: по его меркам парни жили на полуголодном пайке, а он еще и «расселся у них на шее». Выхода из тупика пока не просматривалось.

— Игорь, мне надо найти работу, — глухо произнес Леван. — Тогда всё станет проще.

Друг лишь пожал плечами:

— А что ты умеешь делать?

В комнате повисла тяжелая пауза. «Уеду домой, в Грузию», — мелькнуло в голове. Но следом пришла отрезвляющая реальность: «А деньги на билет где возьмешь?»

— С какого рожна ты сцепился с Вадимом?

Так Леван наконец-то узнал имя своего заклятого врага. Кроме того, Игорь выяснил: в госпитале лежит старший брат Вадима — Андрей, раненный на только что закончившейся чеченской.

— У этого нефора — брат военный? Как это получилось? — не понял расклад Леван.

Игорь пожал плечом: что здесь такого? Была война.

— Я хотел в санитары на скорую, а теперь войду в медицину катастроф, то есть, я пойду санитаром в Суворовский госпиталь, — подвел итог разговора Игорь.

— Тебя возьмут?

— Почему не взять? У них не хватает сильных мужских рук. Очень много наших попало под удар у этих свихнувшихся акбаров, — на минуту Игорь осекся, пристально посмотрев в глаза Левана, потом как бы припомнив что-то, улыбнулся — Леван был свой, он был христианин.

«Перуанский» бальзам

Поделиться Игорь, кроме прочего, что теперь «товарищи легко и тяжело раненные» обращаются к нему как ко всем своим — брат. Кругозор парня в стенах военного госпиталя явно расширился:

— Распинаются за Гагарина — космос освоили! Ядерной бомбой чуть что жахнут! А бинты с ран у парней отмачивают как в Отечественную — хлоргексидином. Я тут узнал — по гуманитарке немцы поставляют нам мазевые повязки для ухода за ранами. Если правильно помню: перуанский бальзам. Видно, еще у инков научились. Можно три дня держать — и нигде не прилипнет! Ты догоняешь?

Леван пока понимал протест друга не очень. А Игорь признался, что обменял блок своего любимого баснословно дорого *More* на упаковку таких повязок.

Левана подмывало спросить:

— Где ты их раздобыл? — и поймал себя на мысли: вполне можно допустить, что там же в госпитале — гуманитарку из больниц не секрет переправляли на чёрный рынок.

— Был «Морэ» и весь вышел, — подмигнул Игорь, — поскольку врачу курить вообще не полагается.

Глава 4. Каскад

*«Двух миров я граница,
я — веков безответных примета...
Отчего так страдаешь ты, сердце?
Солнце мёртвых я, солнце лишившихся света...»
Анна Каландадзе*

Похоть от слова «охота»

У Реваза выдался не лучший день. Да, он давно осознал, что смена черной и белой полосы в жизни — разумные испытания, посылаемые мужчине для проверки его на жизнеспособность. Когда-то испытывали мальчишки на улице. Испытывал брат, склоняя к идее монархической Грузии. Испытывал отец, предлагая оставить страну, явно погружающуюся в военные междоусобицы по выдворению из страны чужаков — русских военных, чей выбор в своих предпочтениях неизбежно склонится к поддержке абхазской стороны. И хотя русский Пуго уже показал в нескольких операциях, что русские не станут мешать грузинской стороне не дать расколоть государство, однако достаточной уверенности не было ни у кого, потому что противостояние с осетинами и абхазами и было продиктовано желанием провинций Грузии уйти под руку русских. Когда Реваз послушался отца — совсем черную зону удалось проскочить как в армии полосу препятствий, он же был отличником боевой подготовки, поскольку рос как и все мальчишки на вольном горном просторе. Трудности подобного рода лишь закаляют характер.

Сегодняшние проблемы выглядели каким-то безумным калейдоскопом, в котором сложно определить верную позицию. О, женщины! Всегда зло, приходящее с их стороны — самое коварное и искустельное. Змей ещё в раю подсунил им умение обманом и хитростью ломать любой человеческий план порядка и стабильности в угоду сиюминутной прихоти или похоти. Вот. Точно. Наконец-то, Реваз смог признать себе, что его неожиданно переставший понимать отца, как авторитет, сын обольщён именно похотью. Леван как-то скоропостижно вышел из подростка в роль мужчины с его желаниями и искушениями, он, как беспечный отец, упустил в чехарде рутины этот момент, не дал сыну защитный барьер, и теперь, как говорят у русских, «ваши не пляшут». Да. Ваши, их довольно вольно относящиеся к нравственным законам девушки, танцуют у шестов и сверкают исколотыми ушами и пупками. Разве допускал Реваз, что мальчик как муха на мёд полетит, еще не оперившись, в сети шушарских бабочек?

И когда Реваз попытался раскрыть глаза на правду себе и сыну, то получил от жизни жестокий удар. Только дети умеют так оглушить своих родителей — не просто непочтением или непослушанием, а фортеlem: «или ты признаешь мое право на любовь к Полине, или я ухожу из дома». Какое право? Какая любовь? Этот гормональный всплеск к голому женскому телу его сын принял за любовь? Да она милая девушка, возможно, мода диктует привлекать мужчин открытыми ногами и руками. Но почему красота должна ходить по городу голая? Этот обнаженный пупок — настолько глуп его сын, что не чувствует разницу между смелостью и распушенностью?

Итак. Первый удар — Леван, хлопнувший дверью в коммунальной квартире, что тут же привлекло внимание соседей к скандалу между абреками.

— Не хватало еще поножовщину устроить. У них же у каждого кинжал в кармане, — немедленно прокомментировал кто-то бурный разговор за стеной комнаты грузин.

Миром правит голод

Одного подобного события было достаточно — выбить из колеи. Но тут вмешалась Ия. Разумеется, Реваз моментально вошел в её положение: сын был центром вселенной, смыслом всего существования. Однако Ия неожиданно, как бы включившаяся во всеобщее неповиновение правилам дома, заявила, что Реваз немедленно обязан бежать за сыном и вернуть мальчика домой. Там, куда ушел без разрешения ребенок, царила жестокость и жесткость в отношении чурок, там с Леваном могло произойти бог знает что, по сравнению здоровьем и благополучием сына уязвленные принципы Реваза становились для Ии пустым звуком.

— Захочет кушать — вернется! Миром правит голод! — вспыхнул Реваз.

— Голод? — Ия ошарашенно озиралась. В их доме никогда не знали голода. Вначале, еще в советский период, голода не существовало в принципе. Семьи и Реваза, и Ии — обеспеченные уважаемые рода.

Когда в Грузии начался голод, война и настоящий голод, Реваз уже перевез семью в Ленинград. В этом городе рассказывали про голод, но очень давно. Во время блокады, когда ни Реваз, ни Ия еще даже не родились. Городом хотели управлять через голод?

— Ты что враг своему сыну? Ты хочешь им управлять как враги этим городом в блокаду? Столь ужасного обвинения Реваз бы и представить бы себе не сумел.

— Думай, что ты говоришь, женщина! — это был крик отчаяния.

Реваз редко повышавший в доме голос, хотел остановить жену. Однако безумная опустилась на колени, как это всегда делают их женщины, когда все аргументы ими исчерпаны:

— Верни мне моего сына, Резо! Богом заклинаю! Я терпела всё твое безразличие, твоих посторонних женщин, твои колкости — только ради нашего мальчика. Потому что ему без тебя здесь не выжить. И дома война — нам нет дороги домой. Верни мне его, Реваз!

Миром правит голод и любовь. Где же Реваз слышал эту фразу? Он стоял на коленях своей секретной комнате в ресторане грузинской кухни, той кухни, что давно умерла в самой Грузии — и пытался найти точку поры. Наугад раскрыв Новый Завет прочитал знакомую притчу про блудного сына. Любовь! Любовь и голод правит миром — возможно, так Реваз решил сам. Как бы то не было — стоило поверить писанию предков. Любовь победит, и Леван придет к отцу и склонив голову признает правоту Реваза. И тогда Реваз накроет богатый стол — настоящий грузинский стол, и все обретут умиротворение и покой.

Если ты не служил в армии — ты не мужчина

Ободренный Реваз притворил дверь секретной комнаты, бросив прощальный взгляд на красные кресты грузинского флага на стене, и отправился заниматься привычными делами. Черная полоса была преодолена отличником боевой и политической подготовки — и это было не шуткой. Отец Шалва получил несколько благодарностей от командования Советской Армии, на каждого их своих сыновей. Отец верил, что его дети где-то там, далеко от родины, не посрамили Грузию. Сегодня Реваз тоже далеко от Родины. Почему он вспомнил за боевую и политическую. Если бы Реваз мог мысленно в эту минуту перенестись в любимый Тбилиси, и услышать, что воюющие грузины, обстреливающие улицы родного города из артиллерийских орудий по отработанной за годы службы вводной среди чистого грузинского, отдают привычные русские команды с грузинским акцентом:

— Заряжай. Огонь!

Реваз бы почувствовал, что полоса препятствий еще только разворачивается перед ним своими непреодоленными пока каскадами.

Грузинки с золотыми глазами

Вечером, перед закрытием ресторана, последнюю каплю в чашу неопределённости сегодняшних событий добавила администратор Ирма. Ирма затмевала своей красотой глаза любого мужчины рядом. В сорок лет природная сила горских женщин, если им позволено мужем и обстоятельствами не померкнуть от заботы о хлебе насущном, является в полном своём расцвете. Реваз давно приметил присущую только этой женщине особенность: темно-карие глаза в минуту гнева или какой-то сильной радости меняли свой цвет на золотистый — такой взгляд присущ только благородным кошкам, обладающим ночным видением.

— Грдзнэба¹⁴, — таким словом определяла бабушка Нуца дар присущий в её домашней версии исключительно грузинкам.

— Ступа с бабою-ягой, — подначивал бабушку брат Темури, наконец-то после хорошей трепки, выучивший непонятный стих по русскому языку.

— Какая ступа? Чапи что ли? (чапи был редкостью, которую бабушка хранила как память о своей маме, и использовала только для перетирания чеснока — чеснок в поверьях бабушки отгонял от дома злых духов, возможно, любовь к хорошей грузинской кухне, проявившаяся в Ревазе — это проявление его безмерной любви к бабушке Нуце).

— Нет, не чапи. Ступа — это для нечистой силы! Чтобы летать к людям!

Удивлению далекой от русской классики бабушки не было предела. Как можно заставлять ребенка учить стихи про полеты нечистой силы? Да еще в ступке для перетирания чеснока. Хорошо бы баба-яга летала на волке или диком кабане. Куда ни шло. На то они и оборотни. Но как может летать деревянный чапи? Бабушка сменила гнев на милость и попросила Шалву больше не наказывать мальчиков за непонимание русских сказок. Потому что так не бывает — зачем детей учить глупостям?

Вот из бабушкиных поверий и явилась к Ревазу колдовская сила грдзнеули Ирмы. Грдзнеули — женщины способные словно по волшебству менять свой облик и на лету управлять погодой. Управлять сложной кухней грузинского ресторана в северном русском городе для волшебниц — пара пустяков.

¹⁴ * Прим. автора. В классическом и старом грузинском языке это слово означает «волхование», «колдовство» или «чародейство». От этого корня происходит слово грдзнэули — волшебник или маг.

Меургело

*Меургело*¹⁵

Ирма справлялась со своими обязанностями лучше не могло бы и быть. Ревазу всегда казалось, что это дух Нуцы привел Ирму в его бизнес, как модно говорить у русских. Однако именно этот дух и создал Ревазу сложности, когда Ирма в открытую стала проявлять свою женскую симпатию хозяину ресторана. Отказ от близости на основании того, что Реваз не хочет иметь дела с грузинскими женщинами, казался Ирме обманом:

— Неужели у тебя дома не было грузинок, помимо жены?

— Были. — от пристального колдовского взгляда влюбленной женщины не хотелось прятаться за явной неправдой. — Но это было дома! Ты можешь понять разницу? Ты — не вдова. Ты замужняя женщина. Я не смогу смотреть в глаза нашим мужчинам.

Сложность положения обуславливало то, что Мераб, муж Ирмы, преданный сторонник первого президента Гамсахурдия, сегодня воевал уже не в Грузии, а, по непроверенным сведениям, в Чечне. Он был одним из тех сторонников Звиада, которые ушли вместе с телом мертвого Гамсахурдия в Чечню. Мули Мзия, младшая сестра Мераба, воевавшая за целостность Грузии с сепаратистами в Абхазии, невзлюбила Ирму, когда та решила перебраться в Россию.

— Ты не грузика! Ты никто! Увозишь детей Мераба на чужую родину. Это всё твой отец — интернационалист, это он научил тебя оставить моих племянников без своей родины.

— Нельзя быть такой жестокой, Мзия. Ты хочешь, чтобы они тут погибли в пустой войне нашего народа. Зачем была война в Абхазии? Потому что вы хотели, чтобы все были грузинами. А абхазы не хотели быть грузинами. Они хотели быть абхазами. Батоно Валико тоже перевёз семью в Сухум — на другую родину. И вы с братом воевали за чужую родину.

— Какая же ты глупая! Мы воевали, чтобы везде была наша родина Грузия! Сухум — это же Грузия. Мало ли как оно было раньше, когда дедушка поселился в Сухум — это была Грузия. Не было такой страны Абхазия. Ты можешь это понимать? Я уважаю русских — но у русских есть своя земля. А здесь будет только Грузия! Больше никаких колоний России.

— Только для грузин?

— Да. Только для грузин. Русские пусть приезжают. Но в гости. И Абхазию нашу мы им не отдадим -потому что это наш с Мерабом город — я там выросла, там могилы дедушки и бабушки. А ты увозишь детей на чужую им родину. Пользуясь, что Мераб далеко.

Однако Ирма все же уехала с отцом и детьми в Питер.

Первое, что заявила эта удивительная женщина, когда вошла в кабинет Реваза:

— Мой отец тоже интернационалист.

¹⁵ * Прим. автора. Хозяйка дома (груз.): "-ург" — делатель.

Мы — дети интернационалистов

У Ирмы в венах текла не только грузинская, но и греческая, и русская кровь. Получалось: Мзия по-своему была права. Какая из полукровки грузинка с таким отцом.

В момент первой встречи ни Ирма, ни Реваз еще не знали, какая неразделенная любовь будет помехой в их теперь общем деле. Обделенность Ирмы мужским вниманием Реваз насколько мог переводил в жесткие рамки профессиональных обязанностей, с которыми женщина справлялась как истинная грузинская диасахлиси¹⁶. Ей как старшей хозяйке можно было доверить всё: от ключей до наведения порядка в коллективе.

И именно дочь интернационалиста (почти ругательство для Грузии, обуреваемой национализмом) Ирма не очень хотела брать на работу не своих.

Как бы не замечая мрачного настроения Реваза, целый день срывавшегося на подчиненных то на кухне, то в зале, Ирма выглядела как воин перед атакой:

— Резо, ты меня не послушался, — разговор начался с укола по самолюбию хозяина, проигнорировавшего мнение умной женщины.

— И что теперь? — уточнил не расположенный к долгой беседе Реваз.

— А теперь у тебя большие проблемы.

Реваз решил, что до Ирмы как-то дошли слухи о проблемах с Леваном, отчисленным из университета за дебош в салоне красоты и драку в госпитале.

— Мои семейные проблемы тебя не касаются, женщина, — отрезал окончательно разозлившийся на не заканчивающийся каскад осложнений Реваз.

— С каких пор Галина входит в круг твоих семейных проблем? — в голосе его администратора сквозило неподдельное непонимание. — Я что-то упустила?

Ия и Галина никогда не пересекались, и не могли пересечься. Ия редко бывала у мужа на работе и почти ничего не знала о его проблемах и бизнесе. Хорошей грузинской жене отводилась роль хранительницы очага и воспитательницы сына. Галина — молоденькая приятная во всех отношениях украинка, была принята на работу лично Ревазом, минуя мнение Ирмы, предпочитавшей персонал из тех людей, что воспитаны в одном духе, на одинаковых понятиях и ценностях.

— При чем здесь Галина? — о эта извечная женская ревность — и в лучшие времена мужчине тяжело справиться с женскими прихотями и эмоциями.

— Ты, конечно, не в курс, Реваз, — глаза горянки сверкали магическим огнём, очевидно, что женщина сдерживалась из последних сил. И только справившись со своим волнением, Ирма смогла произнести. — Галина беременна от тебя.

¹⁶ * Прим. автора. Старшая женщина в доме (груз.): "сахли-" — дом (сакля).

Лестница на полосе препятствий

Реваз почувствовал, что лестница с сломанными ступеньками, на полосе препятствий называемая «каскад», уходит из-под ног — он больше не видел ни одной перекладины.

Галина понравилась Ревазу с первой минуты, когда кто-то привел девушку в обход Ирмы наниматься посудомойкой. Он не помнил кто это был, да и не важно. Перед ним стояла невысокого роста точеная славянка с тяжелой бархатной косой на груди. Девушке было что-то лет двадцать пять, она уже поработала у себя на Украине официанткой в кафе. Умела стоять по струнке — смирно, соблюдая иерархию обслуживающий персонал — посетители или хозяин. И все вместе сложилось не просто в согласие взять Галину с улицы в «дом грузинской кухни», но и в желание приблизить её к себе как женщину. Все равно недалек день, когда бы Галина пошла по рукам местных бригад.

И Реваз, чувствуя себя благодетелем, спасал Галину. Он дал той работу, снял за свой счет комнату в коммуналке. Близость, как благодарность за блага понималась Галиной вполне себе разумеющейся. Надо отдать должное за полгода с момента знакомства Галина ни разу не дала повод усомниться в её порядочности, что для Реваза в этом городе-притоне греха было как раз сверхважным.

Погрузившись в принятие ситуации, Реваз не вслушивался в речь Ирмы. А та настаивала на непростительной мужской безалаберности в выборе сказать бы наложницы для патриарха. Слово секс еще не вошло в моду в словарном запасе грузинского языка.

— Никогда ни одна грузинка не поставила бы своего мужчину в подобное глупое положение, — закончила Ирма.

«Ни одна — это она про себя», — вник в женские обвинения Реваз. Мужчина при всех своих интересах на стороне, ни до женитьбы, ни после ни разу не оказывался перед столь реальным фактом, как беременность женщины. Как решался вопрос ему и в голову не приходило уточнить. Может быть раньше, дома, семьи его женщин как-то выходили из положения — если такие уже было. Язык женщин Грузии — это очень скрытный язык. Возможно, имейся у него сестра, он знал бы что-то поболее, но у него был только брат — и Ревазу было невдомёк тайное женское языковедение. Как бы то ни было раньше — проблема явилась сегодня во всей красе, сверкая золотом глаз Ирмы.

— Хорошо, — устало махнул рукой Реваз, — можешь идти.

— Это все? — не поверила, воздев свой орлиный профиль, как бы призывая небо в свидетели, Ирма, убежденная, что без неё Ревазу не решить внезапную проблему. Лишь она одна понимает менталитет грузинских мужчин в создавшейся ситуации.

Реваз между тем ни слова ей не ответил. Однако красноречивый взгляд, скрестившись с глазами Ирмы, считывался лучше любых слов.

Неразумные девы

В притихшем ресторане только персонал закачивал поздний ужин, когда Реваз второй раз за сегодня попытался заручиться поддержкой Слова Божьего. Мужчина не был уверен, что таким простым образом он все правильно поймет в Воле свыше, однако это было лучше, чем ничего.

Перед отъездом в Ленинград дядя Корнели убедил Реваза получить благословение в Атени Сиони, для чего им пришлось ехать в Гори. В это время архитектурный музей уже передал под богослужения, и строгий старый монах предложил Ревазу купить на дорогу красиво изданный Новый Завет и еще советский буклет, где были собраны наставления грузинских царей и мастеров, выгравированные ими на стенах монастыря.

— Одна и та же уже знакомая надпись или притча в разные минуты жизни отрывается человеку с новой стороны.

Утренняя притча про возвращение блудного сына, точнее соблазненного блудницей, убедила Реваза в верности его решения не поддаваться на безрассудное поведение Левана. Теперь же как бы невзначай на глаза попала притча о разумных и неразумных девах. Галина в этом варианте развития событий получала статус неразумной девы. Поскольку тоже была христианкой, носила серебряный крестик, то спрос с неё был соответствующий. Когда Бог хочет наказать — лишает разума. Трудный день наконец-то завершился, хотя, по сути, он завершился еще час назад. На часах было ближе к часу ночи.

Когда Реваз вернулся домой его умиротворенность как рукой сняло. Первое что спросила заплаканная Ия:

— Ты нашел его?

Диван сына был пуст, хотя и заправлен для сна.

Их коммуналка состояла из двух комнат — побольше, проходная, использовалась как гостиная-столовая и как комната Левана. Меньшая была родительской.

Ия встретила его у порога, вероятно, наблюдала из окна: когда появится во дворе машина мужа.

— Он придет сам. Не нужно за ним бегать, — Реваз еще не потерял уверенности в своей правоте и Божественном провидении.

— Ты не искал Левана? Где же ты был полночи? — Ия уже не падала на колени, она становилась какой-то совсем чужой и странной.

— Почему его нужно искать? Он взрослый — раз решил спорить с отцом. Взрослый мужчина должен уметь отвечать за свои поступки.

Ия тяжело опустилась на стул у обеденного стола, её лицо стало каким-то распухшим, разочарованным, словно слезы слизали последнее женское обаяние. Или может быть Реваз давно не всматривался в лицо самой близкой его женщины?

За сегодняшний день он почти не вспоминал об Ие. Он гневался на сына, занимался делами, потому что ресторан не то место, где можно что-то пустить на самотёк, он возмущался Ирмой, неправильно, чисто по-женски, сообщившей о проблемах с Галиной, он искал точку опоры в созданной глупой девчонкой ситуации. Он искал Божественный промысел, когда молился. И ни разу не представил себе, каково сейчас его жене.

Ия сидела отрешённая, молчаливая, как будто неживая. И Реваз, убежденный в своей правде, тщетно пытался найти слова, позволившие бы предать женщине его убежденность. Он не сумел бы правильно перевести библейскую притчу о блудном сыне на житейский язык. Наверное оттого, что в той притче вообще не упоминалось о матери тех двух сыновей. Когда один ушел — второй остался дома. Может быть, это и было утешением для матери, отчего жено ни разу не упомянула в притче.

— В чем я неправ? Ты думаешь, что эта его любовь — калишвили?

— Резо! О чем ты говоришь? Какая разница девственница она или нет? Он же не жениться на ней собирается. Твой сын сейчас где-то ночью, один, в чужом городе! А ты совершенно спокоен? Тебя мучает лишь вопрос её чистоты?

— Это не просто вопрос! Это большая ошибка, которую может совершить мой сын.

— Его ошибка? А кто привез мальчика в чужой город? Здесь другие обычаи, Реваз. Ты же не слепой. Здесь не обязаны девушки выходить замуж девственницами. И потом — Леван не собирался на ней жениться.

— Он не собирался? Его уже отчислили из университета! Он уже подрался с какими-то местными националистами. Он устроил дебош в салоне этой девушки. Я выручал его милиции. Его отчислили из универа — и никто не стал меня слушать, когда я предложил деньги, чтобы этого не случилось. Что он творит, Ия? И ради кого? Кто она? Что она? Ты же видела её! Я должен был молча наблюдать это всё?

— Я знаю одно! — поднялась Ия, чтобы идти спать, раз уж пока ничего нельзя было поделать. — Кто-то из нас должен вернуть сына домой. Мальчик не выживет в этом городе в одиночку.

Внук корабелов

Утром Ия не посчитала нужным поняться и приготовить мужу завтрак. Реваз, конечно, мог не обратить на это особого внимания — ресторан не то место, куда нужно обязательно уходить хорошо подкрепившись. Поведение жены могло вызвать лишь досаду, потому что именно с утра Реваз принял решение заехать в Галине, поставить все точки над и, как говорят у русских.

Реваз сторонился общей кухни, не взирая, что все пять хозяек коммуналки поддерживали кухню в приличном виде. Столовой отводилось место в большой комнате. Однако сегодня Реваз заварил себе кофе и приготовил бутерброды с сыром, и остался завтракать в кухне. Еще было довольно рано — день был субботним, так что ему пока никто не мешал, кроме появившегося по делам Серго, мальчишки-соседа лет одиннадцати. Голодные глаза Серго, называемого так только Ревазом и Леваном, выдали мальчика с головой.

— Бери чашку — будем завтракать, — пригласил Реваз.

Сергей с мамой Леной, тридцатипятилетней усталой, но яркой рыжеволосой девицей, явно красившейся не в дорогих салонах, поселились в квартире года полтора назад. Мальчик, старавшийся заработать на карманные расходы, зачастую мыл по собственной инициативе машину Реваза — так они сошлись поближе.

До переселения в коммуналку у родителей Серго была отдельная квартира. Но что-то там случилось и когда отца посадили, то квартиру пришлось вернуть бывшему владельцу. Бригада отжала её в свое время за долги у какого-то торгаша. Чтобы семья сына не оказалась на улице родители, бабушка и дед Серго, разменяли свою квартиру на две коммуналки. У Лены была еще младшая дочь, но девочку пришлось отвезти куда-то под Вологду к Лениной маме. А Серго учился в школе и помогал маме на рынке.

— Ты опять идешь капать траншеей?

Несколько раз Серго рассказывал, что мальчишек покрепче какой-то торгош нанял копать фундамент под его строящийся где-то на Ржевке магазинчик. Реваз тогда все не понимал: почему стройка ведется кустарным методом.

— Экономит. Но копать тяжело, — соглашался на замечание дяди Реваза Сергей — это же не детский труд.

Родители Серго закончили легендарную «тридцатку» и должны были строить корабли, как дед Андрей, отец Серёжиного отца. Но тут грянул развал заводов, и мама оказалась на рынке, а отец в том самом рэкрете, за который его и посадили. Серега считал, что это еще хорошо. Одного из их бригады расстреляли вместе с сыном, Серегиним ровесником.

Реваз не чувствовал сочувствия Лене и её семье, потому что сам столкнулся с беспределщиками подобного пошиба. Когда его бизнес пробывали обложить данью. Грузинские авторитеты вписались за Реваза, и теперь платить приходилось своим. Благо бывшее кафе, а теперь ресторан грузинской кухни, не имели того масштаба, чтобы на него позарился кто-то из грузинских авторитетов. На сегодня в этом крылось препятствие к расширению бизнеса — кто мог знать, когда авторитеты захотят легализовать свои капиталы, через такие вот ресторанчики?

— Вырастешь — пойдешь сам строить корабли, раз это наследственное дело в вашей семье, — соглашался Реваз, когда Серго рассказывал про любовь покойного деда к кораблям.

— На это не проживёшь, — вздыхал Серега, — а мне надо собрать на квартиру, чтобы мы забрали назад Наташку. Она тоже хочет жить с мамой.

Посторонние мужчины, крутившиеся вокруг взбалмошной Лены, не вызывали уверенности, что мальчик когда-то осуществит задуманное. Для подобного накопления капитала женщина должна была вести совсем иной образ жизни.

— Отец вернётся — и мы вместе, — рассчитывал Сергей. По секрету Реваз узнал, что семье помогают из общака братки.

— И маме твоего отца тоже? — солидарность русского криминала показалась неожиданной.

— Нет. Только жене, мам они не помогают.

Да. Это другие обычаи. Тут все другое. И Реваз не поехал с утра к Галине. Он перенёс встречу на поздний вечер.

Правду ли сказал Бог?

— Это правда? То, о чем уже говорит Ирма?

Галина всегда терялась, когда Реваз проявлял в чем-то мужскую настойчивость.

— Правда, — девушка не нашла, что добавить.

Разговор происходил в её небольшой коммунальной комнатке. Ревазу и в голову бы не прожгло пригласить Галину куда-то для общения. Он всегда приходил к ней в удобное ему время, приносил что-то из продуктов: не вино, не сладкое или что-то подобное. Он приносил обычные продукты — не деньгами же рассчитываться, как с проституткой. У Галины и так была очень хорошая для посудомойки зарплата, где-то на треть выше принятой. У неё была бесплатная комната. У неё теперь был еще и лишний в этом мире ребенок.

Родится какой мальчик. И назовет она его Сергеем. Серго звали школьного приятеля Реваза, оттого он и переименовал имя соседа в Серго, что мальчику пришлось по душе. И будет этот Сергей жить в этой комнате с мамой, к которой ходят какие-то качаги, пока им не дадут десять лет или не пристрелят вместе с непутевой мамашкой.

— Этого не может случиться. Это грех.

— Кто так решил? — Галина как-то слишком спокойно задала странный вопрос.

— Так решил Бог.

Реваз понял, что именно его, человеческая прихоть любоддеяния и появление незаконного ребёнка, вызвали нарушение Божественного Закона, и это создало не зависимо от участников неконтролируемую цепную реакцию хаоса, затянувшую в своё жерло законного сына Левана, потому просто следовало восстановить закон и порядок вещей (в эту минут на память Реваза пришла ночная страница из книги: фреска царя Давида со стены в Атели Сиони: «кто бы это не читал — помолитесь за меня»).

Реваз не озвучил подробностей, что имелось ввиду и без дополнительного уточнения было очевидно.

Галина не впала в истерику, чего слегка опасался Реваз, не знающий как обычно женщины реагируют в таком положении. Не стала перечить. Не приняла вид обиженки.

Она неожиданно задала странный вопрос:

— А если бы не было жены — вы бы взяли меня в жены?

Выканье Галины было не совсем продиктовано иерархией. Хотя на работе Галина, как и все, обращалась к хозяину ресторана: Реваз Шалвович.

В той местности, откуда была родом украинка, оказывается, по традиции к старшим, даже к родителям, обращались на вы.

Неуместное слово, произнесенное Галиной — жена, как-то переименовало ситуацию. Разумеется, Реваз знал женскую уловку — разбить старую семью и выйти замуж за обеспеченного человека. У русских так поступали часто. Но он не помнил случая, чтобы русские были так наивны и пытались через беременность разрушить грузинскую семью. Она хотела стать его женой просто так. Не вдаваясь в реалии мира. Просто его женой.

А жена — пусть и в словах бестолковой девчонки — это уже совсем не то же самое, что «иди и не греши».

На этой минуте не чувствующий себя ничем Галине обязанным, Реваз понял, что его притча про разумных и неразумных дев — это не про беременность. И тогда он пообещал заплатить очень хорошую сумму за частную клинику. Он не откупался. Это было бы глупо. Реваз хотел оказать Галине помощь: лучше и с меньшими потерями для здоровья выпутаться из ошибки. Ясно же, что сама девушка не найдет достойных денег на достойную клинику.

Единственное, что услышал в ответ Реваз:

— Хорошо.

Уходя от Галины, которая пообещала уволиться, чтобы слухи не расползлись по коллективу, Реваз считал себя правым — он и без посторонней женской помощи Ирмы нашел достойный выход из ситуации.

Глава 5. Чужие тут не ходят

*«Остання в світі казка сидить під образами.
Навишпінки виглядають жоржини через тин...»¹⁷¹⁸
Ліна Костенко*

Так само случилось вдруг

Дивными распевными и высокими голосами две девчонки подпевали двухкассетнику «Галактика»:

— Ах, какая женщина, какая женщина... — пели девчонки. — Мне б такую.

У украинок, пожалуй, самые мелодичные голоса на всём пространстве бывшего Союза — неоспоримый факт. Может быть, ещё и поэтому соседи не стучали в батареи или в дверь: похоже, им тоже пришлось по душе это довольно громкое исполнение.

— И что ты решила? — «Фристайл», взяв последний аккорд, погрузил комнату в тишину.

— Что мне решать? — пребывая в волнах кем-то обещанной, но пока не случившейся романтической встречи, пожалла тонким плечиком Галина. — Он уже все решил за нас.

Юлька добавила чуток «Южнобережного Токая» в бокал Галине и побольше — себе. Галина к вину не прикасалась, потому что её уже мутил обычный в необычном положении токсикоз.

— Будем живы, сестрица!

— Будем! — Галина радовалась приходу подружки.

Ей совершенно не с кем было перемолвиться парой слов по душам. Уже месяц как она уволилась с работы. Деньги пока имелись — Реваз дал ей хорошие «отступные» помимо суммы на аборт, и комната в коммуналке им оплачена вперед, до Нового года. Не на что жаловаться, и главное — некому.

Сегодня был прекрасный вечер: наконец-то Юлькин гражданский муж двинулся в Европу за тачкой. Вовчик перегонял «бэхи» и «мерсы» на заказ. Юлька работала официанткой на пароме, мотавшемся между Питером и финнами. Она окончила еще до развала страны училище в Николаеве и успела сходить в одну «загранку». В конце восьмидесятых в Николаевскую мореходку, их, наивных дурёх со всего Союза, ловили на «морскую романтику» как рыбу на блесну. Обещали красивую жизнь и белые теплоходы, а на деле — заперли в вечернем училище при обувной фабрике.

Это был честный украинско-советский развод: днём ты за копейки гонишь план на конвейере, а вечером, полуобморочная, слушаешь про обслуживание кают. Тех, кто не справлялся с нормой или ерепенился, быстро спускали с небес в «чёрный цех» — клеить подошвы и каблуки. В довольно ядовитой вони, от которой слезились глаза и дурела голова, быстро объясняли: сама виновата, не тянешь — травись химией.

Именно там, в удушливых парах клея, Юльку закалило посильнее, чем в любой одиннадцатибалльный шторм: через пот и вредное производство, система отбраковывала будущих стюардесс, приучая их к тому, что за право увидеть Марсель нужно заплатить своим здоровьем.

— Мы с тобой, Галчонок, Золушки без фей в крестных, — Юлька прошла в торец комнаты-пенала и посмотрела в окно: горизонт не украшал какой величественный питерский дворец — серела громада обычного городского колодца. — И кареты наши в гарбуза нам никто

¹⁷ Последняя сказка мира прячется под образами: На цыпочках георгины глядят из-за оград (укр.)

¹⁸ Последняя сказка мира прячется под образами: На цыпочках георгины глядят из-за оград (укр.)

не превращал. Мы сами в эти тыквы вгрызались, чтоб хоть как-то выжить. Сами себе и феи, и кони...

Немного подрасстроенная накотившими воспоминаниями Галина не ответила. Она тихо, почти прозрачно, запела, глядя в серое небо так много ей обещавшей столицы:

— Дивлюсь я на небо та й думку гадаю. Чому я не сокіл, чому не літаю? Чому мені Боже ти крилець не дав? Я б землю покинув і в небо злітав...

Сами себе волшебницы: Средиземноморье тоже так и не исполнило мечту Бегущих по волнам и растаяло за Босфором с крушением гражданского флота на Черном море. Отчего дипломированные официантки небольшим коллективом, сговорившись, рванули на Балтику, где курсировал разрекламированный паром «Анна Каренина».

— «Каренина» эта закончила так же плохо, как и героиня у Тургенева, — сегодня Юлька из-за каких-то наездов между собственниками вновь оказалась без работы. — Надо было догадаться еще в Одессе и рвануть к румынам.

— Во-первых, не у Тургенева, а у Толстого, — не взирая на отмашку Юльки: какая разница, поправила всё же с улыбкой подругу Галина, — и, во-вторых, обслуживала бы надоедливых толстяков, пока бы тебя не скормили рыбам у Констанцы.

— Почему это? — удивилась захмелевшая от крымского «Токая» Юлька.

— Потому что надоела бы — и чтобы не тратиться на зарплату: чик-чик и за борт.

Юлька еще раз перемотала кассету и ошеломительным голосом подпела: «Вся в луче ночного света...»

Галине становилось отчего-то легче на сердце: Юлька своими подтруниванием делала её стремную ситуацию вполне себе заурядной — с кем из девчонок не бывало? До ресторана грузинской кухни в Питере у Реваза Галя тоже училась «не отходя от производства» — в сети придорожного сервиса украинского коммерсанта-спиртопроизводителя Степана Глуся. Именно оттуда в ней отработана вышколенность английской прислуги высшей пробы, которая, как предполагала девушка, и помогла быстро найти отличное место в Питере.

— Глусь тоже отличился: назвал сеть «Hedgehog»¹⁹. «Ёжик в тумане» ... вот и искололся, и постигла его участь мужа Анны Карениной, — молодо-зелено: им было смешно, невзирая на сложность выживания в бесчеловечной системе нового мира.

¹⁹ * Прим. автора. «ёж» (англ.). Языковая игра («ёж» ↔ «ёжа»). Степен Глусь — руководитель Немировского спиртзавода.

Выпускница школы народных танцев при доме офицеров

На этой веселой ноте девочки перешли к танцам. Когда Галина кружилась, показывая настоящие *на* своей художественной школы народных танцев, в такт движениям за плечами прыгала змеей толстая темно-русая коса, сразившая своим щелоковым бархатистым блеском с первого же взгляда горячего горца. Сегодня «красавец-мужчина» поставил девушке условие: уничтожить их общего ребенка. И даже выделил четыреста пятьдесят долларов.

— В знак уважения, — кивнула Юля. — Все же хорошо, что ты связалась с грузином. На его месте кто-то из русских просто послал бы тебя куда подальше: выкручивайся сама.

Гале было все равно: от перемены мест слагаемых сумма не менялась. Был бы питерский интеллигент — нищевод, лишившийся смысла жизни без привычного антуража каких-то искусственных «женщин с веслом» (тоже мне, работы мирового значения!). Или того лучше — местные боевики. Хазы да малины. Все то же, что и дома, только хлещут более паршивый самогон. В общем выходило, что конец всех этих историй практически как под одну гребёнку.

Юлька тряхнула своим отлично уложенным каре — локоны послушно легли на плечи — и провела указательным пальцем по плечу Галины, имитируя погон.

— Я и на этих, пока устроилась, насмотрелась, — её голос звучал уверенно, почти вызывающе.

— Не фонтан... — уловила Галчонок.

— И даже не Мойка, — хохотнула подруга, прильнув щекой к тёплой шее Гали. — Ишь, вся взмокрела от своих кос.

Юля давно подбивала Галину отрезать старомодную косу до попы и сменить гардероб на более городской — чтобы не выделяться «сельской» внешностью. В Питере таких кос никто не носил отродясь.

Галя сидела у окна и машинально перекинула косу через плечо на другую сторону. Пальцы нервно перебирали выбившиеся пряди.

— Потому что у них климат паршивый, — упрямо стояла на своём девушка. — Вот у местных и осталось три волосинки в два ряда. Какие уж тут косы, Юль, до пят!

Вволю натанцевавшись, девчонки упали на диван. Юлька растянулась во весь рост, закинув руки за голову, сорвала с головы модную чёрную бандану в белый горох и принялась обмахиваться ею, как веером. Галя села рядом, поджав под себя ноги и обхватив колени.

— У тебя здорово получается, — Юля потянулась к бутылке и налила себе ещё бокал вина. — Ты зажигательно танцуешь, могла бы вести свадьбы или банкеты. Это же отличный заработок! Ты очень искренняя, Галь, твоя энергия бьёт ключом — и всех вокруг заряжает!

Галя пожала плечами. В детстве она постоянно брала призы на конкурсах в Домах офицеров, разбросанных по всей Западной Украине. Но ей никогда и в голову не приходило, что на этом можно зарабатывать — идти, скажем, петь в ресторан или развлекать публику на юбилеях. Вне сцены она совершенно не умела быть лидером и вести людей за собой. Открывать своё дело? Становиться тамадой? Да и кому сейчас нужны эти народные танцы?

— А вот ты не права, — захмелевшая Юлька попыталась закружиться под очередной хриплый шансон из магнитофона, но не удержала равновесия и снова плюхнулась на подушки. — Это называется — возрождение традиций! Так что твои танцы не просто не устарели, они скоро будут на самом пике. Готовься, подруга, не теряй форму! А потом мы могли бы открыть бизнес на двоих. Представь — тандем «Белые Королевы»! Я бы держала салон проката свадебных платьев, а ты вела этим же невестам банкеты. Так что мы точно не пропадём.

Свет факелов над Невой. И тьма не объяла его

— Как ты себя чувствуешь? — посерьёзнев, уточнила Юля. Она повернулась к подруге, опершись на локоть. В её глазах читалась неподдельная забота.

— По-моему, отлично, — Галя вздохнула. — Только боюсь идти на операцию, а срок всё растёт.

— А ты вообще никуда не ходи! И всё тут! — Юлька резко села, её глаза расширились от возмущения.

— Нельзя, — Галя опустила взгляд на свои сцепленные пальцы. — Я же взяла деньги, значит, согласилась. Реваз настоял: это грех, если ребёнок вырастет безотцовщиной. Наверное, он прав.

Юлька едва не подскочила на месте:

— Он накосячил — а ты согласилась?! То есть аборт — не грех? А выжить — грех? Все же они сволочи, независимо от группы крови!

Девочки замолчали. В комнате повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тиканьем настенных часов. Галя смотрела в окно, где первые капли дождя начали стучать по стеклу. Юлька нервно тербила край подушки.

— Па-перше, — собралась с мыслями Юля, слегка понизив голос, — у тебя вполне может наступить бесплодие.

Юля знала тему не понаслышке: два аборта — один ещё в Николаеве, второй в Одессе. Она на мгновение замолчала, вспоминая, потом продолжила:

— С одной стороны, Вовчик убеждал, что в Европе вообще не рожают детей и это нормально. Но всегда ли он будет равняться на Европу?

— Па-друге, — Юля подалась вперёд, её голос стал убедительнее, — кто может знать, что это мальчик? А что, если это дочка? Допустим, Ксюша. Ты вполне способна вырастить девочку без какого-то там залётного отца. Сколько женщин так вырастили себе поддержку и помощь? А ты сидишь тут в четырёх стенах, как замурованная. Чем ты вообще занимаешься?

Галя подняла глаза на стену. Там, над диваном, висела её вышивка: Ростральные колонны, аккуратно выполненные подбором ниток. В соседнем магазине продавалась канва с нанесённым рисунком — теперь работа украшала комнату.

— Вот! — Юлька вскочила на диване и указала на вышивку. — Это же как пить дать — у тебя будет дочь. Она мне ещё вышиванку подарит за всё хорошее.

Её глаза загорелись энтузиазмом. Дома стены всегда украшались вышивками, а что на этой не цветы, так ведь времена изменились.

— И самое важное! — Юлька встала на диване в полный рост, раскинув руки, словно пророк. — То, что его бог сказал ему, это ещё доказать надо! Возможно, наш Бог скажет: «Нельзя идти на аборт». А потом посмотрим, чей бог круче — твоего Реваза или наш, из твоих Сарн!

Галя долго смотрела на подругу — на её пылающее лицо, на решительную позу. Дождь за окном усилился, капли барабанили по стеклу, словно отсчитывая секунды. Наконец она медленно кивнула:

— Ты, Юль, вероятно, права, — тихо согласилась Галя. — Я не пойду на неё, на эту чёртову операцию.

И этот вечер решил судьбу ребёнка. Галя, явно искавшая сторонней поддержки в своём колебании на весах «или — или», наконец её обрела.

Долгие провода — лишние слёзы

Девочки обсудили дальнейшие действия: как и что Галя заберет домой. Пересмотрели гардероб, в котором обнаружилось новенькое, еще с этикеткой, французское платье-комбинация полночно-синего цвета на бретельках-спагетти.

— Ты потратила такие деньжищи? — Юлька покрутила платье и так, и эдак. Оно было ей явно мало. — Тебе дома его некуда носить. Мы его продадим. Зачем ты его вообще покупала?

Юлька обернулась от зеркала в шкафу, поправив рукав блузки. Её взгляд скользнул по комнате и остановился на Галине — та сидела на подлокотнике дивана, сгорбившись, глаза блестели от непролитых слёз, а уголки губ подрагивали. Юлька на мгновение замерла, осознавая глубину переживаний Гали, и тут же её лицо исказилось от возмущения.

— Ты, Галь, полная дурочка! — выпалила она, шагнув к подруге. — Куда?.. Ну куда бы он тебя пригласил, если его тут каждый перец знает?

Через неделю Юлька проводила Галю на киевский поезд.

Реваз, в глазах Юльки был верхом порядочности, не выселив Галю на улицу до разрешения всех дел. По договорённости ключи Галина пообещала Ревазу в любое удобное ей время до истечения срока аренды. И здесь в голове Юли созрел план: «Что добру пропадать?» Она решила подзаработать, сдавая комнату посуточно парам для конспиративных встреч. Свободного времени теперь у безработной официантки было в избытке.

Перед девушками замаячил соблазн: «с паршивой овцы хоть шерсти клок». Конечно, конкуренты-сутенеры могли пронюхать о Юлькиной самодеятельности, но та уповала на связи и удачу.

— Может, ну её, эту кухню и паромы? Подамся в «мамки»? — рассуждала Юлька.

Идея представлялась Галине сомнительной, но лишать принцессу на бобах возможности подзаработать она не решилась. Подружка — девушка боевая, не чета Галке, сама разберётся.

«Любой может сделать²⁰ из тебя верёвки», — с сожалением сказала бабушка. «Ты, моя голубка, не из моего теста.

²⁰ «вить верёвки» (пол.)

Бабушка Ядя

И в самом деле Галинка пошла не в бабушку с её польским норовом, а в дедовскую породу — тех русских железнодорожников, что приехали строить Сарны еще в конце XIX века.

Чуть что шло не по её, бабушка выпрямляла спину и смотрела так, что и без всякого «нет» становилось ясно: этого не будет никогда — она так решила. В этом взгляде свысока читалась порода истинной польки, слишком хорошо знающей себе цену, чтобы опускаться до споров.

— Вот именно из-за таких «неприхильных» дивчин сам царь Александр-освободитель не позволил тянуть дорогу до Белостока! — подначивал жену дед Павел.

Конечно, дед едва ли знал всю подноготную упоминаемых им событий, но история была громкая. Когда империя только вступала в эру железных дорог, полесские магнаты подали Александру II проект: ветка от Белостока через Пинск на Волынь. Царь поначалу сомневался — боялся, что на полесской дрыгве ничего не построишь. Припятская пойма по непроходимости могла поспорить с джунглями Амазонки.

Но за проектом стояли интересы куда более тонкие, чем просто логистика. Орден иезуитов, прикрываясь заботой о нищем крае, пытался создать здесь замкнутую экономическую систему. План был в том, чтобы воссоединить католические и униатские очаги Полесья с Варшавой, повысив лояльность местных элит.

Все эти невидимые процессы перечеркнуло восстание 1863 года Кастуся Калиновского. Когда страх «Мужицкой правды» прошел и Александр «прозрел», то похоронил идею консолидации Полесья вокруг Белостока. Специальный комитет по надзору за мятежным краем вынес вердикт: цель правительства не в том, чтобы соединять западные губернии с Польшей, а в обратном — центрировать их на Москву и Петербург.

На волне освоения края российскими инженерами в Сарны потянулись добровольцы из центральных губерний — так здесь оказались родители Павла.

— Зачем же ты за деда пошла? — подначивали родные Ядвигу, стоило той обиженно надуть губы. Венчались они в тридцать седьмом, как раз перед приходом Советов.

Ответ Ядзи был прост: после войны народу на Полесье было мало, выбирали из тех, кто выжил. А Павел — машинист паровоза: зарплата добрая, паек, по тем временам — завидный двадцатипятилетний жених. Когда Красная армия неожиданно вернулась в сорок четвертом, многие не верили, что это надолго. Сарны ведь до тридцать девятого были польским пограничьем. Надежались: постоят и уйдут. Кое-кто из родни под шумок перебрался подальше — во Львов и Люблин, но дед уперся. Наотрез отказался уходить на Запад — точно так же, как в тридцать девятом жена отказалась ехать с ним на Волгу. Старший брат Павла, Пётр, при первой же возможности увез свою семью подальше от границы, но позже был призван и погиб где-то в Польше.

За то, что бабуся послушалась мужа и осталась в Сарнах, отрезанная от своих, она всю жизнь вымещала обиду на «упертом как баран» Павле. Дед же, привычно приструненный женой, только посмеивался:

— Ты же у меня серна! Лань лесная! Сарны — как раз место для таких косуль.

Когда Галина вышла из чуть протопленного вагона на перрон, воспоминания о счастливом детстве рассыпались. Ни добрейшего дедушки, ни волевой бабушки Ядвиги уже не было — онкология, «подарок» Чернобыля, скосила их быстро. Добротный дом в Сарнах достался матери, Марине. Родне из Львова и Франковска болотные топи были неинтересны, да и совесть не позволяла обирать сестру, годами досматривавшую лежачих родителей.

Галю не встречали. Сумерки скрывали обшарпанность роскошного каменного вокзала — памятника имперского величия, который когда-то выбили у царя полесские магнаты Витген-

штейн и Сангушко. Этот вокзал был немым укором их несбывшемуся проекту дороги на Белосток. После года в Питере, куда Галя уехала на заработки от украинской нищеты, вид родных стен принес облегчение. Юлька предупреждала: «Береги себя, в твоём положении чемоданы не тягают», но Галя лишь упрямо подхватила поклажу.

Это сестра Руслана

— А я вглядываюсь — кто это такая знакомая? — удача шла в руки в лице одноклассника Сашко. Он подхватил чемодан и махнул в сторону «копейки»:

— Догоняй! Это сестра Руслана! — бросил он водителю. Через пятнадцать минут Галя уже стояла на пороге своего дома.

— Мама, это я! — только и успела промолвить дочка, как Марина залилась слезами счастья.

Вечером Галя, измотанная почти двумя сутками пути в ледяных вагонах украинской «зализницы», только и успела, что помыться в натопленной кухне да заглушить голод картофельной бабкой с копченым салом. Сон накрыл её внезапно, мягкой детской волной. Мама уже разобрала постель в комнате дочки, прогрела на печи одеяло и теперь сидела на краю кровати. Она едва сдерживала расспросы, то и дело тревожно оглядываясь: не забыла ли чего важного?

Позже заехал брат Руслан, до которого быстро дошел слух о приезде сестры. Галя слышала сквозь сон их шепот с мамой, но встать и обнять брата было выше её сил.

— Устала она, не тревожь, — вздохнула Марина. — Завтра приходите с Ярославой, и девочек возьмите, пусть у меня на выходных побудут. Какая-то она... как в воду опущенная. Может, болит что. Да и поезда эти — как после войны: грязные, стылые.

— Говорили ей: не едь ты к расейцам, — брат тихонько позвякивал ложкой, уминая любимую с детства бабку с салцем, пахнувшим дымком от груши-дички.

— Сынок, не мучай ты её. Поехала бы за Олесей в Италию мыть жопы старым пердунам — лучше бы было? Кто сам не досматривал стариков, не понимает, сколько они сил выпивают.

Руслан видел, как быстро сдаёт мама, чьей красотой он так гордился в детстве. В её глазах уже не было того света, а руки, когда-то такие ловкие, теперь слегка подёргивались.

— А вы ещё: «Внучек привези да привези...» — пробормотал сын. Ему казалось, что мама из последних сил пытается окружить заботой каждого из них, будто боится, что иначе её просто не станут замечать.

Марина задержала долгий взгляд на старшем сыне. В нём она видела их отца в молодости — красивого, высоколобого, только более собранного, более жёсткого.

«Не Лёнин характер, — пришло ей на ум. — Леня был порывистее, труднее было удержать, но проще понять. А этот... будто сталь закалённая».

В такое тяжёлое время маме виделось особенно важным, что сын умеет держать себя в руках, просчитывать шаги. Но тревожило другое: «Где ты берёшь эту суровую ясность? Не сжигает ли тебя изнутри этот расчёт?»

Марина провела рукой по коротко стриженному выбившемуся вихрю волос на виске Руслана — жест, который она повторяла, когда он был ещё ребёнком.

— Нет, сынок, растить детей — это вкладывать в будущее, это даёт силы. А когда трастишь себя на чужих стариков — это не возвращается. Свои родители — понятно, тут долг, тут «не хочу» не бывает. А вот чужие... Да ещё больные, с помутнённым рассудком, что душу выматывают, лишь бы твоей молодостью подпитаться да протянуть ещё лишний год. Этого ты желал сестре?

Руслан спорить не стал, приутих. Марина отметила это с облегчением: значит, завтра не будет досаждать Галинке.

— Добре. Подумаем. У нас теперь есть на кого надеяться, — глухо ответил он.

Марина тут же переключилась на местные дела — мутные, по её мнению, но притягивающие молодых парней, желающих заявить о себе.

— Далась тебе эта Заруба... Ну, жили же мы все спокойно.

— Когда это мы тут жили спокойно? — Руслан моментально повысил голос, но мать строго приложила палец к губам. Он перешел на полусшепот: — Я что-то не припомню спокойных времен. То одни, то другие, то табор, то хабор... Деда моего кто раскулачил? Местные горлопаны верх взяли — и всё пустили по миру.

— Руслане, сынку, тебя же еще на свити не было! Зачем ты вспоминаешь и на сердце копишь этот гнев? — Марина не любила тему раскулачивания. Тогда и правда всякая голода да бездельники пролезли в уряд и пошли шнырять по дворам, объявляя недовольных кулачем. Сколько об этом говорено-переговорено — только воду в ступе толочь. Она перевела разговор на отца: — Как там Лёня? На завтра пригласила Раю с мужиком, может, и Лёня заглянет? Что ему зимовать в этих болотах...

— Да ему там тепло, светло и мухи не кусают, — отшутился Руслан. — Можно считать: у них там боевой пост.

Марина махнула рукой и пошла проверить, не разбудили ли они Галочку. Укрыла дочку плотнее, как маленькую, и вернулась к сыну.

Ратичи

С Леонидом, отцом Марининых детей, после возвращения с заработков в Польше приключилось что-то странное. Стал злой, как леший, начал чураться людей. Не то чтобы в выпивохи заделался — он человек сильный, крупный, его не перепьешь. Марина поначалу переживала, как бы он с тоски в тех болотах не повесился, а потом то ли привыкла, то ли просто устала для всех быть хорошей. Не маленький же мальчик. Да и свекор, Богуслав, был такой же — на весь мир обиженный. Кто им тут только ни был виноват: не немцы, так венгры; не венгры, так поляки; не поляки, так русские. И у каждого свой порядок.

Марининой матери, Яде, лучше жилось при поляках. Отцу, Павлу, и при поляках было хорошо, и при русских нормально. А вот брат его, дядька Петька, всё хотел как лучше: боялся, что грянет война с немцами и все тут погибнут. Увез семью на Волгу — там его на ту самую войну и призвали. Сложил дядька голову где-то под Радомом. А Павел остался дома, и война его почти не зайняла.

«Мне при любых законах надо соображать, как семью накормить да троих детей вырастить», — примирительно рассуждал отец. И надо отдать ему должное: работал от темна до темна. Машинистом тянул лямку, но и дома не ленился: что по хозяйству управиться, что в лес за косулей или грибами — всегда первый.

В начале девяностых, когда всё старое рухнуло, тогда Марина и хлебнула лиха. Родители тяжело болели, обезболивающих лекарств не достать. Перебивались кто как мог. С одной стороны — места заповедные, прокормиться можно, а с другой — лес начали нищить да продавать направо и налево.

Вроде как работа для людей, а доход — одним браконьерам. Хорошо еще, что нашлись в Зарубе «неравнодушные», воссоздали лесную стражу, переименованную нынче в «Варту». Поставили-таки местные хлопцы заслон чужакам. Но стала эта Русланова организация всё больше напоминать послевоенные времена: схроны, «раскопки» какие-то, вышколы, патрули... С одной стороны — дело благое, лес беречь. Но зачем знаков натыкали: «Осторожно, радиация!»? И это спустя почти десять лет после Чернобыля.

Местные-то понимали: тут дело нечисто. Старались помалкивать про «заповедник строгого режима» у Сырого болота. Ракетчики, когда уходили, не стеснясь, всё распродавали — и патроны, и гранаты. По радио тогда в новостях всё хвастались, как в Сарнах по договору «Меченого» последнюю ракету на металлолом пустили.

— И про нас на международном уровне вспомнили! — горделиво кивали тогда старожилы.

Может, с тех самых пор ребята и прятали доставшиеся за бесценок арсеналы, а теперь потихоньку ими промышляли? Иначе что там, в пустых лесах, с таким рвением охранять? И долго ли Киев будет смотреть на это сквозь пальцы? В воздухе явно что-то назревало. Хорошо бы, если к добру.

Руслан, словно уловив тревогу матери, подмигнул ей:

— Будем живы, мамо!

Но Марину беспокоили уже не про мальчишеские игры в «Варту». Её не покидало чувство, что Галя вернулась домой не в гости, а несолоно хлебавши в чужом городе.

— Сынок, ты уж помоги как-то сестре, — тихо попросила она. — Если у вас и правда всё налаживается, посмотри ей какую работу. Я вижу, твои приятели как-то выбивают себе места в урядах.

— Я подумаю, мамо.

Содействие армии и флоту

И были три брата: а один по имени Кий, а другой — Щек, а третий — Хорив, и сестра их — Лыбедь...²¹

И Руслан не просто пытался отделаться привычным кивком — он видел, как территория меняет лицо после мрака безвременья. Молодежь верила: пришло их время. Теперь у них были все шансы взять власть на этой земле в свои руки. И дело было не только в бестолковом Киеве, где царил разброд и никому не было дела до каких-то там Сарн. И не только в идеологах из Львова, старавшихся через новоявленные структуры социал-националистов СНПУ²² с их монограммой «Идея нации» оседлать патриотический дух молодых парней. Они просто хотели занять достойное место в новом мире, а не идти в «заробитчане» — батрачить на поляков или гнуть спину на стройках в России.

У них всё было впереди.

На завтра собрались гости — отпраздновать возвращение Галочки. Брат Руслан с женой и шумными племянницами-погодками: четырёхлетней Региной и трёхлетней Маричкой. Девочки унаследовали великолепные шевелюры, как у бабушки и тёти, — справляться с ними малышки ещё не умели, но обрезать категорически не разрешали. Мама Ярослава хлопотала над заплетанием косичек и сегодня уложила их в аккуратные корзинки.

Ухоженная для своих пятидесяти тетя Рая, родная сестра отца, и её мужик — Андрусь, любивший за компанию и похохмить, и выпить. В общем, глядя на родных, Галя как-то потихоньку приходила в себя, что не укрылось от радующейся переменам с дочкой Марины.

— Привезла нам подарки? — прямо с порога взяла быка за рога Регина, пока тётя Галя осыпала её поцелуями.

Галя заговорщицки подмигнула и повела девочек в комнату. Вскоре те вылетели оттуда с визгом восторга, сжимая в руках заветные яйца «Киндер-сюрприз». Ярослава с Галей тут же принялись помогать им разворачивать фольгу и собирать игрушки.

— А мы — по первой! — Андрусь уже по-хозяйски занял место во главе стола и разлил горилку.

— С возвращением, племянница! Ну, как тебе дома? — Рая поддержала порыв мужа, подняв рюмочку и кивнув Гале — за тебя.

Марина, между тем, опасаясь, как бы донька снова не «скисла» от расспросов бойкой на язык родни, поспешила ответить за дочь:

— Да она еще и не осмотрелась толком. Дорога сейчас такая — не приведи бог, всё прямо на глазах разваливается. Хорошо, что не простыла и ноги не отморозила. Завтра в баню её поведу, сегодня недосуг было. А Руслан мне поможет протопить!

Сын одобрительно кивнул. Баня у Ратичей была завидная: с просторным предбанником, изнутри вся отделанная липовой вагонкой. В такой зябкий, хмурый день баня — настоящий праздник души.

— Суббота — это святое! Мы тоже заглянем, — Андрусь уже «накатывал» по второй за завтрашний пар.

²¹ * Прим. автора. И быша 3 брата: а единому имя Кий, а другому Щекъ, а третьему Хоривъ, и сестра ихъ Лыбѣдь... [Повесть временных лет]

²² Здесь и далее по тексту упоминаются организации: «Правый сектор» (признана террористической и экстремистской), «Украинская повстанческая армия» (УПА) (признана экстремистской), «Самооборона Майдана», а также иные радикальные националистические объединения (включая львовские социал-националистические группы и структуры «Варта Руха»), деятельность которых признана экстремистской и (или) террористической и полностью запрещена на территории Российской Федерации.

— Да погоди ты, *хвацько плывеш!* — утихомиривала его Рая. — Куда всех торопишь?

Тем временем девочки закончили возиться с «киндерами». Регинке достались четыре зверушки в лукошках: собака, котик, свинка и кролик.

— Это заяц! У него уши во какие! — Маричка забавно показала руками длину ушей. — И никакой это не кролик, это заяц! Он в лесу живет, у дедушки Лёни.

— А чего это брат не приехал? — Рая явно клонила к тому, чтобы Руслан съездил за отцом, но тот лишь отмахивался: захочет — приедет, у хлопцев там своя машина есть.

Чтобы увести разговор от отсутствующего мужа, Марина поспешила переключить внимание на Маричку:

— А ну-ка, внученька, покажи, какой сюрприз в твоём желтом бочоночке?

— У меня мамы с детками! По одной детке! — радостно объявила Маричка.

Из всех зверей она узнала только кенгуру и медведя. Ещё один медведь оказался коалой.

— А это морской котик, — наставительным учительским тоном объяснила внучке Рая.

Но возбужденная Маричка заспорила и помчалась искать кота Рыжика, чтобы показать, как выглядят настоящие, не игрушечные коты. Рая и правда была учительницей — преподавала историю в одной из городских школ.

Разговор за столом под горячую картошечку, котлеты и горилку становился всё оживленнее. Галя, расслабившись, рассказывала забавные истории из своих странствий. Руслан, приструненный вчера матерью, ни разу не вклинился с колким замечанием о её неудачах. Напротив, он уже выстроил для сестры план:

— Ты у нас, Галка, учиться пойдешь! Времена теперь другие. Раньше у мамы не на что было тебя учить после школы, теперь мы наверстаем.

Андрусь тут же оживился:

— Зачем ей учиться, мозги сушить? Я её к себе возьму, старшим продавцом. Подучу малёха, конечно. Мне за всеми самому не усмотреть, а тут — свой глаз будет!

В городке Андрусь развернул торговый бизнес, и довольно успешно. Именно дядька когда-то и пристроил вчерашнюю школьницу к Семёну Глусю, пытавшемуся поднять придорожный сервис на деньги Немировского спиртзавода. Но когда начались «тёрки» между государством и частниками, желавшими оседлать производство горилки, Глусь прогорел, а Галя, как и многие тогда, уехала за лучшей долей в Россию.

Галя отчего-то притихла и погрустнела, зато Рая приняла предложение с воодушевлением:

— Что ты каркаешь? — осатила она мужа. — Ругаться с твоими безбашенными торгашами у нашей Галинки здоровья не хватит! Пусть учится.

Тёте и правда хотелось иметь повод для гордости перед соседями — за своих детей, за племянников...

Руслан тут же изложил план: учеба в частном медицинском колледже, на фармацевта.

— Это ж дорогущее удовольствие — такой диплом! — крикнул Андрусь.

Ярослава, понимая, что у Галиных родителей лишних денег нет — не дом же им продавать, — серьезно уточнила:

— Мы только на ноги становимся. Кто заплатит за твой колледж?

— Во-во! Именно! — подхватил Андрусь, явно испугавшись, что сейчас начнут просить в долг.

Марина же спросила о другом:

— Это где? В Ровно? Или в самом Киеве?

— Во Львове, мама. Частный колледж, я и название уже выучил — «Монада». Мона Лизой будешь! — Руслан поднял стопку. — За аптекарями будущее в нашей стране! За будущего фармацевта!

Все чокнулись, одобрительно отозвавшись на план Руслана. Лишь Андрусь прилип как банный лист: откуда, мол, «гроши»?

В новые реалии Сарн всё чаще наведывались бывшие комсомольские идеологи. Только теперь они агитировали не за Советскую власть, а за национальную идею в рядах объединения «Патриот Украины». Тема для бывших военных городков с их офицерским составом была горячая: содействие Вооруженным силам и флоту. Среди лидеров движения во Львове у Руслана появились знакомые врачи, через кого можно было выбить спонсорство на обучение Гали. В частных колледжах такие программы для привлечения молодежи в патриотические организации не были секретом.

— Так я и понял! — вспыхнул Андрусь, наслышанный о «национальных силах обороны». — Еще одни нахлебники на нашу голову. Корми их, дармоедов...

На это Руслан резонно осек дядьку:

— Кто не хочет кормить свою армию, будет кормить чужую.

И тут же был поддержан своей теткой:

— Все верно, Руслан, не слушай их! *Кожне місто має свій характер і права*. Они ж дальше своего носа видеть ничего не хотят, — камень был явно в огород мужа. Про таких, как Андрусь, Рая говорила: «Хохол — это не национальность, а профессия».

Андрусь, конечно, надулся как сыч, но спорить не отважился: кто этих «лешаков» знает? А ну как и вправду за ними власть? Лучше промолчать.

— Я своим в школе постоянно твержу: народ, не знающий своей истории, не имеет будущего! — продолжала Рая. — Мы вот еще добьемся мемориальной доски на нашем вокзале. Это же памятник архитектуры республиканского значения! Десять дней в восемнадцатом году Сарны были столицей Украины.

Тут уже Андрусь нашел повод поквитаться:

— Ты сначала денег на ремонт выбей, *«історик міста»*. А то завалится скоро ваш пам'ятник с такими-то *«господарями»*.

Молчаливая до этого Галя удивилась, обрадовавшись, что тема сменилась:

— Неужели правда — столица?

— У нас еще не все документы для музея собраны, — с сожалением кивнула Рая. — Однако можно утверждать: когда большевики захватили Киев, власти УНР тикали на Житомир, а потом через Коростень и Овруч — к нам. Вагон Михаила Грушевского защищал «бронепояс». Здесь, в Сарнах, десять дней была его ставка. Сечевые стрельцы удерживали город, пока делегация во главе с министром «закордонных справ» Голубовичем договаривалась в Брест-Литовске с австро-немцами об освобождении Украины. В тех боях погибло сто сорок пять юнакив...

Рая говорила с выражением, с расстановкой — видимо, так она вела уроки патриотизма. Недаром её в прошлом году делегировали во Львов на съезд учителей истории.

— Аукнется вам ещё этот Грушевский! Добра от воскрешения такой истории точно не жди, — Андрусь выпил уже никого не приглашая, будто запивал свою правду. — И скажи-ка мне лучше, племянничек: что это у нас в лесах забыли чечены? Откуда они тут?

— На лечении, — отрезал Руслан, ему не понравился язвительный тон дядьки, — у них там только что кончилась война.

— И они тут как тут! — Андрусь давно наблюдал за странной с его точки зрения дружкой местных и пришлых чеченцев.

Марина, чувствуя, что политическое напряжение в доме нарастает, мягко вмешалась:

— Вот и хорошо, что Сарны — одна из столиц. Давайте лучше споём, Раиса. Запевай, донь.

Галочка, когда в городе еще стояла военная часть, занималась в Доме культуры народными танцами и хоровым пением. Голос у неё был отменный.

— Давайте, — сбавила пафос Рая. — Для внучки: «Чарівна Марічка»!

— Почекаймо, — Андрусь уже разливал по новой. — Щось у горлі деренчить, треба горло промочить.

А як усміхнеться,
ще й з-підлобляне —
Хоч скачи у воду! —
кажуть парубки.

Глава 6. Не воюй с собственным сыном

*«На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Уньнья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.»*
А. С. Пушкин

Князь Леван

Несколько дней Леван провёл в общежитии меда, обдумывая своё положение. Всё сводилось к тому, что он и впрямь «мамкин пупс», как обидно изрёк Густав.

Именно, как в детстве, ему казалось: ситуация как-то разрешится сама собой, придёт кто-то сильный и умный, знающий, что и как следует сделать.

В конце концов он совсем запутался в своих планах. Ни на один из них у него элементарно не хватало денег, а небольшая карманная сумма позволяла лишь совершить пару поездок и купить хлеба с молоком. Леван решил отправиться к дяде Гураму — посоветоваться. Он составил речь: записал основные фразы в блокнот, чтобы не запнуться и не растеряться, когда дядя начнёт убеждать вернуться домой.

Мальчишка не учёл одного: в будний день Гурам с сыновьями не сидели дома. Ехать следовало позже, ближе к вечеру.

Нетерпение и безысходность сыграли с Леваном злую шутку. Дома оказалась тётя Нана, отреагировавшая на его появление с той самой шумной, суетливой тревогой — такой знакомой, свойственной женщинам его рода.

Левану и в голову не приходило, что мать уже дважды навещала сюда, разыскивая сына. Она даже оставила деньги — «на всякий случай», на еду или такси до дома. Леван, обуравемый гордостью и желанием казаться взрослым, разумеется, денег не взял, но станет ли грузинская тетя вникать в резоны глупого мальчишки? Нана была готова тут же мчаться ловить такси или отправить дочерей, пусть только вернутся из школы, за мужчинами, чтобы те «уладили дело». Тетя искренне боялась оставить племянника одного, опасаясь, что беглец снова что-нибудь «отчебучит». Левану пришлось покориться и сесть за стол. Только тут он понял, насколько зверски голоден — все те дни, что он скитался, он стеснялся объедать одноклассников. Сытый и разомлевший от тепла, Леван, еще недавно рвавшийся в бой, мирно уснул на диване братьев в ожидании дяди.

Гурам вернулся пораньше — Дина, дочь тети Наны, успела «слетать» за отцом. К великой радости Левана, дядя не стал устраивать выволочку при женщинах. Напротив, пригласив племянника к столу, он заговорил с ним так, будто они расстались лишь вчера — спокойно и по-мужски. Женщины в разговор не вмешивались. Все, на что их хватало — это сочувствующие возгласы да кивки: иногда одобрительные, а когда — и полные немого протеста.

Пропустив детали, которые казались ему несущественными, Леван изложил историю своего бегства и отчисления.

— И что ты решил? — Гурам задал вопрос спокойно, но в его интонации читалось недвусмысленное: раз ты заявил о своей самостоятельности, пора бы за нее отвечать.

Это был самый сложный момент. У Левана не было ни планов, ни идей о том, что делать дальше. Гурам, будто почувствовав это, начал издали, словно рассказывал усталому ребенку сказку на ночь — только чтобы успокоить. — Жизнь вынудила меня увезти семью далеко от дома, — негромко начал он. — Когда я приехал в Россию, у меня тоже не было ясности, как мы здесь устроимся. Но мы не могли остаться там, где не было ни света, ни газа, ни воды, ни работы. Помнишь ли ты, как на улицах торговали дровами из священного бука? Люди набивали ими хозяйственные сумки — те самые, с которыми раньше ходили на рынок за овощами. Твоему отцу повезло: у него российский паспорт, он переехал вовремя. Он уважаемый человек, никогда не отказывал родным в помощи. Мы здесь пока живем... не совсем по закону, скажем так. Но мы работаем, девочки учатся. У нас есть свет, тепло и еда. Там, дома, нет ничего — только каменный век. И нам еще повезло, что Сандро и Котэ были мальчишками и не успели взять в руки оружие.

Леван слушал, и это было уже не просто вежливое внимание. В словах дяди он чувствовал реальную, осязаемую опору. Тревога, давившая на сердце, начала отступать. Если дядя справился, если Сандро и Котэ смогли выстоять — с чего бы ему, Левану, оказаться слабее?

— Видишь ли, Леван, — дядя Гурам чуть подался вперед, и свет лампы выхватил его натруженные руки, — твой тезка, князь Леван, был, как у нас говорят поэты: «Поладис каци абрешумис гулит». Железный человек с шелковым сердцем. В те времена Грузия походила на разбитый кувшин: осколки вроде бы рядом, а вина не нальешь. Мегрелия была сильна, а её властелин Леван Дадиани — богат и амбициозен. Князь понимал: пока мы грыземся между собой, враги лишь ждут у ворот. И тогда он решил сшить эти лоскуты... любовью и политикой. Он предложил свою сестру Мариам в жены царю Ростому.

— А она была красивая? — девочки вообще любят сказки про невест и принцев.

Отец только покачал головой: вах-вах.

— Главное! Она была мудра, как святая Нино, и величественна, как горы Сванетии, — улыбнулся дядя. — Это был не просто брак. Это был мост через Риони и Куру. Когда Мариам ехала из Зугдиди в Картли, за ней тянулся шлейф надежды на мир. Она везла с собой не приданое — она везла дух единства.

Дядя сделал паузу, взглядываясь в племянника:

— И Леван, и Ростом — оба понимали: чтобы построить что-то великое, нужно уметь прощать старые обиды. Иногда нужно быть мудрым князем, чтобы разглядеть во «враге» брата, а в споре — лишь временную тень на солнце. Это и есть главный урок для тебя, Леван.

Гурам выжидательно посмотрел на племянника: дошло ли? Леван, несомненно, понял и ответил коротким, но твердым кивком. Вековая мудрость старших: исподволь вывести неразумного мальчишку из роли «разрушителя» в роль «созидателя» — сработала безотказно.

Два Давида

— Хочется ли вам узнать, как получилось, что когда-то целый кувшин упал и разбился? — спросил Гурам, с теплотой глядя на детей: он всегда любил вспоминать родину.

Разумеется, им хотелось.

— Конечно, вы помните царицу Тамару?

— Мепе — царь, — поправили его сыновья, которые, в отличие от девочек, успели поучиться в грузинских школах.

— Да. Именно, царь. Так решил её отец, Георгий, лично возложив девушке на голову корону. Но если твоя жена — царь, то ни один князь не возьмет её в жены по нашим обычаям. Тамаре пришлось искать мужа среди равных — царя-консорта. И это почетно сегодня, но в давние те времена нравы были куда суровее. Существуют разные версии, кто был её супругом. Турки-историки утверждают: это был крещёный турок Дмитрий (о происхождении которого во дворце запрещено было даже заикаться под страхом меча). Русские летописцы считают: это был сын князя Андрея Боголюбского. Одно точно — у Тамары родился сын Давид. Но у царя Георгия был и другой наследник — незаконнорожденный сын от наложницы, о котором тоже молчали под страхом меча, ведь законных мужских наследников у царя не было. Однако знать на то и знать, чтобы держать руку на пульсе.

Когда оба Давида выросли, страна раскололась: одна часть знати признала власть по женской линии — дочерней, а другая — вопреки воле покойного Георгия — пошла за мужской линией. Был даже момент, когда правили оба: Давид Улу и Давид Нарин. Но знать тянула одеяло на себя, пока не началось вооружённое противостояние. Дом, разделившийся в себе, не устоял. Так Грузия раскололась на Западную и Восточную.

— И вот тогда пришел Леван, — тихо проговорила маленькая Илона, похоже, решив, что их красивый и большой брат — тот самый герой из сказки.

— Да, — Гурам улыбнулся и погладил дочь по туго заплетённым косичкам. — Через много веков князь Леван, поставивший целью объединить Грузию, сумел преодолеть противостояние и победить.

Дядя Гурам, уставший за долгий рабочий день, подвел итог:

— Пойми, Леван не был жестоким самодуром, ломающим жизнь сестре. Он просто понимал: личные желания не всегда должны стоять выше долга.

Каждый выбирает по себе

Разгоряченный этим сравнением, племянник попытался возразить. Он обоснованно полагал, что дядя просто пытается остудить его мальчишеский пыл: времена изменились, его родители не искали выгодных союзов, да и Гурам с тетей Наной выбирали друг друга по любви.

— Да, мы выбирали сами, — согласился дядя. — Но мы выбирали из своего круга. Мы брали девушек своего воспитания, своего понимания жизни.

Дочери Гурама явно готовы были поддержать брата, однако и сам дядя развивать эту тему не стал. Он прекрасно понимал: «того круга» больше не существует. Он просто хотел примирить отца и сына, объяснить, что Реваз в чем-то прав, как бы сильно Леван ни сопротивлялся этому факту.

В ту ночь Леван остался у дяди. А утром за ним приехала мать — Сандро по приказу отца помчался за ней ни свет ни заря.

Леван проснулся в безмятежном состоянии — видимо, под впечатлением от ночных легенд. Снились ли ему горы или только показалось, но в миг пробуждения он будто наяву ощутил кожей горный ветер и запах альпийских трав. Он давно не был так спокоен и счастлив просто от возможности быть среди людей. Мать, появившаяся в дверях, лишь довершала эту цельную картину мира.

Ия долго говорила с сыном наедине. Она не кричала — рассказывала, как все эти дни прочесывала город, обивала пороги больниц и едва не заявила в милицию. В её голосе была не злость, а та тихая, выстраданная усталость, которая ранит сильнее любого упрека. Почувствуй Леван хоть каплю вины, он, наверное, вернулся бы домой, как «хороший сын», — ведь она только этого и ждала. Но князь Леван укрепил в нем уверенность: уход из дома был правильным. Ему нужно было это, чтобы понять, наконец, кто он такой. Не сын Реваза и Ии, не студент меда и не «мамкин пупс», а самостоятельный человек, способный отвечать за свой выбор.

— Или отец примет мой выбор, или я не вернусь.

Леван смотрел на мать прямо, без вызова, но с той пугающей твердостью, какая бывает лишь у тех, кто сжег мосты к прежнему себе. В его сознании все метафоры слились: он уже перешел свой Поцелуев мост, крепко держа за руку Эвридику. Имени Полины он не произнес — всё и так было очевидно.

Ия старательно сдерживала слезы. За десять дней она измоталась, оббила пороги больниц и милиции, едва не рассорилась с мужем — и теперь, когда сын нашелся, ей хотелось только одного: обнять его и не отпускать. Но Леван, хоть и был рядом, казался бесконечно далеким. Его нельзя было провоцировать на новый порыв, на очередное бегство. Ия решила: сейчас не время настаивать на своём. Мальчику и так пришлось несладко — избиение, исключение, скитания... В сыне что-то изменилось, и это её пугало. Сама того не осознавая, поддавшись цепной реакции этих перемен, Ия приняла его сторону.

Они договорились, что пока снимут Левану отдельную комнату. У Ии была отложенная сумма — она тайком заняла у родственников, ведь в их доме деньгами заведовал Реваз. Это отступление казалось Ии временным — всего на пару месяцев до Нового года. Праздник, елка, семейный уют... Может, если собрать всех вместе, случится чудо?

Единственный сын

Несмотря на согласие в главном, Ия надеялась, что в мелочах сын уступит: пусть бы дал слово не сближаться с той девушкой, пока не познакомит её со всеми. Но Нана её остановила:

— Возможно, я вмешиваюсь зря, но ты не должна связывать мальчика таким обетом. Если эта русская девочка действительно завладела его сердцем, ты сделаешь только хуже. Нарушив обещание, он начнет стыдиться и будет тебя избегать. Ты же не хочешь потерять его окончательно?

Ия обиделась на мули Нану:

— Легко тебе рассуждать, когда у тебя четверо, а у меня один-единственный. Я должна отдать его этой... — Ия задохнулась от возмущения, вспомнив встречу в ресторане. — Ты бы видела, как она себя вела! Короткая кожаная юбка, блестящая кофточка, пупок наружу... И этот её белый живот, задорно прыгающий в танце на глазах у всех! Я должна смотреть на это и остаться совсем одна?

Нана не обиделась: разве мать в своём горе поймет, что четверо детей — это в четыре раза больше тревог? Чтобы успокоить Ию, она поступила так же, как вчера Гурам утихомирил детей. Как бы невзначай она напредила притчу о царе Соломоне и двух матерях, каждая из которых криком требовала признать право на ребенка. Тогда Соломон приказал: «Принесите меч и разрубите мальчика пополам — пусть каждой достанется поровну».

Одна из женщин замолчала, пытаясь осознать решение царя, а вторая закричала:

— Нет! Не нужно! Не трогайте малыша! Я признаю, что мать — она!

И Соломон отдал ей ребенка: «Возьми его. Ты — истинная мать»

Ия, долго сдерживавшая себя, наконец расплакалась. Хорошо, что мудрый Гурам увел парней — Левана, Сандро и Котэ, — попросив помочь с разгрузкой: он понимал, что матери и сыну нужно прийти в себя порознь.

— Послушай меня, Ия, — Нана гладила мули по спине, подливая ей травяной настой. — Для русской девушки мать мужа — всегда конкурентка. Не унижай себя в глазах сына, не вставай между ними. Он возмнил себя взрослым, и если ты начнешь спорить, он просто хлопнет дверью и уйдет к ней. Потому что она его якобы «понимает».

Дошло ли до Ии предупреждение Наны или она просто смирилась, но, когда Леван отказался от помощи с поиском жилья, желая устроить всё сам, она лишь вздохнула. Нана примирительно кивнула:

— Пусть. Он знает город, у него друзья. Справится.

Позже, в кругу женщин, Ия тихо призналась мули:

— Ничего он не справится. Всё за него будет решать она... — И в голосе её прозвучала вечная горькая печаль. — Кто придумал эту войну дома? Чтобы наши сыновья уходили от матерей, будто чужие дети.

Между двумя мостами

А тем временем Полина с подругами уже всюду подыскивала Левану жильё. Благо в салоне «Эгоист» его теперь знали все. Администратор язвительно называла его «сыноч-кой-корзиночкой», но помалкивала — Реваз сполна оплатил и разбитые зеркала, и выбитые стекла. А девочкам просто нравилось быть хозяйками положения: они бурно обсуждали варианты и даже сами вызвались съездить на просмотры. И — о чудо! — комната нашлась: аккуратная, чистая, без тараканов и сомнительных соседей. Леван мог переезжать.

— Видишь, какая я молодец? — Полина сидела на подоконнике их новой комнаты и с торжеством любовалась улицей Пугачева.

Леван, уткнувшись в локоны высоко забранного хвоста, вдыхал кружащий голову аромат и молча кивал. Ему тоже понравился квартал: трехэтажные сталинки — как здесь называли дома начала пятидесятых — напоминали старый Тбилиси. Кроме того, отсюда было рукой подать до Суворовского госпиталя, где Леван договорился работать санитаром. Мужские руки для тяжелых и послеоперационных больных были так нужны, что грозный главврач закрыл глаза на историю с дракой. В распоряжении ребят был третий этаж с видом на перспективу улиц, а не в удручающие дворы-колодцы. И целых тринадцать метров площади.

— Тринадцать и три, — подчеркнул хозяин, хитроватый мужичок с цепким взглядом. Он медленно пересчитывал мелкие доллары, словно они липли к его рукам. — Если бы не русская девушка, я бы взял с тебя дороже.

— Вы не любите грузин? — тут же вспыхнул Леван.

— Напротив, очень люблю, — парировал тот, не отрываясь от купюр. — У ваших всегда есть бабки.

Так «апартаменты» достались Левану со скидкой. Полина тут же закрепила за собой права на эту территорию — иначе пришлось бы искать жильё в районе Волковой деревни, куда трамваи ходят только засветло, или у промзоны Борова моста через Обводный — настоящих «чертовых ворот» на тот свет.

Они с Полиной как раз перед этим были там на встрече с агентом Женьком. Тот, напившись питерской «достоевщиной» не меньше школьных отличниц, сам и поведал им легенды этого места.

— Почему самоубийцы так полюбили Боровой мост? — спросила Полина. Она радовалась дешевизне, но с суеверием относилась к проклятым местам.

— Почему самоубийцы так полюбили Боровой мост? — спросила Полина. Она радовалась дешевизне, но с суеверием относилась к проклятым местам.

— Да бесы, кто же еще. Сидят под мостом и ждут: чуть пойдет кто «не в себе» — под руки и в воду, — агент, похоже, тоже неплохо знал классику, где нечисть от Гоголя до Достоевского раскрывалась во всей красе.

Маркус, опрошенный по городским легендам на всякий пожарный, тоже подтвердил:

— Есть такое дело, Лёв, говорят там какие-то могильный гранитные плиты местных шаманов были раскопаны, когда строили теплотрассу в двадцать третьем году в Петрограде.

Марк, разумеется, быть выше мистики, но от Достоевского предлагал не отмахиваться: понимал, мол, «чел» с кем дело имеет.

— Знакомец моего прадеда из Белоруссии, Янка Купала, написал даже поэму: «курганы шмат аб чым нам гавораць». Камни умеют говорить — и не всегда про любовь и дружбу.

— Тогда, это не наш Поцелуев мост, — отрезал Леван, посмотрев под новым углом на пристанище «бесяр» у Борового моста.

Где тот ребенок?

В итоге администратор «Эгоиста» через свои каналы нашла вариант у снесенного стадиона металлического завода. Тихое место в центре, адекватные соседи — редкость для перестроенного Питера. Программа «легализации» Полины в жизни Левана завершилась. Ия еще несколько дней назад предвидела именно такой исход.

За суетой переезда у Левана лишь мимолетно мелькало предчувствие: вот-вот они с Полиной окажутся не просто один на один. Этот вечер должен изменить всю его жизнь. Но продумать, как всё пройдет, Левану было отчего-то страшно, и осознание неминуемого события постоянно заглушалось чем-то приземленным: перенести вещи, что-то купить, помочь с уборкой.

Если бы Леван рос в обычной грузинской семье с кучей старших братьев, ему бы и в голову не пришло опасаться или мучиться вопросом: «А вдруг я не способен на большее, чем поцелуй?» Но всё сложилось как сложилось. Опирайтесь на рассказы школьных или институтских приятелей не хотелось: бравады и грубости в них было в избытке. Откровения ребят ясное дело рассказывали не про любовь, а про «в Советском Союзе секс есть!» — причем говорилось примерно с интонацией «к борьбе за дело Ленина будь готов!».

Суматоха с переселением в комнату на Пугачёва наконец закончилась, и Леван неожиданно для себя оказался оглушен тишиной. Пять лет назад они переехали в Ленинград, сменив просторную солнечную квартиру в Тбилиси на коммуналку. Там, дома, на третьем этаже, у него осталась большая комната с красивым шерстяным ковром. На его светлом поле переплетались узоры — говорили, что это стилизованные драконы, что-то вроде битвы святого Георгия со змием. В детстве Леван прокладывал между ними автодороги и тропы для игрушечных лошадей из шахматной коробки. Когда драконы «оживали», он с братьями вступал в неравный бой и всегда побеждал.

После переезда в Ленинград Левану выделили отдельную комнату, но проходную. Отец всё обещал, что дела вот-вот наладятся, он непременно купит светлую квартиру, и Леван станет её полноправным хозяином своей собственной комнаты в ней. Однако время шло, покупка откладывалась из-за нехватки денег. Леван со временем даже привык к неудобствам и тому, что он постоянно на виду: кто-то идет в туалет, кто-то на кухню, шепот родителей за перегородкой, висящий едкий запах чужой еды...

И вот теперь воспоминания детства нахлынули и изменили всё вокруг. Леван будто оказался не просто в другой комнате каменного Питера, а у себя — далеко-далеко, дома. Такие же высокие потолки, запах старых книг от большого полированного шкафа, аромат чисто вымытого паркета. И удивительная тишина. Всё это сливалось в один запах — любви к чертовски обаятельной девушке. Если бы не Полина, ничего бы этого у него не было. Были бы только строгий, требовательный отец, слезы матери из-за его неприятностей в универе и скандалы за стенкой у Ленки с очередным то ли гостем, то ли приятелем её отбывающего срок мужа. В лучшем случае — комната где-нибудь на Волчьем болоте, куда и трамвай-то ходят только засветло.

Собственный твой дом

В эту минуту, целуя тонкую кожу девушки, парень будто целовал весь мир. Полина пахла не только улицей или парфюмом из её салона красоты — это был какой-то неуловимый, забытый запах. Возможно, Леван помнил его из прошлой жизни? Ведь говорят же в иных верованиях, что человек живет на земле не однажды. Если это правда, то аромат этой женщины всплыл из каких-то закрытых для нынешнего Левана воспоминаний.

— Ты слышишь, какая тишина? — от его голоса шевельнулись мелкие локоны, выбившиеся из-под заколки на её затылке.

Полина кивнула, обернулась, и от прикосновения её губ по телу Левана тут же рассыпались мурашки. Он почти простонал. Хорошо, что Полина вдруг предложила:

— А давай попьем чаю? Зря мы, что ли, купили новый чайник? Ты же целый день не ел.

На блошином рынке они и правда купили чайник — ярко-красный в белый горох, показавшийся Левану слишком крикливым. И зеркало, которое сейчас стояло в углу на подоконнике. В отличие от чайника, зеркало Левану сразу понравилось: средних размеров, прямоугольное, в металлической оправе с изящными завитушками.

— Бери, — убеждал Полину продавец, похожий на беженца военных лет. — Этому зеркалу цены нет. Оно же в бронзе! Скупщики металла давно бы у меня его с руками оторвали. Но я не отдам.

— Почему, дядя? — Полина совершенно не собиралась покупать зеркало. Они с подругами составили четкий список покупок на всю сумму, что была у Левана.

— Потому что они его уничтожат, в лом сдадут.

«Не всё ли ему равно?» — удивилась Полина, вопросительно взглянув на Левана: нужно ли им это зеркало? И Леван, встретившись глазами со стариком, неожиданно кивнул. Он пойдет работать — у них обязательно будут деньги.

Пока Полина кипятила воду, Леван достал упакованное мамой новое белье. Он замер в нерешительности: не то чтобы парень не умел заправлять постель, но он никогда не делал этого для женщины. Вдруг Поля видит за происходящим совсем не то, что он? Леван просто уселся на полуторную деревянную кровать прежней владелицы, которую новая хозяйка сегодня до блеска вымыла с содой, и попытался нащупать верную линию поведения.

Вернувшаяся Полина, как ни странно, не проронила ни слова. Она поставила чайник, засыпала в заварник принесенный из общежития чай и переложила в лозовую корзинку печенье. Только тогда она будто уловила растерянность Левана, замершего с простынями и наволочками в неброский фиолетовый цветочек.

Можно ли научиться играть на виолончели с нуля

— Ты знаешь имя какого-нибудь знаменитого виолончелиста? — обернувшись, уточнила девушка.

Леван пожал плечами. Он не помнил, знал он или нет — его мысли были бесконечно далеки от того, о чем говорила Полина. Она подошла почти вплотную:

— Представь, как бы ты меня обнял, если бы я была виолончелью, а ты — музыкантом мирового класса.

Леван улыбнулся и зажал ноги Полины между коленями. Её грудь оказалась как раз на уровне поцелуя. Чтобы придать парню смелости, девушка медленно принялась расстегивать пуговицы на рубашке.

Сварга

Конечно, Левану и в голову не могло прийти, что Полина заранее советовалась с Кристиной, как вести себя наедине с ним. Всё это было придумано и отрепетировано. Подруги сошлись во мнении: у Левана никогда не было ничего подобного, поэтому Полине следовало держаться увереннее.

В своей Старой Руссе, где они девчонками играли в леди Ровену и рыцарей, она когда-то прошла инициацию в Даму Сердца. В конце восьмидесятых комсомол превратился в подобию муляжа груши из кабинета ботаники. Партия еще делала вид, что ничего не происходит, но молодежь уже «забила» на лозунги, стараясь быть честнее приспособленцев-карьеристов с партбилетами.

Тогда-то их школьный исторический кружок и подтянули к себе идеологи «славянских богов». Это тоже была история, но доисторическая, в школе не изучаемая. Новые пастыри рассказывали захватывающие вещи о том, как жили и во что верили славяне до прихода христианства с его огнем и мечом. Так воскресали уничтоженные церковниками праздники — например, Ивана Купала.

Ребята выезжали в лес, жгли костры, подражая пионерским лагерям, в которых многие еще успели отдохнуть до их развала. В верованиях этих «воскресших» богов женщине отводилась особая роль, претендовать на которую можно было лишь после инициации. Как и в канувшие в лету века, разбившись на пары, самые смелые пробовали пройти очищение огнем — прыгнуть через костер. Полина была отчаянной, ей не было страшно. Она и одноклассника Витьку, свою первую любовь, подбила на этот шаг. Вот только существовало одно условие: девушка, прошедшая огонь, для полноты образа Берегини должна была пройти еще и воду.

— По воде будет ходить? — смеялись слушатели.

— Лучше. Она своей кровью закрепит границы территории Русских богов. Потому что то, что завоевано кровью, только кровью можно отвоевать обратно.

Полина согласилась. Таких отважных нашлось всего пять человек, остальные просто плели венки, чтобы пускать их по реке. У Юрчика, одного из их компании, был фотоаппарат, но снимать на таких «турслетах» строго-настрого запрещалось. Считалось, что вспышки и фотопленка отгоняют Духов Местности.

— Точно! Моя бабка всё время крестится: мол, это у вас от сатаны, — припоминали поклонники славянских богов.

— Это у них всё от сатаны, — резонно замечали «русские боги», — у них всё, что не по-ихнему, то от лукавого.

Костер полыхал высоко и ярко. Полина, сжимавшая руку Вити, даже испугалась — ладонь мальчишки пульсировала. Если бы она отказалась, Витёк бы вздохнул с облегчением: что взять с девчонки? В одиночку всё равно никто не прыгал. Но Полина, словно подзуживаемая кем-то, уже не могла отступить. Теперь она была не просто «обращенной староверкой», а будущей Берегиней. Чтобы волосы случайно не опалило искрой, всем девушкам плотно повязали головы платками.

Первой в паре прыгнула её подруга Наташка. Потом еще кто-то. Третьей была Полина.

— На раз, два... — прошептал Витя.

И оказалось, что Полина способна на многое. Как писали в сочинениях по Некрасову: «в горящую избу войдет» — нужно было только не испугаться в первый раз, в ночь на Ивана Купалу. Витька был счастлив: «Мы очистились!» Теперь у них, по его мнению, была новая судьба.

А следом шло испытание водой. Полина даже толком ничего не поняла. Старшие ребята подняли «избранных» девочек на руки, отнесли подальше от берега и окунули в Русу. Осталь-

ное произошло само собой. Так Русские Боги ставили на девушках свой оберег. А сами Боги от крови девственниц получали силу и закрепляли право на земли предков.

Посвящение Полины произошло так стремительно, что она не уловила границы перехода в новое воплощение. Охваченная стихией огня, девушка влетела в воды Руси, словно парашютист в затяжном прыжке. Ночная река бодрила прохладой — именно такой и должна быть вода, чтобы унять внутренний жар. Это позже Полину забил нешуточный озноб, а в минуту высшего таинства от неё буквально пылало: на реку, на посланника древних богов, на сам воздух. Ей казалось, будто в ритуальном танце вокруг кружится хоровод светлячков — древних, как и сама сила, рождённая близостью мужчины и девственницы.

Новоявленные «пастухи Сварога» ни о чем подобном не предупреждали. Возможно, они и сами не представляли, в какую стихию окунают девушек с легкой руки новых небес. Если бы Полина могла зафиксировать те мгновения в памяти, она обязательно поделилась бы ими с подругами, чтобы сравнить ощущения и понять: не привиделось ли всё это? Однако переход в иную реальность был настолько молниеносным, что память тут же заблокировала детали.

Никаких лекций о том, как вести себя дальше, не последовало. Подразумевалось, что теперь у посвященных особая роль и ими водятся духи.

Наташа, например, с того дня стала нареченной своего Сашки; они занимались любовью при каждой возможности, и Ната была в восторге.

— Дуры те, кто отказался, — смеялась она. — Это тебе не позы из видиков повторять!

А Полина во вкус так и не вошла, хотя наставники твердили: богам нужна энергия сексуальной раскрепощенности, энергия творцов мира. Может, её остановил Витя? Он так и не решился предложить «попробовать это» с ним. Напротив, их первая любовь переросла в почти братскую привязанность. И именно Виктор позже познакомил Полину, приехавшую поступать в питерский вуз, с Густавом — человеком из более узкого круга служителей Сварги.

Наташка настаивала:

— Не трусь. Ты и представить не можешь, какое это блаженство. Первый раз не в счёт, ты тогда ничего не поняла.

— Витька предложил мне братство, — отшучивалась Полина. — Как я могу... такое с «братом»?

— Ну и замудрил твой Витёк, — Ната едва сдерживалась, чтобы не выболтать Сашке его трусливые отговорки, но Полина взяла с неё клятву «на судьбе» помалкивать об их отношениях.

Знал ли Виктор, что передает Полину по эстафете? Он и помыслить не мог, что она отправится искать астральную любовь в «Планетарий». Полинку подстегнуло любопытство: что это за секс на высшем уровне, о котором твердила Кристина? В итоге она едва не стала легкой добычей для питерских братков, искавших повес для развлечений и кутежей. Именно в тот вечер, как знак свыше, появился Густав — её спаситель от тех, кто не понимал слова «нет».

Полине не приходило в голову, что перед ней сам Сварог, но она кожей чувствовала: защитив её, Густав получил на неё права. Права на то, чем она была по сути — на её тело. Обошлось, естественно, без ритуальных танцев у костра. Густаву не нужно было спрашивать согласия: у них оказался один код восприятия мира. Этот код и стал фундаментом их близости. Полина наконец-то вошла в роль Берегини. И не струсил, хотя помнила: боги не прощают измен. Еще тогда, на берегу Руси, некоторые девочки отказались от посвящения именно из страха, что не справятся, накосячат и рано или поздно получают «удар русских богов».

По заветам Деда Мороза

Когда в салоне девочки устраивали негласный зачет — кто «снимет» больше парней за неделю, Полина оставалась равнодушной. Её берегла Руся. Те, кто прошел посвящение, владели иным паролем доступа — их словно охранял по завету отца Мороза Леший Руси, как Снегурочку из детской музыкальной сказки. К тому же Густав был отличным парнем; его авторитет ложился на Полину обережным кругом, отсекая лишние приключения.

Все было спокойно, пока не появился Леван. Точнее — пока Полина не коснулась его растрепанной волнистой гривы. В «Эгоист» молодого человека привела постоянная клиентка Алла. От обоих исходил тяжелый запах питерских подвалов — оказалось, они вместе занимались благотворительностью для местных бомжей.

Обученная манерам элитного мастера, Полина привычно включилась в ролевую игру, стараясь расположить к себе нового гостя. Но случай переиграл начинающую актрису. От волос парня исходила странная наэлектризованность. Полина и раньше замечала, что кудри обладают собственной энергетикой. Не зря девушки веками завивали локоны, имитируя эту природную силу, чтобы привлечь мужчин.

— Но кто в пылу увлечения успевает распознать: настоящая ли перед ним красота или работа модной туши «Ленинградская»?

В случае с Леваном никаких сомнений не возникало. Его мягкий, успокаивающий взгляд притягивал вопреки всему. Полина кожей чувствовала: эта глубина — настоящая. Его глаза, выразительные и зеленовато-голубые, обрамляли густые темно-каштановые ресницы в тон волосам.

Грузинский профиль с четко очерченными скулами мог бы казаться резким, но в Леване всё сочеталось настолько гармонично, что на колкости коллег Полина просто не реагировала.

— Когда ты уже бросишь свой «орлиный клюв»? — подначивали девчонки в салоне.

— Это они от зависти, — кивала Кристина, солидарная с выбором подруги.

— Было бы чему завидовать, — фыркнула как-то одна из мастериц, подслушав их разговор. — Вот папик у твоего грузина — это да... Ради такого можно лечь и не вставать... суток трое.

Когда между Густавом и Леваном вспыхнула неприязнь, Полина растерялась. Подруги советовали не лезть: «Пацаны сами разберутся». Но она понимала разницу весовых категорий. Густав был закаленным питерским бойцом, прошедшим через переделки, в которых запросто можно было лишиться глаза. А Леван — меланхолик и созерцатель, чья натура гармонизировала скорее с тишиной грузинских гор, чем с жестокостью городских улиц.

— Ерунда, — успокаивал Леван, нежно целуя её в висок. — Ты разве не знала? Грузины — лучшие тяжеловесы в мире.

— При чем здесь спорт? — протестовала Полина, хотя его поцелуи и унимали выпрыгивавшее из груди сердце. — Ты думаешь, в подворотнях бьют по правилам?

Леван в ответ увлеченно рассказывал о тренировках с гантелями на школьном стадионе в Тбилиси. «Ребенок. Глупый, несмышленный ребенок», — обреченно решила Полина, уповая лишь на свой статус Берегини.

Ей и в голову не приходило признаться, кто она на самом деле. Выложить грузинскому юноше про отведенную ей кем-то роль хранительницы — то ли рыцарей из «Айвенго», то ли богатырей Руси? Оба мифа в её сознании давно слились в единую картину прошлого. Горец её бы просто не понял. Это Виктор, Вадим или Наташа знали цену «праву первого мужчины», который ставит печать на девственности, взламывая код непорочности. Согласно учению о телегонии, теперь все дети посвященных должны были нести генотип Русских Богов.

— Уж лучше пусть дети будут от Бога, чем уродцами от случайного лопухого кента с пьяной вечеринки, когда «хочется и колется», а на материнские советы плевать, — так рассуждали девушки, примеряя на себя роль леди Ровены, ставшей Берегиней.

Законы Рита

О том, какими будут её дети, Полина особенно не задумывалась. В сию минуту она вернулась из кухни с закипевшим чайником, Леван всё так же нерешительно сидел на краю кровати. Он комкал в руках стопку белья — пододеяльник и простыни, заботливо собранные мамой.

Уставший за суматошный день, он не смел даже прилечь, совершенно не понимая, как себя вести и на что рассчитывать. Полина просто пришла помочь с уборкой — и осталась. Но Леван так и не решился уточнить: будут они спать вместе или ему постелить себе на полу? В это мгновение его атлетизм и «грузинский профиль» ничего не значили — он был просто влюбленным парнем, оглушенным внезапным счастьем и страхом всё испортить.

— Представь, что ты великий виолончелист, а я — твой инструмент, — прошептала Полина, прижимая его губы к своей упругой обнаженной груди.

И Леван (сам того не ожидая) потерял себя. И во времени, и в пространстве.

Дальнейшее Леван осознавал фрагментарно: нараставшее ни с того ни с сего возбуждение требовало купировать эту нестерпимую реакцию — иначе он просто умрет, ведь умирают же люди от щекотки. Хорошо, что рядом была Полина. Только погружением в ее плоть можно было остановить приступ сладостной боли, пока она не переросла в органическую.

Туман рассеялся, когда Леван почувствовал вибрацию в районе крестцовой кости. Если бы он мог детерминировать это чувство, то описал бы его как попытку чего-то инородного эвакуироваться из его собственного тела. Словно внутри проявился «посторонний». Это не было неприятным, как могло бы показаться в иную минуту — осознание, что носишь в себе неподвластную контролю субстанцию, неожиданно выдавшую свое присутствие. Сущность изгибалась, распрямляя затекшие от долгого покоя сегменты, и ее моторика полностью захватила внимание Левана, отрезвляя его.

Он различил блаженную улыбку Полины, мелкий бисер пота в свете ночника. Ему даже показалось, что под прикрытыми веками девушки закипают слезы.

— Тебе больно? — то ли спросил, то ли только успел подумать Леван, как сущность, набравшая силу в основании позвоночника, никого не спрашивая, двинулась вверх вдоль позвоночного столба. Будто внутри его тела этому «нечто» удалось сформировать свой собственный канал для исхода.

Осознать происходящее Леван не успел: нечто уже достигло атланта у основания черепа. Это была последняя ясная мысль — в ту же секунду в мозгу случилась вспышка. Мужчина провалился в бесчувствие, а затем в ослепительно белое марево, где не было ни образов, ни звуков, ни даже только что испытанного блаженства. Не было ничего — и в то же мгновение было всё. Он стоял на заснеженной вершине Кавказского хребта и видел мир: земля была лишь подножием этой подлинной реальности. Леван словно исчез, оставив в постели лишь свою пустую оболочку. Оглушительная тишина его отсутствия длилась недолго.

Полину разбудил грохот, будто в комнате что-то упало — то ли книга со стеллажа, то ли зеркало на окне. Некоторое время девушка не могла сообразить, где находится. Нет, она помнила, что вчера осталась у Левана на правах хозяйки. Помнила, что он ей очень нравится и она осознанно решила стать его девушкой, жить вместе, заниматься любовью. Разумеется, вчерашние мысли быстро вернулись на свои места, но оставалось что-то еще. Словно эхо той самой упавшей книги в предрассветных сумерках Питера.

Еще вчера она чувствовала себя такой искушенной и взрослой. Сама выбрала роль ведущей: шутила про виолончель, направляла руки смущенного мальчика, боявшегося обидеть её неловким движением. И вдруг она ощутила себя в полном подчинении силе, о существовании которой даже не подозревала.

Мальчик с завитками тонких волос на груди, которые она сейчас осторожно, чтобы не разбудить, накручивала на мизинец, укладывая в диковинный узор, оказался совсем не мальчиком. Наверное, если бы Полина всерьез верила в легенды Сварги о том, что через близость мужчины и женщины на землю спускаются боги, она бы пришла к древнему выводу: сварожичи говорили правду. Но она не верила. Точнее, сама ни разу не ощущала ничего подобного до этой ночи. А верить «девочкам Сварги» на слово Полина не могла: свобода, «боги», костры — её игра в Берегиню в водах Руси была лишь воображением.

Реальность, достигнув сознания, оказалась не только мощнее, но и гораздо темнее. Леван не прыгал с ней через костер — он и был этим костром. И одновременно водой, умиряющей собственный жар.

«Ты хотела быть скрипкой? — Полина потянулась до хруста в суставах. — Спорящей с талантом мастера? Ты искала русских богов, чтобы чему-то соответствовать, а нашла грузинского князя».

Легенду дяди Гурама про князя Левана он пересказывал ей вчера, когда они пытались прерваться на чашку уже остывшего чая. При этих мыслях к Полине начала возвращаться уверенность, она понемногу приходила в себя. Леван, пребывая в полудреме, повернулся в профиль, и только тут она вспомнила свой ночной шепот: «В тебе столько отчаяния, будто завтра Бородино».

Откуда-то из глубин детской памяти об экскурсии в панораму Бородинского сражения всплыл вначале профиль генерала Багратиона, затем его могила, а следом — кто-то или что-то, кого в нашем мире не бывает и быть не может. Утром все видения смешались в голове. Возможно, Леван вообще не услышал её растерянный возглас, потому что тут же перекрыл его поцелуем. Или он услышал что-то свое, грузинское, потому что отвечал ей ночью на языке гор. И самое удивительное — она всё понимала, как будто сама родилась в тех кавказских теснинах, которых никогда не видела.

Женщина Багратиона

Наконец Леван открыл глаза и улыбнулся. Точнее, он начал улыбаться еще до того, как окончательно проснулся, и первым делом прильнул к упругой сладости её груди. Полина кожей ощутила: всё сейчас снова перельется в нежную радость, и она уже никогда не сможет стать прежней — легкой бабочкой, переступающей границу прилива крови лишь по собственной прихоти. Теперь этот прилив властвовал над ней сам.

— По-моему, мы одни. В квартире немая тишина, — удивилась Полина, когда они вновь примирились с реальностью.

— Если кто-то и есть, то решили нам не мешать, — кивнул Леван. — Наши соседки ведь тоже когда-то были такими же юными, как ты.

Полина отодвинулась к стене и села по-турецки, подобрав под себя ноги. Увидь Леван женщину в такой позе раньше — покраснел бы до самых пяток. Но этим утром всё казалось естественным. В конце концов, женщины — тоже люди, к чему им вечно укрываться от взгляда близкого мужчины?

В это мгновение рука Левана, свесившаяся к полу, нащупала какую-то крошку. Это оказался тот самый страз, который вчера так возбуждал посторонние взгляды и заставлял Левана мысленно скрипеть зубами. Полина считала себя вправе носить любые украшения, соответствующие моде — точнее, дресс-коду их салона, где подобные штучки служили рекламой услуг.

— Это моя защита, — сопротивлялась она вчера попыткам Левана отцепить эту печать «эгоиста».

Теперь стеклянная пулька приклеилась к его указательному пальцу — мелочь отвалилась сама собой в пылу ночи. Полина улыбнулась, забрала её и прилепила себе на лоб, на место «третьего глаза».

— Я похожа на женщину из касты брахманов?

Леван покачал головой и что-то негромко ответил на грузинском. Тогда Полина щелчком отправила свой «слепой глаз» куда-то далеко в угол комнаты. Русской девочке не обязательно притворяться индийской Лакшми, если она — женщина Багратиона.

— Можно я тебе открою одну тайну, — Поля как обычно в такие минуты смотрела слегка исподлобья, самая верная примета, что девушку что-то смущает.

Леван повернулся и поцеловал розовую коленку: «я весь у твоих ног».

И Полина призналась, как она страшно все эти дни боялась его такую сторговую и властную маму. Леван и мысли не допускал, что его мама может кого-то держать в таких ежовых рукавицах, как это себе нафантазировала Поля.

— Аи иа! — задорно как первоклассник, открывший для себя чудо, улыбался Лево, — Это фиалка! Так начинается букварь деда Эна. Каждый грузин в первый раз читает именно про фиалку.

Страх отпустил девушку:

— Ма-ма мы-ла ра-му! — развеселилась Поля, но не стала объяснять Левану в чем аналогия.

Бабочки многоцветницы

Постепенно город просыпался: минута священной тишины истекала. Где-то на Пугачева нетерпеливый водитель нажал на сигнал. Под окнами возбуждённая звуком отозвалась собака, на которую прикрикнул выгуливающий её властный хозяин.

Полина уже заварила свежий чай. Разложила на столе скромный завтрак. И вдруг спросила:

— Леван, а ты видел небольших лесных бабочек — такие рыжие с черными пятнышками? У вас там на Кавказе летают такие?

Леван, еще сонный и разомлевший, сладко потянулся в постели. Он на всякий случай кивнул: почему бы ему не видеть каких-то бабочек? В его мире сейчас всё было гармонично и просто.

Девушка, видя, насколько он далек от её чувств в эту минуту, не стала настаивать на энтомологической точности. Она просто начала рассказывать, как по заданию классной они школьниками ловили летом целые коллекции: голубых, рыжих, павлиньих глаз. Как делали гербарии, засушивая бабочек между страницами ненужных книг. Потому что бабочки своими тельцами могли оставить жирные следы на страницах хороших книг и испортить их.

Тогда она не понимала прихоть учителя — зачем каждый год собирать новые и новые коллекции, выбрасывая старые. Точнее, она не задумывалась, что их просто учат убивать ради показухи — чтобы их любимую учительницу отметила комиссия Района за «особо отличившееся» оформление кабинета ботаники.

Леван, мечтательно созерцая потолок, никак, по мнению Полины, не вникал в её настроение. Для него это были просто детские воспоминания.

— Бабочек не вернёшь, — наконец нашелся он с ответом в повисшей паузе, считая, что проявил сочувствие.

— Ты не чувствуешь... — огорчилась Полина. — Весной мы поедem в лес, и я тебе покажу тех, кого мы «принесли в жертву». Они совсем беззащитные перед детьми с сачками. А ведь в магазинах тогда специально продавали эти сачки... Они такие переливчатые — то апельсиновые, то золотистые, то цвета охры.

Полина замолчала, вспоминая совсем другую ночь и другой ритуал. Там, в кругу Магов, её чистота — та самая девственность, которую Леван считал своим вчерашним «завоеванием» — была отдана Русским Богам. Это было посвящение в Берегиню, наполнение силой, а не просто физический акт. Там смерть и жизнь имели смысл, в отличие от тех бессмысленных бабочек в старых книгах. Но Левану об этом знать не стоило — он бы просто не нашел слов.

Парень уже встал, умылся и подсел к столу. Полина заботливо налила ему чашку чая и пододвинула бутерброд. Разумеется, весной они поедут в Курортный район, найдут бабочку и будут ею восхищаться. Для него это будет просто милый пикник.

— Может быть, хорошо, что дочь классухи учится теперь на химико-биологическом, но мечтает быть учителем химии, — вынесла Полина финальный вердикт, глядя в окно. — Пусть лучше учит детей обращаться с ядами. Это честнее.

Леван, уже было откусивший бутерброд, вдруг замер.

— Химия — базовая наука для любого будущего врача, — произнёс он задумчиво. — Если бабочки — нечто неуловимое, эфемерное, как настроение девушки, то формулы и колбы — это путь к Жизни. Понять, как устроено живое, чтобы его сохранить.

Полина вздохнула. Ей на мгновение захотелось возразить: «Бабочки — это нимфы, которых можно разложить на атомы. Но если ты видишь только атомы, ты теряешь саму нимфу». Но фраза показалась ей слишком вычурной для этого простого солнечного утра. Она понимала:

Леван смотрит на мир через микроскоп, а она — через потоки силы, которые не зафиксирует ни один прибор.

— Панацея... Ты врач, тебе яснее, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал мягко. Но всё же внутренняя Берегиня не смогла промолчать и добавила:

— Главное, чтобы дозировка препарата была правильной.

Леван удовлетворённо кивнул, принимая это как согласие профессионала с профессионалом. Он не уловил, что для Полины «дозировка» — это не только про миллиграммы в рецепте, но и про то, сколько правды может выдержать человек, прежде чем его мир разрушится.

Полина отошла к окну, чтобы привести взъерошенные локоны в порядок. Она всматривалась в своё отражение в «волшебном зеркале» и терялась: «Не была ли она такой вот бабочкой для каких-то неизвестных ей Русских Богов? Ловили ли её, чтобы пришить к картону чьей-то веры? И если да — то ради какой комиссии, какой грамоты?»

Глава 7. Легенды Суворовского госпиталя

*«Когда чума от смрадных, мёртвых тел,
Начнет бродить среди печальных сёл,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек;
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож;
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему покажется, смешон;
И будет все ужасно, мрачно в нём,
Как плащ его с возвышенным челом.»
М. Лермонтов «Предсказание».*

Пруссия-44

Леван заглянул к Маркусу вечером, прошагав полчаса под пронизывающим ветром с Невы. Странно, но он, безумно любивший горное солнце, начинал привыкать к этому желанию продоргнуть до костей. Стылый воздух Питера лучше всего подходил к настроению после смены в госпитале.

До работы в «травме» ему и в голову не приходило, что война идёт и здесь. О войне в Грузии он знал всё. Они бежали от неё сюда, в тихую Россию. Леван даже говорил Полине:

— Ты счастливая, русские не видели войны после распада Союза.

Однако жизнь быстро внесла правки: русские оказались разными.

Одни, в «адидасах» и кожанках, «очищали» город от гопников и «нацменов». Другие искали астральную любовь в «Планетарии». Третьи восстанавливали конституционную законность в Кизляре и Моздоке. А они с Полиной будто жили вне времени и пространства — в своей комнатке на Пугачёва.

Леван ещё не до конца осознал масштаб происходящего, но чувствовал: что-то идёт не так. С его родного Кавказа в Питер бесконечно везли раненых. Анамнез был кратким: осколочные ранения, подрывы, огнестрельные. Мучаясь от бессилия и желая помочь этим ребятам, Леван решил во что бы то ни стало разобраться в самой механике таких ранений.

К его радости, у Маркуса он застал деда. Невысокий, сухой Аркадий Михайлович был легендой ленинградской медицины: пережил блокаду, «дело врачей» и самого «Навуходоносора» — так он называл Сталина. Профессор всегда придирчиво изучал друзей внука и при первом же знакомстве в лоб спросил, как Леван относится к «великому грузину».

Леван тогда лишь пожал плечами. В тбилисской интеллигентной среде Сталина давно списали в кумиры дальнобойщиков. А о репрессиях в семье Левана в сытые восьмидесятые не вспоминали — хватало других забот. В ответ на это молчание Аркадий Михайлович не стал читать нотаций, а пустился в воспоминания. Надо отдать должное: Аркадий Михайлович говорил так, что его можно было слушать вечно. В изложении старика неприглядная правда виртуозно мешалась с красивым вымыслом — талант живописать события в этой семье явно был наследственным.

— Одобряю твое решение пойти в «травму», — оценил дед, заходя в библиотеку.

Леван как раз листал атлас Синельникова какого-то довоенного года издания — в роскошном оформлении.

Пока Маркус на кухне соображал насчет вечернего чая, старик добавил:

— С такими музыкальными пальцами выходят хирурги «от бога».

Леван бережно закрыл раритет и непроизвольно взглянул на свои руки, сплошь в крохотных ссадинах от каталок. Он вопросительно посмотрел на вернувшегося Маркуса: «Дед не в курсе, что меня отчислили?»

Старик хитро прищурился и потянулся за трубкой, которую явно прятал от домашних.

— Кто не падал — тот не поднимался, — ответил он сам. — Отчисление ради работы санитаром — поворот сомнительный, но раз звезды так легли, значит, это кому-нибудь нужно? — Он по-приятельски подмигнул.

Леван и не догадывался, каким жестким мог быть этот добродушный старик на кафедре или в операционной. Сейчас он видел только поддержку.

— Вижу, как ты на этот атлас смотришь. Как монах на святыню, — Аркадий Михайлович вдруг оборвал себя и закончил иначе: — Нет, лучше: как голодный на шампур с мцвади.

— Деда, потише, — фыркнул Маркус, разливая чай по тонким чашкам. — Мама услышит твои метафоры — и прощай курение в библиотеке на неделю.

— Моя дочь не станет спорить с отцом по пустякам, — отмахнулся профессор и снова повернулся к Левану: — Так что там у вас на Суворовском? Потише стало? Хасавюрт наконец-то «устаканил» доставку чеченских бортов?

Леван кивнул. После соглашений прошло месяца три. Самый ад в «травме» он не застал, война формально закончилась, но в госпиталь всё еще везли тех, кто подорвался на «лепестках» — минам было плевать на мирные договоры.

— Да, прибывает в разы меньше. Но раны тяжелые: рваные, голень в труху. Я потому и заехал к Маркусу. В госпитальной библиотеке учебники старые, про минно-взрывные там — пара абзацев.

— В учебниках, голубчик, всегда пишут про «идеальную» рану, — Аркадий Михайлович тяжело поднялся и подошел к стеллажу. — «Лепесток» — это не физика, это подлость. Он не убивает, он калечит, чтобы выбить из строя еще двоих, кто будет раненого тащить.

Старик попросил внука достать стрелянку и найти на верхних, пыльных полках среди канцелярских папок ту, что помечена «44».

— Возьми. Я отдавал её зятю когда-то, но начмеду мои записки ни к чему. Да и внук скорее пойдет по стопам отца, чем по моим. Раз история повторилась, ты следующий, кому это пригодится: минно-взрывные из Пруссии. Сорок четвертый. Немцы, как в сказке про чудесный гребешок, прикрывали свое отступление — не продраться было сквозь эти стальные зубья.

Леван развязал пожелтевшие тесемки. Первый лист гласил: «К выработке методики терапии военной травмы в зависимости от глубины проникновения и сопутствующей симптоматики». В груди что-то дрогнуло. Такое острое, почти физическое чувство узнавания он испытывал только от прикосновений Полины. Здесь, в тишине библиотеки, среди запаха табака и книжной пыли, его настигло ясное, как в добром сне, прозрение.

Никакой он не неудачник, как в сердцах припечатал отец. Не «потеряшка» с каталкой и уткой, пристроившийся вслед за Игорем в госпиталь. Он — будущий врач. Внук Шалвы Гиоргадзе, одного из лучших хирургов Тбилиси.

— Моцобеба, как говорит мой дед — по-русски это «призвание» или «внутренний зов».

Кто-то должен был одним словом изменить будущее Левана. Родной дед остался за горами, зато рядом оказался старый профессор — тоже дед, хоть и чужой.

Новороссия

Аркадий Михайлович не строил из себя мистика. Больше всего в жизни он ценил умение обходить потери «лобовых атак» элегантным маневром. Идти напролом, когда ситуация против тебя — значит множить просчеты. Именно этому, судя по его версии, учила история вранья евреев в Российскую империю.

— Матушка-гусарыня соизволила пригласить наших праотцов заселять выдуманную ею пустошь, — рассуждал профессор. — Пустошь была природная, а вот прожект — чисто умозрительный. Назвали его Новороссией. Там, где оплот Петра — там Старая Россия. Старшая. А куда Екатерина отправила безземельных приверженцев веры моих отцов — там был наш Новый Свет.

Аркадий Михайлович хитро улыбался, и становилось ясно: российские Потемкины да Орловы для него — лишь игроки вторых ролей, способные на сиюминутный гешефт, но лишённые дара предвидения. Ударить табакеркой в ухо законному императору ради благосклонности бойкой красотки — много ума не надо.

Левану, далекому от этих лабиринтов, легенды профессора казались шутовским калейдоскопом, лишённым горского духа. В судьбе Екатерины, соучастницы убийства мужа-царя, он не видел драмы, достойной царицы Тамары. Но в одном он был с профессором не согласен: Леван уже выбрал сторону Павла I. Ведь именно Павел заложил Медико-хирургическую академию.

Не будь того указа, дед Шалва никогда бы не приехал учиться в Ленинград, не убедил бы сына перевезти семью, и жизнь Левана сложилась бы иначе. А он не хотел другой судьбы — без этого города, без друзей и без Полины.

Но всё это было сегодня, а тогда... Немка, видя, что ей досталось дикое королевство, где достойного лекаря днем с огнем не сыскать, удумала заманить к себе ученый народ. И выходило так, что приглашенные ею люди лишь сделали вид, будто им нравится авантюра с освоением пустошей, а сами имели на примете совсем иные дела.

— Но дядя Гурам говорит иначе, — мягко вставил Леван, пытаясь нащупать разницу между «в огонь и в воду за обет» и философией, где обет — это лишь слова, писанные вилами по воде.

Дядя Гурам мечтал о другой Грузии и другом Петербурге — мире чести и слова. В реальности же всё выходило по слову деда Аркадия: жена с сообщниками убивала мужа и объявлялась Великой, а некий сын Софии-Шарлотты Прусской, рожденный в Берлине, оказывался России, где назывался сыном отравленного царя Алексея и основывал столицу имени себя. И в старую Москву — ни ногой, из страха, что верноподданные прикончат его так же быстро.

— Дедуля, не пудри мозги, — не выдержал Маркус. — Леван запутается в твоих играх разума. Давай по учебнику: Петр Первый — сын Алексея Михайловича, а не какой-то там его дочки Софьи, точнее уже на тот момент Софии-Шарлотты.

— С какой стати я должен потакать вашему Миллеру? — вспыхнул профессор. — Этот немец навязал вам не историю, а несусветную ложь. Я был в Пруссии, заходил в берлинский Шарлоттенбург и видел там портрет юного Петра в латах. Подарок родителям кронпринца! И висит он там не для красоты, а по праву крови.

«Дедушка или отец — разве это важно?» — Леван окончательно терялся в этом споре. Ему вспомнилось, как дядя Гурам объяснял передачу короны царице Тамаре, а не незаконному сыну Георгия.

— Сын моей дочери — мой сын, а сын моего сына — чужой сын, — процитировал Леван вслух старую горскую мудрость.

Аркадий Михайлович замолчал на полуслове и с интересом взглянул на гостя.

— Отлично! — рассмеялся он. — Зришь в корень. В Грузии всегда знали цену чистоте крови лучше, чем в наших петербургских канцеляриях.

Старик вдруг резко сменил тему:

— Назначал уже свидания девушкам у Пушкина?

Леван качнул головой: в ту пору девушки у него еще не было.

— Всё впереди! Пушкина, кстати, после дуэли тоже наши лечили — был такой хирург Христиан Соломон. Не будь его знаний и связей, нас бы давно в те самые пустоши выселили.

Сегодня, узнав о новом месте работы Левана, профессор взялся вспоминать историю госпиталя на Суворовском.

— Деда, может, Левке неинтересно? — попытался вклиниться Маркус.

Но Леван, воспитанный в почтении к старшим, протестующе поднял руку: старший имеет право высказаться.

— Царь Николай тогда опасался, что мы слишком укрепимся в столице, — продолжал старик. — Паспорта не продлевали, а беспаспортных — в арестантские роты.

Левану это было знакомо не понаслышке. Среди родных, бежавших от войны в Питер, каждый второй жил на птичьих правах, откупаясь от участковых и стараясь не мозолить глаза власти. Так жили и дядя Гурам, и дядя Иракли.

— Тогда-то среди наших и была создана подпольная община, — профессор заговорщицки понизил голос, — чтобы помогать своим. В госпитале на Суворовском тоже были люди.

— У нас это называется землячество. Диаспора, — кивнул Леван.

Дедушка Аркадий выразительно взглянул на внука: мол, «а я что говорил, это интересно не только мне!».

— Десять мужчин — это уже миньян. А если они официально служат государству, в войсках или полиции, им дозволено узаконить свою молельню. Мой дед рассказывал: в Николаевском военном госпитале на Песках был наш миньян, пока начальство не решило отобрать комнату «для более важных нужд». Тогда Песковская молельня наняла помещение по соседству. А когда евреям запретили служить на флоте и закрыли их точку в Крюковских казармах — они перебрались к нам. Так общины и крепи.

Из слов деда складывалась карта того, первозданного Петера, где Николаевский госпиталь на Песках превращался в нынешний армейский госпиталь на Суворовском — тот самый, куда Леван попал санитаром. Как метко подметил старик: раз звезды так легли, значит, «это кому-нибудь нужно».

— Видишь ли, Леван, — Аркадий Михайлович выпустил облако дыма. — В девятнадцатом веке у нас шла своя внутренняя война. Между теми, кто хотел «выкреститься» и стать больше русским, и теми, кто держался за миньян. Ассимиляция — штука соблазнительная, но коварная. Мой отец был из выкрестов, и его мать, моя бабушка Геля, запретила ему приходить в дом — не хотела неприятностей остальным детям. Отец не держал обиды. Он считал, что имеет право служить той родине, которую выбрал сам. И я так считал. Даже когда оперировал в полевых условиях — моя вера не поколебалась.

Леван замер. Он вспомнил дядю Тимури, который остался в Тбилиси и наотрез отказывался приезжать в Питер, вечно конфликтуя с братом. Теперь у этого противостояния появилось точное определение — ассимиляция.

Вскользь Аркадий Михайлович упомянул момент, когда понял свою неправоту. «Дело врачей». Тогда он и помыслить не мог, что его родной дядя — «врач-убийца». Он списал всё на врачебную халатность — явление опасное, но не предумышленное. А потом родина, которую выбрал отец, стала тяготиться евреями. Без разбору. Особенно, когда к власти пришли другие евреи, противники «выкрестов».

Старик не желал внуку такой непоследовательной в своих решениях страны.

— Выбирая между народом и новой родиной — выбирай народ, — дед Марка чуть поднял руки ладонями наружу, будто сдаваясь, но мысли его уже перескочили на другое. — На Суворовском... если ты «просто санитар» — ты никто. Но если ты внук Шалвы Гиоргадзе, который временно держит в руках утку, — ты непобедим. Не дай этому городу размыть твой контур, парень. Ищи своих. Не по паспорту — по духу.

Бытовая травма

Выяснилось, что Аркадий Михайлович знал в госпитале на Суворовском каждого второго, и Левану следовало в любом затруднительном деле обращаться к нему. Пока таких дел не было: в «травме» лежали в основном ребята из Чечни, гражданских привозили редко, только в самых тяжелых случаях.

Как раз такой случай выдался в прошлую смену. Криминальный. Семейная драка.

— Отец с сыном? — мгновенно догадался дед.

Леван мотнул головой:

— Хуже. Закрытая ЧМТ, перелом носа, обширные кровоподтеки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.